

ЛЕВ
ЖДАНОВ



ЗАБЫТАЯ
КНИГА



ЗАБЫТАЯ
КНИГА

ЛЕВЪ
ЖДАНОВЪ

ПОСЛѢДНІЙ
ФАВОРИТЪ
(ЕКАТЕРИНА II и ЗУБОВЪ)

КН-ВО ПРОМЕТЕЙ-
Н.Н. МИХАЙЛОВА

ЛЕВ ЖДАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ФАВОРИТ

КНИГА 2

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИЗДАНИЯ 1914 ГОДА



МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

Право собственности въ Россіи закрѣплено во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ автору Льву Григорьевичу Иданову, С.-Петербургъ. Поварской 10. Изд-во „Прометей“.

1914.

Типографія
Спб. Т-ва Печ.
Изд. дѣла
«ТРУДЪ».
Кавалергар., 40

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр
Отъ автора	7
Глава V. Выше предѣла	11
„ VI. „Шахъ королю!“— „Матъ королевѣ!“	69
„ VII. Послѣдніе дни	166

ОТЪ АВТОРА.

— Я ужъ стара!—этими словами прославленной Семирамиды Сѣвера, сказанными въ концѣ 1791 года, заключается первая часть правдивой исторіи о Екатеринѣ Великой и ея послѣднемъ „фаворитѣ“, Платонѣ Зубовѣ, которая и заканчивается въ настоящей книгѣ.

Конечно, что она „состарилась“, царственная Цирцея-очаровательница, вѣчно-влюбленная и пылающая,—это видѣли всѣ, но закрывали глаза, а придворные живописцы, самые худшіе льстецы въ мірѣ,—рисовали портреты съ постарѣлой властительницы, тонко прикрашивая природу... Такъ, портретъ Шубина, писанный уже много позже, въ 1794 г., т. е. за два года до смерти императрицы,—даетъ намъ красивое лицо женщины лѣтъ 46—7 съ сѣдыми, вѣрнѣе-пудренными волосами...

А, между тѣмъ, вотъ что писалъ „для себя“ въ своемъ дневникѣ Ник. Наз. Муравьевъ, умный наблюдательный человѣкъ, видѣвшій Екатерину именно въ томъ-же 1792 году, когда начинается вторая и послѣдняя часть этого романа: „Дали знать, что императрица возвращается изъ церкви въ свои покои, и мы скоро увидѣли этотъ ходъ. Императрица, старая старуха, обвѣшанная и закутанная кружевами, напудренная и въ чепцѣ, шла впереди этого хода.

Позади нея съ правой руки, на полшага взадъ отъ нея, въ красномъ артиллерійскомъ мундирѣ съ Андреевскою

лентою черезъ плечо, шель ея любимецъ, князь Зубовъ, видный мужчина лѣтъ 24-хъ, распудренный, который съ нею смѣло разговаривалъ и представлялъ ей нѣкоего хорошенькаго мальчика, кажется, француза, своего адъютанта...

За императрицею наслѣдникъ ея, Павелъ Петровичъ, каррикатурно выступалъ во французскомъ кафтанѣ, ведя подъ руку супругу свою, Марію Федоровну, которая была ростомъ великанъ передъ своимъ мужемъ.

Покуда императрица проходила Кавалергардскую со своимъ, можно сказать, юношею—любимцемъ,—стоящіе рядами на пути ея старики-генералы и другіе сановники со своими длинными косами и широкими вензелями между плечъ, въ поясъ кланялись ей, какъ какому-то бо ж е с т в у "...

Дѣйствительно, боготворимая окружающими, Екатерина все-же не была ослѣплена въ конецъ этимъ льстивымъ обожаніемъ и сама поняла, что стала стара...

А душа еще была кипуча и сильна, какъ въ минувшіе, юные годы... Изношенное годами и государственнымъ заботами тѣло еще требовало прежнихъ восторговъ и ласкъ... Даже цѣною самообмана, дорогою цѣною золота и чиновъ, даримыхъ „юному, послѣдному любимцу“... Приходилось прибѣгать и къ возбуждающимъ средствамъ... А государство росло, заботы усложнялись... Семейный разладъ съ каждымъ днемъ обострялся и узелъ запутывался все туже и сильнѣе...

Вотъ подъ какимъ знакомъ доживала свои послѣдніе годы Великая императрица и вѣчно-пламенѣющая, ненасытная въ чувственности, женщина...

Эти дни яркаго, мучительно-грустнаго заката Екатерины, изображены во второй части романа, предлагаемаго читателю.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

ПОСЛѢДНІЙ ФАВОРИТЪ

(ЕКАТЕРИНА и ЗУБОВЪ).

РОМАНЪ—ХРОНИКА СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

(1789—1796 г.г.)

Книга II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

У.

Выше предѣла.

Ничего и никакого больше не стояло на пути у послѣдняго фаворита Екатерины.

Всѣ почести сыпались на него дождемъ. Графъ, князь Священной Римской Имперіи, возведенный въ это званіе вмѣстѣ съ отцомъ и всеми братьями, онъ владѣлъ состояніемъ въ 4—5 милліоновъ рублей, полученнымъ отъ Екатерины за какихъ-нибудь 4 года и приумноженнымъ личными, довольно таинственными операціями...

Раболѣпство двора стало претить даже ненасытному честолюбцу, какимъ былъ Платонъ Зубовъ. Наслѣдникъ трона, какимъ считался пока Павелъ, былъ почти искалеченъ съ этимъ недавнимъ „поручикомъ“, котораго однажды чуть не прибилъ изъ-за своей любимой собаки, обиженной солдатомъ изъ караула...

Екатерина хотя и понимала всю умственную и душевную незначительность послѣдняго фаворита своего, но теперь, на склонѣ жизни, достигнувъ силы, могущества и власти, все это бросала въ пропасть, которая отдѣляла двадцатипятилѣтняго Зубова отъ нея, великой государыни, но... женщины шестидесяти четырехъ лѣтъ!..

Этими священными, великими дарами она надѣялась заполнить пропасть, создать золотой мостъ туда, въ царство былой юности, минувшихъ чистыхъ восторговъ любви...

И Зубовъ, какъ добросовѣстный наемникъ, старался дать щедрой женщинѣ всю иллюзію, все призраки того, что она искала въ этомъ черствомъ, холодномъ человѣкѣ.

А мнѣніе о Зубовѣ у всѣхъ было почти одно и то же.

Суворовъ со своей прямою и силой выраженія такъ опредѣлялъ фаворита:

— Платонъ Александрычъ—добрый человѣкъ... Тихій, благочестивый. Безстрастный по природѣ... Какъ-будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи... Знаетъ „намеку“, загадку и украшается единымъ «какъ угодно-съ!..» Что называется въ простонародѣ лукавымъ... Хотя царя въ головѣ не имѣетъ!..

Такой человѣкъ понемногу сталъ вершителемъ дѣлъ огромной монархіи Сѣвера.

На счастье для фаворита графъ Безбородко долженъ былъ поѣхать въ Яссы, оканчивать за Потемкина начатыя съ турками переговоры о мирѣ.

А когда вернулся домой, то оказалось, что все дѣла по иностранной политикѣ, да и другіе, не менѣе важные посты, временно порученные фавориту за отъѣздомъ «фактотума» Безбородки, теперь остались окончательно закрѣпленными за новымъ „всемощнымъ“ министромъ всѣхъ дѣлъ...

И только братъ помогалъ ему, чѣмъ умѣлъ. Да прежній воротила при Безбородкѣ, графъ Морковъ окончательно перешелъ къ Зубову и быстро выросталъ въ лучахъ новаго солнца...

Безбородко, осторожный, мало дѣятельный по природѣ и не особенно честолюбивый, помнилъ хорошо, какъ справился Зубовъ даже съ Потемкинскимъ и безъ борьбы уступилъ свое мѣсто фавориту.

Только однимъ отомстилъ онъ братьямъ-захватчикамъ, пустилъ при дворѣ крылатую фразу:

— Раньше ото всѣхъ недруговъ лѣчились мы бестужев-

ской эссенціей. А нынѣ валеріановы „капли“ въ ходѣ пошли, да зубной элексиръ...

А кто не зналъ въ Петербургѣ, что у государыни отъ всѣхъ болѣзней любимымъ лѣкарствомъ раньше служили именно бестужевскія капли.

Наступалъ новый 1792 годъ.

Петербургскій дворъ принялъ совершенно особенный видъ.

На другомъ концѣ Европы кипѣлъ и грохоталъ революціонный вулканъ. Потоки народной лавы разлились и клокотали по всей потрясенной странѣ. А главная глыба, вѣнчавшая вершину охладѣлаго-было вулкана, была брошена къ берегамъ Рейна, въ тихій до тѣхъ поръ, Кобленцъ.

Еще раньше императрица предлагала даже самому Людовику XVI гостепрѣимство въ Сѣверной Пальмирѣ.

Но событія пошли слишкомъ бурной чередой. Короля и королеву Франціи обезглавили на гильотинѣ. И только блестящіе герцоги, шевалье и маркизы со своими изящными подругами вдругъ, какъ раскаленные камни, выброшенные изъ нѣдръ пылающей горы, перенесли далеко на Сѣверъ и при дворѣ Екатерины воскресили картину Версаля лучшихъ дней!..

Кавалеръ Сенъ-При и бывшій возлюбленный королевы графъ Эстергази явились какъ бы первыми ласточками. За ними потянулись десятки и сотни эмигрантовъ, начиная отъ знатныхъ семей, разоренныхъ революціей, и кончая не только торговыми и промышленными людьми, но и мошенниками высшаго полета, провѣдавшими, что вторая родина открылась для французовъ въ сѣняхъ суровой Россіи.

Этотъ потокъ завершился прибытіемъ въ Петербургъ графа д'Артуа, принца королевской крови, потомка Людовика Святого.

12-го марта, 1792 г. пріѣхалъ принцъ въ Петербургъ, гдѣ принять былъ Екатериной, Зубовымъ, всею русской знатію съ подобающимъ почетомъ и съ невиданнымъ блескомъ.

Цѣлый мѣсяцъ длился этотъ непрерывный праздникъ. Государыня ласкала царственного гостя, который былъ интересенъ и самъ по себѣ, и вдвойнѣ привлекалъ вниманіе сдержанной, величавой грустью, которая, какъ печать карающаго рока, мрачила тонкія черты его умнаго лица.

Но ничего серьезнаго обѣщать или сдѣлать немедленно для претендента Екатерина теперь не собиралась, да и не могла.

Правда, шведская война была закончена удачнымъ миромъ, подписаннымъ еще въ августѣ 1790 года.

Недавно праздновалось и заключеніе прочнаго мира съ Турціей.

Но какъ разъ теперь, 16-го марта 1792 года, выстрѣлъ Анкаштрема вогналъ въ несчастнаго толстяка «Гу», какъ въ кабана, цѣлый зарядъ крупной картечи и послѣ тяжелыхъ мученій умеръ этотъ король-чудакъ, спирить, визионеръ, вѣчный Донъ-Кихоть на тронѣ и по виду, и по своимъ замысламъ, мечтавшій подняться вверхъ по Сенѣ на канонеркахъ и возстановить во Франціи законныхъ королей, какъ ему это внушала Екатерина.

Королемъ Швеціи провозглашенъ былъ 13-лѣтній Густавъ-Адольфъ.

По малолѣтству наслѣдника, регентомъ сталъ герцогъ Ваза, прониливый политическій интриганъ, не долюбляющій Россію и по личнымъ побужденіямъ, и по доводамъ „золотога“ свойства, которые щедро доставлялись небогачему, сравнительно, вельможѣ изъ Берлина и Лондона.

Екатерина поняла опасность положенія и рѣшила заняться собственными дѣлами, по возможности любезно спла-

вивъ „дорогихъ“ и хлопотливыхъ гостей, какими оказались знатныя особы изъ Франціи.

Ловко перенесла она всю тяжесть представительства на своего фаворита, убивъ однимъ ударомъ двухъ зайцевъ.

Зубовъ плавалъ въ восторгѣ, принимая знаки величайшаго вниманія отъ знатныхъ гостей, съ самимъ принцемъ д'Артуа во главѣ. Онъ разсыпалъ направо и налѣво обѣщанія, которыя ему не стоили ровно ничего и не обязывали также императрицу даже въ самой легкой степени..

А французы были на седьмомъ небѣ отъ ласковаго пріема, отъ тѣхъ ожиданій, которыми вскружилъ имъ головы легеомысленный Зубовъ.

Прошелъ мѣсяць.

Чуткій принцъ нашель, что время подумать и объ отъѣздѣ.

Его не стали особенно сильно отговаривать отъ этого.

На воскресенье, 17 апрѣля, была назначена прощальная аудіенція въ Зимнемъ дворцѣ.

Вечеромъ, наканунѣ этого дня, принцъ сидѣлъ въ изящномъ кабинетѣ Платона Зубова, которому хотѣлъ какъ бы неофициально откланяться раньше, чѣмъ проститься торжественно съ русской императрицей и ея дворомъ.

Кромѣ того, онъ надѣялся, что Зубовъ, наконецъ, скажетъ положительно, на что можетъ надѣяться королевскій дворъ въ Кобленцѣ, кромѣ дружескихъ словъ и обмѣна любезностями.

— Я глубоко признателенъ и лично за себя, и за всѣхъ французовъ, которые нашли такое широкое гостепріимство у вашей государыни, у великой Екатерины! Только Семирамида Сѣвера и могла такъ откликнуться на нашъ безмолвный призывъ, на мольбу о помощи, которую обратили мы ко всѣмъ монархамъ Европы.. Теперь ей остается довершить свое великое дѣло. «Ляга монарховъ» готова къ

осуществленію. Лондонскій, берлинскій, даже вѣнскій дворъ,— всѣ идутъ намъ навстрѣчу... Только выжидаютъ момента, когда отъ словъ можно будетъ перейти къ дѣлу и сломить шею этой революціонной гидрѣ, охватившей своими кольцами нашу прекрасную Францію... Могу ли я быть увѣреннымъ, что самая могущественная государыня станетъ въ первые ряды этого грознаго ополченія, призваннаго самимъ Богомъ вернуть миръ народамъ, возстановить спокойствіе, справедливость и истинную свободу, а не якобинское безвластіе и анархію въ нашей бѣдной родинѣ? Я вынужденъ поставить такой прямой вопросъ, графъ. Правда, все время и вы, и ваши министры, и сама императрица поддерживали въ нашихъ сердцахъ святую надежду. Но я увѣжаю. Время дѣйствія давно пріспѣло. Въ самой Франціи назрѣваютъ новыя событія. Партіи раскололись. Конечно, и наши друзья стараются поселить раздоръ между этими грязными санкюлотами... Для такой работы, кромѣ личнаго риска, необходимы денежныя средства... Словомъ, тысяча вопросовъ... Жгучихъ, самыхъ неотложныхъ... И ни одного положительнаго отвѣта—увы—не удалось намъ услышать до сей поры. А завтра—день прощанья... И знаете ли, ваше сіятельство... Я не знаю, какъ и сказать... Но лично, что касается меня, и сейчасъ не рѣшено: куда я направлюсь теперь? Для поддержанія святого дѣла истощены всѣ средства, какія были въ моихъ рукахъ, въ рукахъ близкихъ мнѣ людей. Составленіе арміи и содержаніе ея сдѣлано почти цѣликомъ въ долгъ!.. Теперь пора расплатиться. Кредиторы заговорили... А я...

Принцъ не докончилъ и только тяжело вздохнулъ.

— Боже мой! Отчего вы раньше, ваше высочество, такъ откровенно не сказали мнѣ всего! Конечно, мы и теперь сдѣлаемъ, что возможно. Но не думаю, чтобы такая поддержка отвѣчала и нашимъ желаніямъ и вашей необхо-

димости... Но, конечно, въ самомъ скоромъ времени... Я сегодня же буду говорить съ государыней... И завтра до отъезда вы получите отвѣтъ. Ручаюсь вамъ въ этомъ...

— Да благословить васъ Богъ, милый графъ! Но куда вы дадите знать о дальнѣйшемъ послѣ моего отъезда? Въ Кобленцъ я вернуться не могу...

— Да и не надо. Поѣзжайте въ страну «свободы»... Въ Лондонѣ вы будете приняты самымъ лучшимъ образомъ. Увѣренъ въ томъ...

— Кредиторы и тамъ найдутъ меня. А законы Англіи очень суровы къ неаккуратнымъ должникамъ... Я такъ слыхалъ...

— Пустое! Вздоръ, ваше высочество. Вамъ и думать на надо о томъ!.. Позвольте себѣ отстранить всѣ возраженія вашего высочества. Англія за честь почтетъ принять васъ, какъ принца д'Артуа, и вдвойнѣ, какъ друга русской императрицы. Король Георгъ никогда не пойдетъ противъ насъ. Я васъ увѣряю. И не безъ основаній... Тамъ будетъ сдѣлано для васъ все, что ни пожелаетъ государыня.

— Но парламентъ... министры... Они въ Англіи нѣсколько въ иныхъ отношеніяхъ къ коронѣ, чѣмъ здѣсь, въ странѣ счастливаго самодержавія... Конституція...

— Фу, какое избитое... простите, даже пошлое слово, ваше высочество! Вамъ ли, правнуку Людовика XI, Людовика Святого и другихъ, думать о подобныхъ пустякахъ? Парламентъ—это для толпы... Для успокоенія черни. А высшая политика дѣлается не грубыми руками этихъ торгашей изъ нижней палаты... Наконецъ, у насъ тамъ есть свой министръ, князь Семенъ Романовичъ Воронцовъ... Онъ немножко опустился и распустился тамъ, среди „свободныхъ британцевъ“. Но вы передадите ему отъ моего имени... Прямо отъ меня все, о чемъ мы сейчасъ рѣшимъ. И по-

смотрѣлъ бы я, какъ это не будетъ сдѣлано въ полное ваше удовлетвореніе. Полагаю, это должно васъ устроить, ваше высочество.

— О, если такъ.. Если вы говорите, ваше сіятельство...

И оба глубокіе политика стали заниматься обсужденіемъ подробностей дальнѣйшаго образа дѣйствій. Какъ разъ въ это время доложили о приходѣ принца де-Линь и маркиза Эстергази, которые тоже вступили какъ бы въ свиту фаворита, ожидая отъ него великихъ и богатыхъ милостей. Особеннымъ усердіемъ отличался князь Эстергази.

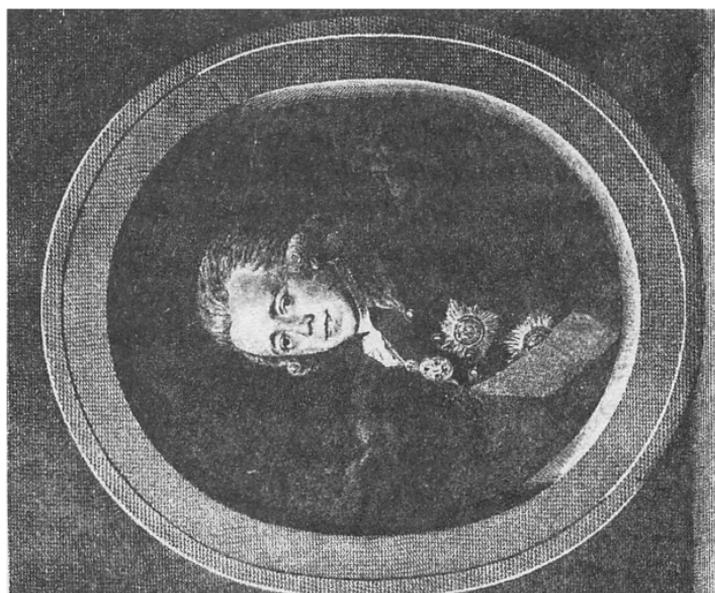
— Вотъ, кстати. Проси, проси, конечно! Вы не противъ, ваше высочество! Мы съ ними и приступимъ къ работѣ, такъ сказать, *viribus unitis!*.. Ха-ха-ха... О, пусть берегутся эти всѣ «голоштанники», люди «долинъ и горъ» всѣ эти масоны и царевѣйцы! Мы имъ дадимъ себя знать!..

* * *

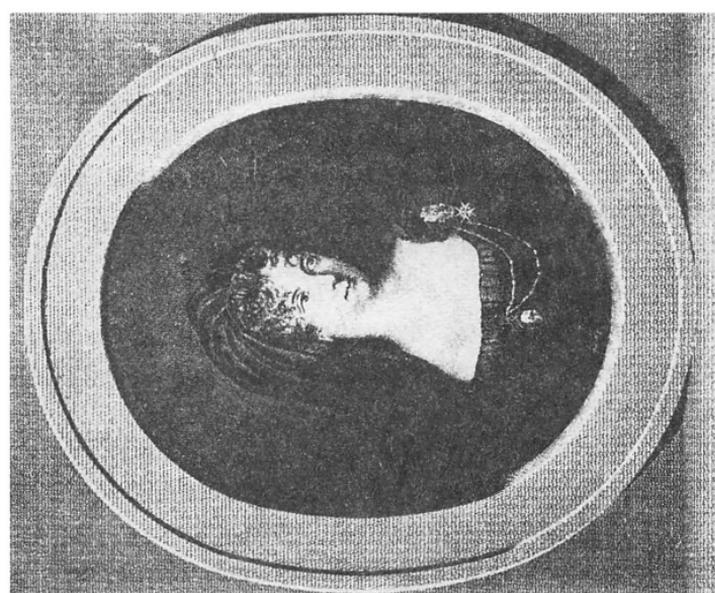
Екатерина на своей половинѣ сейчасъ тоже сидѣла не одна.

Сказавшись больной, она забавлялась съ маленькимъ Эстергази, мальчикомъ лѣтъ девяти.

Миловидный, съ живыми, мышинными глазками, ребенокъ былъ очень развитъ для своихъ лѣтъ. Но больше въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону. Блѣдное личико и синія подглазины были бы подозрительны для родителей, болѣе внимательныхъ къ дѣтямъ, чѣмъ чета Эстергази. Мальчикъ любилъ впиваться поцѣлуями въ губы и грудь красивымъ молодымъ фрейлинамъ, окружающимъ Екатерину. Его собственная гувернантка сама отдавала ему крѣпкіе поцѣлуи и по ночамъ часто приходила навѣдываться къ постелькѣ мальчика, хорошо ли ему спать...



PAUL
Empereur de toutes les Russies
Comme il est le 2. April 1797.



Marie Prokhorovna
Empress de toutes les Russies
Comme elle est le 2. April 1797.

Преждевременная испорченность и извращенность сквозила, несмотря на усиленно-наивный и ребячливый тонъ, какой усвоилъ себѣ этотъ маленький актеръ. Екатерина видѣла все. Но ее забавляло въ ребенкѣ и проявленіе раннихъ страстей, рафинированная чувственность, свойственная стариннымъ расамъ, и способность мальчика твердо вести внушенную ему роль.

Сама актриса по натурѣ, она цѣнила дарованіе, гдѣ бы и въ чемъ оно ни проявлялось.

Сначала князекъ пѣлъ ей слабымъ, но вѣрнымъ и пріятнымъ голоскомъ народныя двусмысленныя пѣсенки своей родины и соблазнительныя куплеты салонныхъ романсовъ. При этомъ мимика и движенія худенькаго тѣльца, полная наивнаго, бессознательнаго цинизма, поясняли недосказанный порою смыслъ стиховъ...

— Да ты прелесть что за обезьянка! — хохоча отъ души, крикнула ему Екатерина. — Я тебя каждый день буду ждать... Приходи, будемъ друзьями... Ну, теперь пой пѣсню вашихъ «голоштанниковъ»...

— Слушаю, ваше величество.

Мальчикъ взъерошилъ себѣ длинныя, завитые волосы, нахмурилъ брови и, подражая грубымъ народнымъ голосамъ, старался побасистѣе запѣть заказанную пѣсню.

...«Са іга! са іга!..»

Рѣзкій, зловѣщій припѣвъ прозвучалъ въ покояхъ самодержавныхъ государей сѣвера какимъ-то тайнымъ предзнаменованіемъ...

Даже слабый голосокъ ребенка получилъ особую звучность и выразительность, какъ-будто князекъ перенесся къ той минутѣ, когда впервые прозвучала эта боевая пѣсня въ его розовыхъ, сквозящихъ аристократическихъ ушахъ и врѣзалась тамъ навсегда.

Дальше полились слова, звучить вызывающій, зловѣшій напѣвъ...

Величавый, лѣтъ сорока, человекъ въ роскошномъ французскомъ кафтанѣ и кружевномъ жабо, очень молодой на видѣ, показался на порогѣ комнаты, дверь которой раскрылась безъ предварительнаго доклада, согласно данному заранѣ приказанію императрицы,

Вошедшій сдѣлалъ большіе глаза, услышавъ мятежный напѣвъ въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ, но сейчасъ же овладѣлъ собой и низкимъ поклономъ привѣтствовалъ хозяйку, которая протянула ему радостно обѣ руки.

— Входите, входите, милый Шуазель. Я васъ жду. А пока отъ скуки забавлялась этимъ очаровательнымъ парижаниномъ... Садитесь. Сюда, ближе. Поболтаемъ... Его я сейчасъ отпущу. Стунай, мой князекъ. Кланяйся своей мама и свсему папа и скажи, что я приказала приводить тебя каждый день, съ утра, когда самъ пожелаешь. Мы тутъ будемъ пѣть, играть... У меня найдется немного игрушекъ... Словомъ, думаю, тебѣ не будетъ очень скучно со старухой-бабушкой... А?

— Я буду счастливъ, ваше величество... Мама сказала, ваше величество...

— Не величай меня, дитя. Зови, просто бабушкой, какъ звали мои родные внуки, когда были такими, какъ ты, и тоже каждый день прибѣгали сюда, возиться, «помогать» мнѣ въ моихъ работахъ, для чего проливали чернила и путали исписанные листки. Ты гораздо благовоспитаннѣе моихъ великихъ князей, какъ я вижу... И мы съ тобой поладимъ... Цѣлуй меня и стунай...

— Кланяюсь вамъ, бабушка, ваше величество... Я порадуя папу и маму, бабушка, ваше величество, — вдругъ, состроивъ печальную рожицу, сказалъ князекъ, вспомнивъ, что ему было поручено изъ дому: — Папа сегодня былъ очень

сердить. Пришли разные люди съ бумажками... Требовали денегъ... А у папы ни одного су... А мама плакала, что завтра на приемъ у васъ, бабушка, ваше величество, ей придется быть въ старомъ туалетѣ... Никто не хочетъ шить новаго безъ денегъ... И они приказали не говорить этого вамъ, бабушка, ваше величество... Но мнѣ жаль моихъ милыхъ папа и мама, —совсѣмъ плаксиво запричиталь мальчикъ.—И я сказалъ... Потому что всѣ говорятъ, ваше величество, бабушка, очень добры и помогаете въ несчастіи честнымъ людямъ... И Богъ за это посылаетъ вамъ много денегъ и войска, бабушка, ваше величество... Только не надо говорить папѣ, что я все это говорилъ вамъ!.. —Бойко отрапортовалъ свой урокъ мальчикъ и смотритъ на «бабушку».

Екатерина, заливаясь веселымъ смѣхомъ, только дѣлала знаки Шуазелю де Гуфье, который тоже улыбался, но далеко не такъ весело, какъ Екатерина.

— Ну, хорошо. Молодецъ. Ничего не забылъ. Скажи папѣ и мамѣ, что ты мнѣ ничего не говорилъ. Но я сама помню и постараюсь позаботиться о карманныхъ деньгахъ твоего папы и о туалетахъ мамы.. Иди, милая обезьянка. Завтра жду!..

Поцѣловавъ пылающее отъ волненія и удовольствія личико мальчика, она столкнула его съ колѣнъ, куда онъ какъ-то незамѣтно взобрался и прижался къ высокой, еще упругой груди названной «бабушки».

Мальчикъ отвѣсилъ придворный, церемонный поклонъ, другой, вдругъ поскользнулся на паркетѣ, потерялъ равновѣсіе и, стараясь не упасть, сдѣлалъ напряженіе всѣмъ тѣломъ. Въ ту же минуту послышался не совсѣмъ принятый въ общество звукъ. Мальчикъ окончательно сконфузился и кинулся къ дверямъ...

— Стой, стой... Ничего, не стыдись... Все, что естественно, въ томъ нѣтъ грѣха...

Но мальчикъ уже скрылся за дверью.

— Это прямо умора. Все-таки малышу пришлось издать хотя бы одинъ натуральный звукъ, противъ воли!— хохоча, проговорила Екатерина.

Гость, покинувъ свой чопорный, свѣтскій видъ, тоже не выдержалъ и громко сталъ хохотать.

— Ваше величество, вы... вы обаятельны... Вы неподражаемы! Вы—Цирцея...

— Тысячу первый разъ слышу этотъ самый комплиментъ! О, если бы я лучше была нимфой Калипсо, вѣчно юной, никогда не старѣющей тѣломъ, какъ не старѣется моя неугомонная душа... Мое слабое, женское сердце... Но объ анатоміи потомъ. Надо сначала немного потолковать о дѣлахъ.

И, мѣняя тѣнь, она просто, серьезно заговорила:

— Завтра—день прощаній... Принцъ, конечно, ждетъ не одной почетной шпаги, которую я ему поднесу... Для войны нужно солдатъ. Для солдатъ необходимы марки-танты во всѣхъ смыслахъ. Для маркитантовъ нужны деньги, и трижды деньги. «Порочный кругъ», изъ котораго принцу пока не удалось выскочить... Онъ посматривалъ все время мнѣ въ руки, хотя ничего и не говорилъ... Я безъ словъ поняла благородную грусть милаго принца. Готова сдѣлать, что могу. И сейчасъ скажу вамъ, что именно. Дѣла Россіи и мои вы знаете. Я съ вами откровенна, какъ съ моимъ другомъ, котораго знала и любила, еще до личной встрѣчи... Графъ Сегюръ, показавъ вашу депешу изъ Константинополя, сразу убѣдилъ меня, что маркизъ Шуазель—не только вѣрный слуга Франціи, но и преданный, а, главное, безкорыстный другъ моей имперіи, значить, и мой! Я давно хотѣла это вамъ высказать, доказать...

И, наконецъ, случай, хотя далеко не радостный, далъ мнѣ эту возможность... Вы у меня. И съ вами говорить не императрица, а женщина, расположенная, уважающая, очарованная и вами лично, и вашимъ благороднымъ характеромъ... Такъ, буду говорить прямо. Денегъ у насъ сейчасъ мало. Что есть, надо приберечь. Европа всколеблена.

— Буря изъ Парижа, отъ полей прекрасной Франціи, грозитъ промчатся по цѣлому міру, задѣтъ и насъ... Слѣдуетъ быть готовымъ ко всему... Все-таки, графу д'Артуа теперь же я прикажу выдать 100 тысячъ ливровъ. Потомъ надѣюсь выслать еще столько же, если не вдвое... И всѣ силы пушу въ ходъ, чтобы „лига“ осуществилась и скорѣе вернула тронъ Франціи ея законнымъ государямъ.

— Ваше величество... Вы видите, слезы наполняютъ мои глаза... Мои уста...

Дѣйствительно, изящный и мужественный на видъ, но слабонервный, бывший посланникъ Франціи при султанѣ уже началъ проливать слезы, согласно своей кличкѣ: «плаксы-Шаузея», подъ которой былъ популяренъ въ Петербургѣ.

— Слушайте дальше. Новое правленіе въ Швеціи измѣнило всѣ мои планы. Не будь этого, и карманъ свой я раскрыла бы шире, и дѣло все пошло бы быстрѣе. Но поглядимъ. Вотъ что вы должны передать принцу, о чемъ завтра, при всѣхъ неудобно было бы толковать.

— О, вы мудры, государыня, какъ...

— Сравненія оставимъ на послѣ... Еще два слова. Я, какъ императрица, высказываю и должна высказывать твердую увѣренность въ успѣхѣхъ дѣла вашего несчастнаго принца, въ его домогательствахъ и планахъ. Но вы знаете, что Екатерина имѣла случай сноситься съ выдающимися умами Франціи. И по-моему, есть опасные признаки... Смуга глубже, чѣмъ мы это говоримъ, даже, чѣмъ сами думаемъ. Что-то

старое рухнуло вмѣстѣ съ вашей Бастиліей... Что-то скатилось въ пропасть съ тѣми священными головами, которыя отвѣкаетъ стальное лезвіе отвратительной гильотины... И я боюсь, что мы—на порогѣ полного преображенія народовъ и государствъ. Я начинаю даже опасаться за свое далекое, мирное, нетронутое пока заразой царство... Конечно, будь что-нибудь, я приму мѣры. Желѣзной стѣной отгорожусь отъ пожара... Но вамъ тамъ, на западѣ, грозитъ бѣда. Скажу прямо. Не обижайтесь, мой другъ...

— О, ваше величество...

— Я цѣлый мѣсяцъ наблюдала принца... и окружающихъ его. Много благородства, много мечтаній и надеждъ, но... Знаете, все-таки удержать въ рукахъ большой кусокъ легче, чѣмъ вернуть его, когда онъ захваченъ другимъ, даже не по праву. Для этого надо больше силъ и ума, чѣмъ для сохраненія своего добра... И, если этого добра не было силъ уберечь, то...

— О, государыня... Мрачные взгляды... Но я понимаю ихъ...

— Что дѣлать. Мы одни. Можемъ, какъ жрецы, говорить правду. И, вотъ, я словно вижу впередъ, что можетъ ожидать вашу бѣдную родину... Тамъ долженъ явиться вождь... Человекъ большого ума, желѣзной воли и мало-совѣтливый... Въ родѣ восточныхъ тирановъ старыхъ лѣтъ, но умнѣе, хитрѣе... И онъ овладѣетъ волей другихъ, овладѣетъ властью... Овладѣетъ Франціей... Можетъ-быть, цѣлымъ міромъ... Только не моимъ царствомъ, пока буду править я, или внукъ мой Александръ!.. ¹⁾

Она умолкла, глядя впередъ, туда, черезъ стѣны, въ грядущее.

¹⁾ См. „Письма Екатерины къ Гримм“

Шуазель поблѣднѣлъ, какъ-будто почуялъ дыханіе вѣчности.

Оба они и не подозрѣвали, что этотъ человѣкъ уже народился и всего годъ тому назадъ подалъ просьбу о зачисленіи его въ войска русской императрицы, но получилъ отказъ... Теперь онъ уже сидѣлъ въ Парижѣ... Создавалъ планы завоеванія Франціи, цѣлаго міра... И звали его, этого великаго выходца изъ маленькой Корсики, Наполеонъ Буонапартъ! И черезъ 19 лѣтъ онъ поведетъ миллионъ солдатъ въ Россію и тамъ похоронитъ ихъ!

— Но, пока что, надо жить, Шуазель, не такъ ли? Будемъ же работать и жить... И облегчать по возможности трудный путь другимъ. Черезъ это меньше шиповъ попадаетъ каждому на долгой жизненной дорогѣ.

Порывистымъ движеніемъ этотъ лощеный, осторожный дипломатъ взялъ руку императрицы и прижалъ къ губамъ.

— Благодарю васъ, ваше величество, за эту минуту. Я зналъ великую государыню. Теперь узналъ великую, мудрую женщину, которая такъ же прекрасна, какъ умна!

— О-ла-ла!.. Признаніе по всей формѣ... Но здѣсь, въ этомъ дѣловомъ покоѣ признаній, я не принимаю. Для того есть особые уголки. Вы все, конечно, осмотрѣли въ моемъ дворцѣ...

— О, государыня... Нѣсколько разъ... Такое богатство... Сколько вкуса... Этотъ Эрмитажъ... зимніе сады... Стаи порхающихъ и поющихъ птицъ... Боскеты... Безсмертныя картины... Мраморъ... Все это...

— Все это—декорумъ императрицы. Если хотите видѣть уголокъ Екатерины-женщины, я покажу вамъ то, что могутъ видѣть лишь мои самые близкіе, понимаете, близкіе друзья... которымъ я не могу ни въ чемъ отказать, передъ которыми не таю ничего, въ надеждѣ, что никогда не придется раскаиваться... въ ихъ нескромности... чтобы ни слу-

чилось между нами потомъ. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ измѣнчивы чувства людскія. Вашъ видъ особенно напоминаетъ мнѣ о томъ. Знаете: у васъ удивительное сходство съ единственнымъ человѣкомъ, котораго я любила и люблю до сихъ поръ... Съ Понятовскимъ... А это ужъ такъ вѣрно замѣтилъ вашъ поэтъ:

«Возвращаемся вѣчно мы къ первой любви!..»

— Пойдемте... Я вамъ покажу...

Небольшая дверь, которую миновала Екатерина, томно опираясь на руку, смущеннаго такимъ неожиданнымъ поворотомъ, кавалера, вела въ коридоръ, полуосвѣщенный цвѣтной лампой.

Слѣдующая дверь раскрылась безъ шума.

Шуазель увидѣлъ небольшой покой, убранный съ восточной роскошью, мѣхами, коврами, оружіемъ. На стѣнахъ висѣли великолѣпные портреты, всего около 20. Все мужскія лица. Приглядѣвшись, при свѣтѣ сильныхъ, но тоже одѣтыхъ футлярами изъ цвѣтного стекла, лампъ, гость узналъ черты тѣхъ, которые были явно оглашены, какъ «друзья сердца», фавориты или даже случайные наложники на короткій срокъ этой загадочной, могучей женщины, въ которой все было сильно, неукротимо, несмотря на года и затрату воли, ума и силы.

— Узнаете? Конечно, не всѣхъ... Вотъ Страховъ... Онъ...

И новая Беатриче повела гостя по лабиринту своихъ райскихъ воспоминаній и утѣхъ...

— А теперь перейдемъ дальше...

Въ слѣдующей комнатѣ обстановка была еще роскошнѣе, еще уютнѣе. Какой-то возбуждающій и бодрый ароматъ выходилъ изъ скрытыхъ кадилницъ и легкими клубами носился въ воздухѣ, въ полутьмѣ.

На стѣнахъ висѣло столько же картинъ, сколько портретовъ было въ первомъ покоѣ.

Картины эти эффектно озарялись лучомъ отдѣльной лампы при каждой изъ нихъ, при чемъ свѣтъ падалъ лишь на полотно, какъ-будто изъ потайного фонаря.

Картины были написаны на миеологическія темы самаго соблазнительнаго содержанія. И на каждой изъ нихъ голова женщины напоминала Екатерину. А голова мужчины была снимкомъ съ какого-нибудь изъ тѣхъ портретовъ, которые висѣли въ сосѣдней «галлерей сердечныхъ воспоминаній», какъ называла это сама хозяйка...

У Шуазеля закружилась голова.

Опъ давно понялъ, зачѣмъ его привели сюда.

И сейчасъ два сильныхъ чувства окончательно захватили умъ и душу осторожнаго, опытнаго дипломата и любезника-француза.

Тѣнь Потемкина, поверженнаго ревнивымъ, завистливымъ Зубовымъ, выросла передъ глазами Шуазеля... Конечно, вытѣснить совершенно юнаго фаворита ему не удастся. На Екатерину нашелъ капризъ. Она сочла возможнымъ дать волю своей фантазіи... Но черезъ день, черезъ недѣлю, она можетъ невольно даже предать его, Шуазеля, болѣе юному и постоянному фавориту Зубову. Что тогда?..

Съ другой же стороны, въ виду рѣшенія герцога остаться навсегда въ Россіи, чего желаетъ сама Екатерина, какъ было бы хорошо «дерзнуть» и потомъ использовать хорошенько минутный фаворь...

Быстро все это проносилось въ умѣ.

— Рискъ большой... Но и ставка крупная... Что, если?..

Опъ уже незамѣтно сталъ вести спутницу къ одной изъ широкихъ восточныхъ кушетокъ, брошенныхъ вокругъ стѣны.

Но неожиданно новая мысль прорѣзалъ мозгъ.

— Не будь она такъ стара!..

Правда, здѣсь полутьма... Черты еще сохранили свою правильность и остатки красоты. Но Шуазель, словно въ гипнозѣ, увидѣлъ и то, что скрадывалъ сейчасъ искусственный полусвѣтъ: морщины, складки... Измятыя линіи лица и тѣла...

Зубовъ, всякій другой изъ русскихъ, видѣлъ передъ собой скорѣе нѣчто высшее, чѣмъ простую женщину... И это сознание будило страсть.

Шуазель не охваченъ такимъ порывомъ преклоненія передъ величіемъ власти...

Что если природа мужчины откажется повиноваться внушеніямъ разума?..

Тогда совѣшь бѣда...

Во избѣжаніе всякихъ осложненій, кавалеръ съ самымъ внимательнымъ видомъ, подойдя къ ближайшей картинѣ, сталъ разсматривать ее:

— Хорошая кисть... Кто это писалъ? Немного аксессуаровъ невѣрны... Вотъ эти пилястры и рисунокъ мебели... Но сильно, сочно... Это менѣе удачно написано, ваше величество!—переводя свою спутницу къ слѣдующей картинѣ, какъ-будто они гуляли по заламъ Эрмитажа, среди толпы людей, спокойно говорилъ Шуазель..

Екатерина, сначала немного волновавшаяся, когда они вошли сюда, поглядѣла на своего спутника, осторожно высвободила свою руку изъ-подъ его локтя и, какъ-будто заражаясь настроеніемъ собесѣдника, спокойно, ласково, тономъ свѣтской хозяйки стала давать объясненія новому «Иосифу Прекрасному» сорока лѣтъ...

* * *

Неузнаваемая, величественная, стоитъ въ большой тронной залѣ Екатерина, слегка опираясь рукой на невысокую колонну

Русскій блестящій дворъ, одинъ изъ самыхъ пышныхъ въ Европѣ, сегодня окружаетъ государыню особенно блестящимъ, великолѣпнымъ полукругомъ кавалеровъ и дамъ, одѣтыхъ въ шелкъ, въ парчу, залитыхъ золотомъ, осыпанныхъ жемчугами и самоцвѣтными камнями рѣдкой величины.

Корона на императрицѣ слѣпитъ глаза сіяніемъ великолѣпныхъ брилліантовъ.

Скипетръ держитъ на подушкѣ графъ Шуваловъ. И словно искры сыплются изъ этого скипетра, когда лучъ солнца коснется брилліантовъ, покрывающихъ его.

А противъ этой сказочной группы расположилась другая, не такъ богато разодѣтая, но полная красоты, граціи и особаго, изысканнаго вкуса, который сквозитъ во всемъ, начиная отъ перьевъ на прическахъ дамъ, до красныхъ каблучковъ у ботинокъ, сжимающихъ стройныя, узенькія ножки парижскихъ свѣтскихъ щеголихъ, перенесенныхъ подъ небо Сѣвера, какъ переносятъ порою роскошныя цвѣты изъ-подъ открытаго южнаго неба въ жаркіе парники сѣверныхъ теплицъ...

Впереди всѣхъ стоитъ принцъ д'Артуа въ темномъ, но великолѣпномъ нарядѣ.

Послѣ объѣда оффиціальными привѣтствіями, Екатерина дала знакъ Платону Зубову, который передалъ ей шпагу съ литымъ изъ золота эфесомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями.

Взявъ въ руки это великолѣпное оружіе, Екатерина обратилась къ д'Артуа:

— Ваше высочество. Теперь вамъ предстоитъ трудный подвигъ: поднять разрушенный и опрокинутый тронъ, цѣлыя тысячелѣтія стоявшій такъ неизблемо и твердо! Предстоитъ борьба за право при помощи отваги, ума и ратныхъ силъ, которыя, вы, принцъ, конечно, съ Божьей помощью, сумеете

собрать вокругъ священной ориоламы французскихъ королей. Примите же эту шпагу, данную Богомъ для короля на одолѣніе дерзкихъ враговъ власти, покоя и счастья на землѣ! Я бы не вручила ее вамъ, если бы не была глубоко убѣждена, что вы скорѣе пожертвуете жизнью, чѣмъ откажетесь употребить этотъ клинокъ такъ, какъ предписываетъ долгъ и слава вашей династіи! Богъ на помощь, ваше высочество! Беритесь за дѣло, въ добрый часъ! А здѣсь всегда съ живымъ интересомъ будутъ слѣдить за вашей благородной борьбой и молить Бога о вашихъ побѣдахъ!

Ставъ на одно колѣно, принявъ знаменитую шпагу принцъ д'Артуа.

— Богъ, дама и моя вѣра!—вотъ кличъ, съ которымъ предки наши шли на побѣду, или смерть. Только эти же слова и повторю я сегодня, полный невыразимой благодарности къ новой, небомъ посланной избавительницѣ, изъ чуждыхъ, холодныхъ странъ, которая, подобно Жаннѣ д'Аркъ, опоясавшей Карла мечомъ побѣды, пророчить и намъ счастье этимъ священнымъ даромъ! Богъ, дама и моя вѣра! повторяю я. А моя вѣра, это возрожденіе законной власти въ истерзанной, страдающей, но все-таки прекрасной моей Франціи... Миръ народамъ и счастье всѣмъ подъ сѣнью вѣкового трона, подъ защитой закона и Бога!

Сказавъ эту короткую рѣчь, принцъ поцѣловалъ руку императрицы, получилъ отвѣтное лобзаніе въ голову, и аудіенція окончилась.

* * *

Усталая, удалилась къ себѣ императрица и собиралась отдохнуть, когда послышались шаги за дверь, ведущей на половину Зубова и самъ онъ появился передъ ней.

Наблюдательная и чуткая, Екатерина сразу замѣтила, что фаворитъ чѣмъ-то недоволенъ. И, предупреждая напа-

деніе, встрѣтила его вопросомъ, въ которомъ звучала нотка раздраженія:

— Скажите, генераль, что это вы дѣлали вчера весь вечеръ, даже не могли прійти, когда я просила васъ?..

— Странно, ваше величество,—совершенно ей въ тонъ, невольно вторя заговорилъ Зубовъ.—Я именно хотѣлъ обезпокоить васъ вопросомъ: почему вы не извоили меня предупредить, что желаете вчера принять наединѣ этого плаксу-Шуазеля?.. Но дѣло сейчасъ не въ томъ... Я съ очень важнымъ сообщеніемъ. Оказывается, что мы порою бываемъ чрезчуръ довѣрчивы, ваше величество,—играя словами, выдалъ эту фразу фаворитъ:—преслѣдуемъ якобинство не только въ Россіи, но стараемся обезсилить его въ далекой Франціи. А здѣсь, во дворцѣ, главари этихъ каннибаловъ живутъ, занимаютъ высокое положеніе, готовятъ наслѣдника великой державы!

— Ахъ, вы снова про Лагарпа,—со вздохомъ облегченія произнесла Екатерина, довольная, что непріятная сцена ревности прошла стороной,—снова про его сношенія съ кантональнымъ совѣтомъ? Но, другъ мой,—переходя на русскій языкъ, примирительно заговорила она:—пойми, нельзя же вадскому гражданину, хотя бы и воспитателю моего внука, даже и не объявленнаго наслѣдникомъ покуда, нельзя же Лагарпу запретить сношенія съ его родиной только потому, что тамъ образъ правленія республиканскій... Важна не идея, а то, какъ ее проводятъ въ жизнь. Надо знать: кто беретъ за это опасное дѣло? Вонъ, почитай даже святое Евангеліе; ужасное ученіе. Не надо ни царей, ни богачей, ни войны... Богъ и люди, дѣти его, равныя передъ Богомъ, вольныя передъ небомъ, братья между собою. То же пишутъ теперь и на стѣнахъ домовъ въ Парижѣ. Но пишутъ братскою кровью, канальи! Вотъ за что я ихъ такъ не терплю... А нашъ Лагарпъ. Ты же знаешь его: подлинно, не то, что

мухи, блохи не задавить, хоть бы и кусала его. Буддистъ какой-то, а не гражданинъ республиканскаго Вада... Успокойся... Нервы у тебя... Или печень. Бываетъ это отъ усталости. Хочешь, я Роджерсо..

— Ахъ, ваше величество, при чемъ тутъ моя печень. Я душу свою готовъ положить за мою государыню, а мнѣ о печени говорятъ. Я совсѣмъ не про кантонъ, про другое. Свѣжонькое нынче узналъ... Слышали, что у нашего «будды», есть въ Парижѣ братецъ, ему полное несходство, хоть и единокровные и единоутробные... Генераль отъ санкюлотскихъ шакъ и ярый якобинецъ сей братъ... И между ними горячая переписка идетъ... Долго ль до грѣха... Да я не о себѣ... О моей государынѣ, о...

— Ха-ха-ха! Такъ вотъ что! Благодарствуй, милый другъ. Меня бережешь! Спи спокойно. Кому я нужна, мертвая? Только мятрополиту, гляди. Подарокъ получилъ бы за отпѣванье... Да сыну моему не въ обиду сказано... А болѣ никому... Все же благодарствую за опеку и охрану... Все ли?..

— Нѣтъ, еще есть. Но вижу въ добромъ настроеніи состоите. На потомъ ужъ отложу... Не портить бы такой веселости.

— Когда зла буду, тогда и подвезешь, другъ мой. Ладно. И па томъ мирюся. А теперь иди сюда... И мы помиримся съ тобой ..

* * *

Когда Зубовъ собирался уйти къ себѣ, Екатерина остановила его снова:

— Постой. Теперь не скажешь ли то, что раниѣй не договорилъ? Занятно мнѣ. Знаешь, любопытна до смерти я нынѣ стала...

— Могу ли не сказать? Да и дѣло само наружу

просится... Наставникъ тотъ превосходный, „будда“ эта самая, и въ ипую политику нынѣ пустилась, ужъ не пойму, на что глядя, я. Принялся авансы въ Гатчину закидывать...

— Что? Что? — потемнѣвъ и подымаясь даже съ кушетки, переспросила Екатерина: — Въ Гатчину? Какіе авансы? Въ чемъ?

— Миротворецъ, вишь всесвѣтнѣй сказался въ проидохъ швейцарскомъ... Мирить отца съ сыновьями задумалъ... Противъ вашего величества ихъ поднять задумалъ... Откуда вѣтеръ подулъ, сказать не умѣю. А что правду вамъ доношу, — Богъ порука... И еще надо сказать...

— Пстой... пстой... Ихъ внуковъ? Съ Павломъ... Не понимаешь, почему? А я понимаю... Хворала я... всѣмъ заботы и припали въ царствѣ хозяйничать... Готовить себѣ куски да пирожки. Врутъ, не будетъ того! За вѣщаніе готово. За вѣрными руками лежатъ. Да манифестъ подписанный... Суворову и Румянцеву поручу его, когда почувствую... Когда пора придетъ... А, пока, хвала Господу, не собираюсь наслѣдства никому оставлять: ни сыну, ни внуку... Такъ, вонъ куды господинъ философъ метнулъ! На двухъ свадьбахъ пировать хочеть, да и прежней не оставить... Хитро... Не по-философски, по-купечески, скорѣе. Не даромъ у нихъ тамъ торгаши всѣ отъявленные... Добро. Я узнаю. Молчи, пока! Я сама внука спрошу... Не бойся. Тебя не выдамъ... Молчи... Все сама узнаю... Съ Богомъ, пока. Захара только позвони...

Захаръ явился и сталъ, ожидая приказаній, у дверей.

Екатерина, разманисто шагая, засучивая рукава, ходила по комнатѣ и бормотала про себя:

— Куда забираться стали, верхоглядны проклятые.. Канальи, прохвосты... Бродяги, медвѣжатники... Я имъ задамъ... я имъ покажу...

Захаръ осторожно кашлянулъ.

— Александра Павловича попроси сейчасъ же ко мнѣ! — даже не оглянувшись на камердинера, приказала императрица и продолжала мѣрить шагами просторный, свѣтлый покой.

Обезпокоенный тѣмъ, что его въ необычное время и такъ срочно зовутъ къ императрицѣ, великій князь Александръ торопливо смѣнилъ домашній китель на парадный мундиръ и, запыхавшись отъ быстрого перехода, спуска и подъема по дворцовымъ лѣстницамъ, появился въ покоѣ Екатерины.

— Саша, милый, иди, иди сюда! — совершенно спокойно и ласково встрѣтила его бабушка.

Они обмѣнялись обычной лаской: внукъ поцѣловалъ руку, она его въ глаза.

— Ну, садись сюда. Надо намъ потолковать съ тобою. Боже! Я какъ-то не замѣчала, какой большой ты выросъ!.. Совсѣмъ мужчина... И красавецъ на заглядѣнье... То-то мои нѣкоторыя фрейлины стали такъ задумчивы, вздыхаютъ, блѣднѣютъ и часто являются на дежурство совсѣмъ не въ свой чередъ... О, ты далеко пойдешь, мой свѣтъ... Не стыдись. Я же твоя бабушка... Ближе садись... Тутъ, на скамеечкѣ, у ногъ. Помнишь, какъ въ прежніе годы, когда ты съ Костей приходилъ каждый день и мы такъ весело бывало играемъ и въ жмурки, и въ лошадки, и въ жгуты... А потомъ вы сядете у моихъ ногъ... И я вамъ сказки складываю. Поди, не забудь.

Смущеніе слегка стало заливать краской блѣдное, женственно-красивое лицо шестнадцатилѣтняго юноши, рослаго не по лѣтамъ, но тонкаго и стройнаго, какъ пальмочка.

Онъ, очевидно, ожидалъ совершенно иного приѣма и какъ-будто чувствовалъ за собою что-то, не дающее ему права на эти ласки, на эти милыя воспоминанія.

Замѣтила это и бабушка, но не подала виду. Только спросила:

— Что же ты молчишь нонче? Здоровъ ли?

— Немножко нездоровится, бабуня, — обрадовавшись подсказанному предлогу, солгаль внукъ и даже не поморщился при этомъ:— Голова что-то... Вотъ ужъ дня два. И нынче этотъ пріемъ... Шумъ, люди...

— А ты любишь тишину, покой... Я замѣтила. Спасибо твоему наставнику. Онъ сумѣлъ пробудить въ тебѣ любовь къ природѣ и къ инымъ хорошимъ, серьезнымъ вещамъ, помимо дворскаго блеска и суеты... Надо чести его приписать... Жаль будетъ отпустить теперь его.

Говорить, а сама пристально вглядывается въ лицо внуку.

Тотъ сразу встрепенулся.

— Какъ, разстаться, ваше величество? Развѣ?..

— А что же ты думалъ, мое дитя? Не вѣчно же подъ указкой сидѣть. Вонъ у тебя и пушокъ на верхней губѣ... Скоро станемъ невѣсту тебѣ искать... Не краснѣй: это мѣщанство... Ты помнишь-ли, — вдругъ серьезнѣй заговорила она:— въ чему готовить тебя жребій? Не то послѣ срока, — даже раньше иныхъ надо тебѣ познать людей и жизнь, чтобы умѣть потомъ управлять многими миллионами людей. Все предвидѣть, вспомнить обо всемъ. Это великое слово, Саша: царствовать — значитъ, провидѣть все напередъ... А для того спокоенъ долженъ быть государь. Ни страсти, ни вождельнія не должны тревожить его крови. Онъ имѣетъ право жить не по тѣмъ узкимъ прописямъ, кои всѣмъ инымъ съ дѣтства натверживаютъ попы, либо педанты-наставники... Ни отецъ, ни мать для истиннаго государя не значать ничего. Его народъ, благо миллионвъ, слава царскаго имени, вотъ ему высшее благо и законъ, вотъ его родня и дѣти... Царь — отраженіе Божіей власти на землѣ. Богъ стираетъ цѣлыя

тысячи жизней, смываетъ волною большіе города съ лица земли. Кто осудить волю Его? Онъ льетъ потоки желаній въ миллионы существъ, тѣ любятъ и порождаютъ себѣ подобныхъ по единому закону хотѣнія Господа. Кто скажетъ, что въ этомъ стыдъ? Такъ и царь!... Никогда не краснѣй, чтобы ни сдѣлалъ, Саша. Вѣрь, что не можешь сдѣлать дурного, и будетъ по вѣрѣ той... Дурное сдѣлаешь, прямо всѣмъ скажи. И дурное царя станетъ закономъ для людей; лучше будетъ, чѣмъ добродѣтель малкой души. Я такъ всю жизнь жила. И, видишь, судьба не караетъ меня... Люди боятся и любятъ. Миръ чтитъ и прославляетъ... Меня слушай, Саша. Больше никого... Ты все молчишь?

— Что мнѣ сказать, ваше величество? Я чувствую, понимаю, вы чего-то ждете отъ меня. Да не пойму, чего? Спрашивайте. Я отвѣчу, какъ всегда. Какъ Богу, такъ и вамъ, государыня.

— Откуда ты такой? Ну, съ людьми нельзя открыто быть, правда твоя. Да я—не люди. Я—бабушка тебѣ. Люблю тебя, какъ себя люблю. Ты же знаешь... Надежда моя въ тебѣ. А ты со мною такъ... Почему? За что?..

— Простите, бабуся. Я и самъ того бы не хотѣлъ... да не умѣю совсѣмъ справиться съ собой. Боюсь все: дурно бы не сказать, не сдѣлать... Не огорчить бы васъ... Какъ батюшка часто огорчаетъ. Вотъ и молчу больше... Разныя мысли во мнѣ. Графъ Николай Ивановичъ всегда училъ; про себя таятъ, чтобы не повредили злые люди. Лагарпъ тоже говорить, только по-иному. Если хорошее въ душѣ, не надо его на показъ давать. А дурное лучше въ себѣ утаить, побороть... Самому съ нимъ справиться... А я порою и разобраться не могу: дурно ли, хорошо ли, что задумалъ, чего желаю, что покою не даетъ... Вотъ и молчу...

— Да, да... Моя судьба... Я тоже такъ росла при по-

койной государынѣ... Но она мнѣ тетка была по мужу. Любила мало... Враги кругомъ меня обступили. Ты же не такъ. Что тѣснить твою молодую душу? Скажи?

Она подняла его опущенное лицо, заглянула въ глаза ему и медленно отвела свою руку.

Какъ будто затаенное чувство безгливости прочла она въ этихъ глазахъ. Даже подбородокъ задрожалъ у юноши, словно онъ былъ тронуть чѣмъ-то нечистымъ, холоднымъ, скользкимъ.

Это инстинктивное движеніе заставило всю кровь прилить къ лицу бабушки. Ей показалось, что въ глазахъ внука она прочла весь длинный рядъ именъ, съ которыми долгіе годы связывалось ея имя. И теперь, на старости лѣтъ этотъ списокъ не закрылся. Новыя имена вносятся въ него. Внукъ видитъ. Софизмы бабушки плохо вліяютъ. Что онъ проститъ себѣ и людямъ болѣе юнымъ, чѣмъ она сама, то кажется ему противнымъ въ ней, въ бабушкѣ...

Сразу мѣняя тему разговора, словно желая взять быка за рога, Екатерина спросила:

— Кстати, какъ тебѣ понравилась сегодняшняя церемонія? Красиво? А Платонъ Александровичъ? Какъ онъ умѣлъ подать шпагу этому бѣдному „странствующему принцу“.

— Да, — сразу тоже мѣняясь и принимая очень любезный видъ, отвѣтилъ внукъ: — Платонъ Александровичъ, какъ всегда, прекрасенъ. Я очень люблю его.

Этотъ отвѣтъ вторично заставилъ съежиться бабушку.

Ей лучше бы понравилось, если бы теперь, послѣ всѣхъ ея словъ, внукъ прямо обрушился бы на фаворита, высказалъ открытое, благородное негодованіе, презрѣніе. А это уклончивое, придворное отношеніе къ ней, заглазная лесть ея угоднику, котораго въ душѣ внукъ, конечно, считалъ

игрушкой, созданиём прихоти! Такое слабодушіе больно ударило по душѣ старуху.

Снова мѣняя тонъ, она прямо спросила внука:

— А, скажи, правду мнѣ передавалъ Платонъ Александровичъ, что господинъ Лагарпъ затѣялъ мировую какую-то между вами съ братомъ и батюшкою вашимъ?

Вопросъ былъ слишкомъ неожиданъ и прямъ.

Но юноша, очевидно, глубоко искусился въ искусствѣ не удивляться ничему и таить каждое движеніе души и сердца. Онъ только переспросилъ самымъ простымъ тономъ:

— Платонъ Александровичъ сказывалъ?... Да. Наставникъ намъ много разъ толковалъ, что не слѣдуетъ вѣрить навѣтамъ покойнаго Палина и иныхъ людей, будто батюшка насъ ненавидитъ... даже извести со свѣту готовъ, чтобы мы ему дороги къ трону не перешли. Что не можетъ отецъ родныхъ дѣтей губить. А если прадѣдушка и казнилъ своего цесаревича, Алексѣя, такъ по причинамъ много важнѣе, чѣмъ наша, настоящая... Мирить же насъ онъ не мирилъ. Потому, полагаю, что и ссоры нѣтъ между нами. Мы здѣсь, съ братомъ, у васъ, ваше величество. Батюшка— у себя. Гдѣ же намъ ссориться?

— Вижу, тебѣ не придется всю жизнь ссориться ни съ кѣмъ. Хорошій ты будешь полчтикъ. Благодарю за прямой отвѣтъ на вопросъ. Больше сказать не имѣешь? Нѣтъ? Ну, съ Богомъ, прощай... Поцѣлуй, все-таки, меня, мой откровенный и прямой Саша! Иди съ Богомъ!

* * *

Черезъ короткое время Лагарпъ получилъ отставку и предписаніе какъ можно скорѣе выѣхать изъ Россіи.

* * *

Слѣдующій 1793 годъ золотыми знаками долженъ былъ бы отмѣтить Платонъ Зубовъ въ своихъ таблѣткахъ.

Счастье не просто кокетничало съ нимъ, а открыто ухаживало. И приняло оно видъ великой государыни Сѣвера.

Вся семья Зубовыхъ получила графское достоинство, а самъ онъ вскорѣ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ Священной Римской Имперіи. Престарѣлый Іосифъ не могъ отказать въ этой любезности своей неувядающей союзницѣ, о которой всегда вспоминалъ съ самымъ пріятнымъ чувствомъ.

Кромѣ пожалованныхъ ему лентъ Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, Зубовъ былъ кавалеромъ Чернаго и Краснаго Орла, назначенъ былъ генераль-фельдцеймейстеромъ, генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края, былъ увѣчанъ десятками различныхъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ перваго ранга, числился начальникомъ цѣлаго ряда высшихъ учрежденій имперіи, фактически управлялъ ею при помощи нѣсколькихъ чиновниковъ изъ школы Потемкина и самой государыни, а впереди ожидалъ только фельдмаршальскаго жезла и званія генералиссимуса, чтобы отнять у своего стараго покровителя, Николая Ивановича Салтыкова президентскій постъ въ военной коллегіи. Словомъ, въ пять-шесть лѣтъ невидный подпоручикъ сдѣлалъ карьеру, равную Потемкинской, стоившей 20 лѣтъ трудовъ и жизни этому гиганту.

Но между ними была еще и другая разница.

И по фигурѣ, и по своимъ дарованіямъ, по шири и отвагѣ души Потемкинъ былъ по плечу всѣмъ «высокимъ персонамъ», кузеномъ которыхъ сталъ, благодаря своему званію князя Священной Имперіи, свѣтлѣйшаго, высокопревосходительнаго и т. д. Всѣ эти чины, отличія и званія были для «князя Тьмы» какъ бы блестящимъ плащомъ, который онъ ловко и легко носилъ, влача съ шикарнымъ

пренебреженіемъ шлейфъ длиннаго одѣянія по пыльнымъ улицамъ и дорогамъ міра...

А Зубовъ, маленькій, юркій, пронырливый, мелкій и тѣломъ, и духомъ, имѣлъ совсѣмъ другой видъ, когда на него скатилась лавина удачи и почестей.

Изъ всего этого онъ какъ-будто нагромоздилъ для себя высокій, но плохо устойчивый пьедесталь, кое-какъ влѣзъ на это высокое подножіе и балансировалъ тамъ, такой, неувѣренный, еле замѣтный и, даже, смѣшной...

Всемогущество Зубова влекло къ нему все, что любить и умѣть пресмыкаться въ ожиданіи хотя бы малой выгоды. Сотни прожектеровъ своихъ и иностранныхъ являлись лично и присылали ему свои, порою самыя несбыточные, сумасбродные проекты политическаго и общественнаго характера, предлагали услуги и для полученія золота «химическимъ» путемъ, и для сохраненія вѣчной молодости, и для укрѣпленія безъ конца мужскихъ силъ, даже для успѣха у каждой, гдѣ-либо встрѣченной женщины...

Все это принималъ Зубовъ и его секретари, и часто, среди мусора умѣли они находить блестики золота и пользоваться ими, не дѣлясь ни съ кѣмъ, по совѣту г-жи Простаковой.

Эту матеріальную сторону Зубовъ особенно имѣлъ въ виду.

Какъ бы желая возмѣстить неудачу съ покупкой могилевскаго имѣнія покойнаго князя таврическаго, Екатерина подарила Зубову 15 тысячъ душъ въ новыхъ мѣстахъ, недавно прибрѣтенныхъ отъ Польши... И самъ онъ покупалъ «по сходной цѣнѣ» земли и души, округляя свои владѣнія...

Опустѣло какъ-то теперь вокругъ старѣющей Екатерины. И Зубовъ стоялъ, какъ вѣха среди поля, тонкій, но далеко видный.

Онъ съ помощью своихъ друзей, съ тѣмъ же старикомъ Салтыковымъ во главѣ, старался не пускать ко двору молодыхъ, красивыхъ людей, удалять вообще лицъ, выдающихся дарованіями, подвигами или умомъ.

Суворову постоянно поручались разные важные въ стратегическомъ отношеніи посты. То онъ укрѣплялъ русскую власть въ Финляндіи. А въ слѣдующемъ году перелетѣлъ на югъ, гдѣ ему поручили укрѣпленіе береговъ Тавриды. И старый герой приступилъ къ работѣ, избравъ своей штабъ-квартирой молодой городъ Херсонъ.

Разрабатывая планы новыхъ покореній, завоеваній и преобразованій въ имперіи, по большей части, давно разработанные и даже исполненные наполовину другими, предшественниками его, послѣдній фаворитъ находилъ время заниматься наукой и искусствами.

Съ высоты царскосельскихъ башенъ пускалъ большихъ змievъ, оклеенныхъ золотой пленкой для изученія атмосфернаго электричества, по слѣдамъ Франклина, игралъ на своемъ великолѣпномъ Страдиваріи, иногда даже составлялъ дуэты и квартеты со своимъ новымъ секретаремъ, Грибовскимъ и другими приближенными.

Этотъ Грибовскій служилъ у Потемкина, явился свидѣтелемъ смерти свѣтлѣйшаго, прислалъ обо всемъ видѣнномъ подробное, интересное письмо Державину. Тотъ показалъ посланіе Зубову.

— Прекрасно написано. Черкни-ка твоему пріятелю, не желаетъ ли послужить у меня? Пусть пріѣзжаетъ,—сказалъ Зубовъ.

Конечно, Грибовскій немедленно прискакалъ и сталъ однимъ изъ самыхъ близкихъ сотрудниковъ фаворита, попавшаго въ большіе государственные дѣятели...

Недавній гвардіи подпоручикъ не на шутку возомнилъ о себѣ, какъ о единственномъ хозяинѣ всего высшаго управ-

ленія и сталъ разсылать лаконическіе приказы и меморіи, сходные съ рескриптами, даже по адресу героя Рымника и Кагула, самому Суворову въ его бѣлый домикъ, на берегу Днѣпра, въ новомъ городкѣ Херсонѣ.

При всѣхъ чудачествахъ, Суворовъ былъ тонкимъ дипломатомъ и не любилъ бороться съ придворными „лукавками“, какъ онъ выражался. Но тонъ Зубова показался невыносимъ для старика.

Среди самыхъ счастливыхъ удачъ бываетъ перемежка. Свѣтлые годы прорѣзаются темными днями.

Одинъ такой день въ счастливомъ году выпалъ и для Зубова.

Въ срединѣ сентября, 1763 года Зубовъ раздраженный и недовольный, вошелъ къ государынѣ, держа какія-то бумаги въ рукѣ.

— Что, генераль? Или снова непріятности какія-либо? Что тамъ у васъ такое? Выкладывайте. А потомъ и я вамъ кое-что пріятное скажу. Вотъ и сквитаемся!

И ласково указала фавориту на стулъ противъ себя.

— Какія непріятности?! Просто дикость! Подумайте, ваше величество: по званію своему я пишу Суворову разныя сообщенія относительно новыхъ городовъ и прочихъ дѣлъ. Пишу, какъ надо въ серьезномъ письмѣ: коротко и ясно. Знаю, что самъ же онъ не терпитъ, если «медь мажутъ по тарелкѣ»,—его образное выраженіе...

— Я знаю, что Александръ Васильевичъ это не про медь говоритъ. Ну, да все равно, дальше. Ты ему пишешь. А онъ отвѣчаетъ, конечно?

— Да, но какъ? Полюбуйтесь... Впрочемъ, нѣтъ, я самъ прочту, чтобы не утруждать васъ. Извольте прислушать, матушка: «Ваше сіятельство, графъ Платонъ Александровичъ. Ваше писаніе отъ августа 30-го получилъ. Что потребно, сдѣлано частію, остальное, по возможности, будетъ

своевременно совершено. Добавить до сего имѣю: ко мнѣ штиль вашъ рескриптный, указный, повелительный, употребляемый въ аттестаціяхъ? Не хорошо, сударь. Алексѣй Васильевъ сынъ Суворовъ, графъ Рымникскій“. Что скажете на такую дерзость, ваше величество?

Судя по улыбкѣ, которую Екатерина постаралась сдержать, она не совсѣмъ раздѣляла мнѣніе своего фаворита. Но, словно успокаивая балованнаго ребенка, мягко заговорила:

— Правда. Какъ неразумно со стороны старика. Хоть ты ему въ сыновья годишься и, благодаря своимъ дарованіямъ, уму и характеру кроткому, быстро преуспѣлъ, даже очень быстро, но ему помнить надлежитъ, что чинъ чина почитай... Хотя бы для внѣшняго мнѣнія людского. Я буду писать, попеняю старику... Осторожненько, но онъ пойметъ. Онъ не совсѣмъ глухой, право, мой другъ! Что еще тамъ?

Закусивъ губы, съ дѣланной улыбкой Зубовъ обидчиво замѣтилъ:

— Конечно... если такъ, выходитъ, я неправъ? Зачѣмъ такъ писалъ герою, старику, которому въ сыновья гожусь... Прошу отъ души прощенья. И передъ нимъ вину свою сознаю. Коли онъ старше всѣхъ у государыни моей... Что жъ мнѣ говорить. Я—вѣрный слуга, первый подданный, не болѣ...

— И хорошо, что такъ мыслишь. Смирениемъ вознесешься. Гордость помѣхой будетъ во всемъ. Помни, Платовъ. Что тамъ еще за писулька? Отъ кого?

— Отъ графа Воронцова, отъ Семенъ Романыча...

— А, встати. И я вѣсти получила изъ тѣхъ краевъ. Что онъ пишетъ?

— Тоже мнѣ выговоръ даетъ... Да еще почище вашего недотроги-Суворова... Это ужъ прямо терпѣть невозможно...

Коли меня такъ будутъ почитать, зачѣмъ мнѣ всѣ эти чины и званія? Лучше въ неизвѣстности, да въ спокойствіи жить...

— Батюшки, философія какая глубокая. И не примѣчала я за тобою раньше того. Неужели одно письмо изъ Лондона веселый твой нравъ такъ измѣнило? Читай и его. Послушаемъ, что тамъ?

— Вы шутить изволите, ваше величество, а я...

— И нисколько не шучу. Читай, прошу тебя!...

— Читать долго будетъ... Дѣло такое: писалъ я графу о нѣкоторой комиссіи. Вотъ собираемся мы на Персію походомъ... И далѣе еще. Есть у меня хорошій оружейникъ, англичанинъ, Индрикъ его звать. Онъ пришелъ ко мнѣ, списокъ далъ: кого и откуда съ его родины вызвать надо. Тамъ, по закону ихнему, такимъ мастерамъ отъ королевскихъ заводовъ отъѣзжать нельзя. Да за большія деньги, если умѣючи подойти, и бросятъ службу, потихоньку къ намъ переберутся... Я о нихъ и писалъ графу Сергѣю Романычу... Второе, тотъ же Индрикъ собирается самъ на время въ свою сторону съѣздить. Соберетъ тамъ нѣкоторые секретные инструменты и машины небольшія, которыя намъ тутъ очень нужны... И думаетъ все тайкомъ сюда предоставить... Все я по чести отписалъ....

— Денешой, шифрами?

— Да... то-есть, нѣтъ... Зачѣмъ? Почтой, письмомъ, какъ обычно...

Екатерина молча покачала головой. Но Зубовъ, занятый своею мыслью, не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Что же получаю въ отвѣтъ? Выговоръ по всей формѣ. Мнѣ! Отъ него!.. Пишетъ то, о чемъ я и самъ знаю: что невозможно продѣлать ничего изъ требуемаго, ибо въ Англии то запрещено. И пишетъ: «Каково мнѣ будетъ, если прочли на почтѣ письмо и королю сказали: чѣмъ

посоль русскій промышлять намъренъ?» Потомъ цѣлую проповѣдь прибавилъ: «Чтобы,—спрашиваетъ Воронцовъ:—тутъ въ Петербургѣ, сказали, ежели бы сэръ Уитвортъ сталъ русскіе секреты увозить, закупать людей?.. Вѣрно не похвалили бѣ за то». Дальше пишетъ, что про все теперь извѣстно въ министерствахъ. И ежели бы онъ, Воронцовъ, пошелъ на отвагу,—ему все равно, не удастся затѣя. Теперь смотрѣніе усиленное будетъ за всѣмъ, что намъ надобно... Да Индрика бы теперь въ Англію не посылать. Тутъ его схватятъ въ одночасье и посадятъ на вѣки въ ТOVERЬ! Что ты на это скажешь, матушка?! Какъ онъ посмѣлъ писать такое мнѣ?

— Да, не хорошо... Плохо для насъ съ тобой, генераль! А что дѣлать знать желаешь? На сей разъ уступи ему. Послушаемъ князя. Давно онъ тамъ живетъ, порядки хорошо знаетъ... Потомъ и попросимъ снова все наладить, какъ суматоха теперешняя забудется. Потерпимъ, подождемъ...

— Да, время не ждетъ, государыня...

— Оно пускай себѣ не ждетъ, пусть впередъ летитъ. На то его съ крыльями изображать люди стали. А мы съ тобой—безкрылые. Поплетемся по маленечку. Знаешь, присловье русское: „тише ѣдешь, дальше будешь“...

— Отъ мѣста отъ своего, да не отъ цѣли... Ну, подождемъ...

И, совсѣмъ насупаясь, фаворитъ медленно сталъ прятать письма въ карманъ мундира.

— Вотъ, какой вы милый, уступчивый сегодня, генераль!—по-французски начала Екатерина:—За это я вамъ секретъ открою... Большой... Изъ двухъ половинокъ... Но раньше еще два слова. Мнѣ тоже пишутъ изъ Англіи... Нашъ „странствующій принцъ“ тамъ чуть-было въ бѣду не попалъ!.. Долги у него. Чуть бы онъ ступилъ на берегъ, а тамъ ужъ и

полицейскіе сторожили: цапъ и въ заточеніе.. Такъ онъ на нашемъ кораблѣ и пробрался дальше, въ Шотландію. Тамъ полегче законъ... Сидитъ нашъ принцъ въ королевскомъ старомъ, мрачномъ, сыромъ замкѣ, въ Эбердинѣ. Выходитъ лишь по закатѣ солнца. Тогда не смѣютъ свободнаго чело-вѣка за долги схватить. Законъ, тоже... И въ воскресенье онъ свободенъ, отъ утра, до разсвѣта понедѣльника... За-бавные законы... Пишутъ, кто-то натолковалъ принцу, что тамъ и долги за него король заплатитъ, либо нашъ рези-дентъ... И все будемъ ему, какъ на скатерти-самобранкѣ, подано. Хотѣла бы я знать: кто тамъ бѣднаго принца подвѣлъ? Кто совѣты ему давалъ?..

Говоритъ и съ легкой, снисходительной улыбкой смо-трить на фаворита.

Покраснѣлъ Зубовъ, но сейчасъ же принялъ гнѣвный видъ:

— Вотъ, вотъ. Князь Воронцовъ и это на меня, поди, сваливаетъ. Вижу, подклянется онъ подъ меня хочеть. Я съ нимъ спорить не стану. Старый слуга вашего величества. Развѣ вы меня промѣняете на него? Никогда! Я знаю..

— Ничего вы не знаете, генералъ! Никакой мѣны за-тѣвать я не желаю. Это барышники лошадьми мѣняются... А я того не любила, да и дѣлать впередъ не стану... Вся-кій на своемъ дѣлѣ и при своемъ мѣстѣ хорошъ. Бро-симъ. Лучше, меня слушайте. Готовьтесь къ наградамъ, къ радостямъ. Въ концѣ этого мѣсяца свадьбу играть будемъ. Сашу моего обвѣнчаемъ съ принцессой Луизой... Ели-саветой, какъ мы будемъ ее звать.. Сами знаете, къ чему это приведетъ? Такъ не хмурьтесь. Не думайте о пустя-кахъ. У васъ много серьезнаго дѣла въ рукахъ. А я при-глядѣлась хорошо къ принцессѣ. Очаровательное созданіе.

— Совсѣмъ дитя, подростокъ... 13-лѣтній...

— Ничего. У меня зоркій глазъ. Изъ нея выйдетъ оча-

ровательная женщина... Увидите. И очень скоро. Сами увидите...

— Я никого не вижу и видѣть не хочу, кромѣ моей государыни...

— Хорошо, хорошо, лъстѣцъ... Ну, а теперь поговоримъ серьезно. Вы полагаете, я соглашусь, въ концѣ-концовъ, на тотъ грандіозный планъ, который вы лелѣете уже столько времени... Оставлю безъ защиты свой сѣверъ, забуду про новыя южныя губерніи, которыя столько крови и денегъ взяли... И кинусь не то на Царь-градъ, который здѣсь, подъ рукой, а куда-то, по дорогамъ, гдѣ шли полки Македонца? Въ Персію, на Индію, на самый Китай, съ которымъ много вѣковъ мирно живемъ мы по-сосѣдски? Вы на это надѣетесь? Напрасно, милый, отважный мой генераль... Во-первыхъ, плащъ сложенъ, труденъ и почти несбыточенъ, если не безразсуденъ, должна вамъ сказать... Ужъ не говоря о томъ, что денегъ у меня нѣтъ и на самое крайнее, что здѣсь необходимо. А бросить десятки, сотни тысячъ люлей съ оружіемъ за тысячи верстъ?! Дитя мое, вы подочли, во что это обойдется? Чѣмъ это пахнетъ?

— Славой великаго имени Великой Екатерины...

— Но, но! Взятокъ мнѣ на надо. Да я ихъ и не беру. Мы говоримъ серьезно, генераль...

— Что дѣлать, ваше величество, если даже о серьезныхъ вещахъ я умѣю говорить только весело? Вы сами, государыня, пріучили меня къ тому. Инымъ дѣло трудно, невообразимо. А у васъ въ рукахъ само спорится, какъ это говорятъ по-русски... А ужъ, если желаете цифръ и фактовъ, извольте. Они у меня есть...

— Все у васъ есть... И кто только толкаетъ васъ на эти несбыточные пути? Кто внушаетъ такіе походы?

— Прошлая удача вашего величества... Заботы о томъ,

чтобы имперія ваша росла и укрѣплялась... Вѣра въ высокое назначеніе, посланное вашему величеству небомъ!

Екатерина только молча отмахнулась рукой.

— А, затѣмъ, ваши совѣтники, генераль... Знаю я ихъ. Стриженный бирюкъ Альтести. Умный, тертый калачъ, какъ это говорятъ мужики... Но пройдоха. Онъ понимаетъ, гдѣ кипитъ большой котелъ, тамъ и въ его тарелку кое-что попадетъ. И всѣ остальные.

— Не стану спорить, государыня. Но сами вы не разъ говорили: строго судить людей, но также помнить, что и самый непріятный на видъ, полезенъ быть можетъ. Я не даю никому власти надо мною. Но самъ беру отъ нихъ, что могу... И не Альтести былъ мнѣ подсказчикомъ. И Иванъ Четвертый, и Великій Петръ мечтали о вольномъ торгѣ съ Индіей, о гаваняхъ при Великомъ Океанѣ, о засильи надъ слабой, облѣвившейся Персіи, которая ни одному воинственному натиску никогда сильно противостоять не могла. И думается, то, что замышляли эти мужи, именно именно вамъ, великой женѣ свершить суждено... Я молчу... я не льшу... Я покажу мои документы... Вотъ что пишетъ въ своей запискѣ митрополитъ Хрисанфъ... Это—посерьезнѣ Альтести, надѣюсь, ваше величество...

— Хрисанфъ? Ты бы раньше сказалъ. Онъ знаетъ востокъ. Человѣкъ глубоко ученый, умный. Честолюбивъ, завистливъ... Но вѣрить можно этому монаху... Читай... что тамъ у тебя? Если онъ что совѣтуетъ, слѣдуетъ подумать...

— И я такъ полагалъ, ваше величество... Вотъ главная суть,—пробѣгая глазами исписанные листки, сказалъ Зубовъ: — Сначала онъ описываетъ богатства племенъ и странъ, лежащихъ у вратъ вашей имперіи на юго-востоѣ: Туркестанъ, Хива, Бухара, все Закавказье, издавшее нѣкогда дружины Метислава... Вы сами знаете, какъ изобилуютъ

онѣ дарами природы, какую выгоду и сейчасъ имѣть казна отъ однѣхъ пошлинъ на товары, приходящія отсюда. А между тѣмъ, эти отдѣльныя владѣнія не имѣютъ надъ собою близкихъ и сильныхъ господъ.. Между собою воюють, ослабляя себя тѣмъ. Стоитъ приманить одного князька, онъ будетъ помогать покоренію остальныхъ. А послѣ, конечно, и самъ долженъ будетъ войти въ общую компанію... Это—первый шагъ. Персія на ея границахъ съ нами—почти беззащитна, какъ сами знаете. И даже не станетъ очень хлопотать, чтобы отбить у насъ то, что будетъ взято на первыхъ порахъ, тамъ, у горъ Кавказа. А эти первые куски будутъ опорой для дальнѣйшаго похода на Тегеранъ.. И дальше, на Тибетъ, на Индію... Но тутъ же и боковое движеніе начнемъ... Отъ береговъ Кавказа, изъ гаваней Тавриды потекутъ корабли къ Босфору... И на нихъ сама Екатерина... Возьмемъ Анапу; а со стороны суши пойдутъ суворовскіе орлы, румянцевскія знамена... На Адрианополь потомъ! И Царь-градъ скорѣе будетъ у вашихъ ногъ, государыня, чѣмъ вы сами думаете... Сама Англія не поможетъ. Ей придется тамъ на далекомъ востокѣ бороться свою Индійскую жемчужину.. Франціи дома съ дѣлами не управиться. Австрія же за насъ. Пруссія—пока не глядитъ къ Востоку...

— Стой, стой, стой!—волнуясь, по-русски заговорила Екатерина.—Одно упустилъ. Пройти страну потокомъ, съ солдатами, съ пушками, устрашить, покорить ее, подобно Македонцу, мыслимо еще. Но удержать какъ столь славное завоеваніе? То много труднѣе. Дитя ты не разумное, хотя и генераль мой, умникъ писанный.. Что скажешь?

— Отвѣтъ готовъ, матушка. Я и о томъ думалъ. Вотъ что пишетъ владыко. А онъ знаетъ: англичане владѣютъ въ Индіи царствомъ, пожалуй, нашему равнымъ. А держатся тамъ всего силой арміи въ 25 тысячъ людей европейскихъ. Да своихъ, сипаевъ — 50,000 еще подъ

ружьемъ. Ужли мы въ пять разъ болѣе выставить туда не сможемъ?

Екатерина даже не отвѣтила, погруженная въ глубокую задумчивость.

Лицо у нея загорѣлось, глаза заискрились.

Насколько трудно, почти невозможно было заговорить императрицу, увлечь ее словами, идеями, высокими фразами, настолько каждая, отважная, но дѣловой видъ имѣющая затѣя, особенно пограндіознѣе — могла воспламенить могучее воображеніе этой вѣчной искательницы приключеній и въ жизни, и на тронѣ.

Простая во вкусахъ, сдержанная въ своемъ тщеславіи, постоянная въ привычкахъ, Екатерина являлась ненасытной, если могла проявить силу духа, блескъ фантазіи, силу царственной власти.

Зубовъ успѣлъ съ этой стороны разгадать свою покровительницу и, даже не ожидая отвѣтовъ, продолжалъ:

— Мы сперва сдѣлаемъ хорошія развѣдки. Безъ того нельзя. Вотъ Хрисанфъ пишетъ, врачей, хакимовъ бродячихъ много въ тѣхъ краяхъ. Принимаютъ ихъ, любятъ, все имъ говорятъ. У насъ найдутся люди подходящіе, которые по-восточному знаютъ... Пошлемъ... Они соберутъ справки, срисуютъ пути и крѣпости, сосчитаютъ враговъ... А ты, матушка, ужъ тутъ и дѣло порѣшишь: сидѣть на мѣстѣ, али впередъ итти съ Божьей помощью...

— Впередъ?.. До коихъ поръ впередъ? Кабы Богъ остановки не поставилъ?.. И еще задача: Шведы нешто въ такія для насъ трудныя минуты про свое не вспоминатъ? Финляндія еще тепленькая лежитъ, другъ мой... Еще не все по дорогѣ прибрано, что растеряли генералы шведскіе, домой уходя. Теперь свое искать явятся.. И наше подберутъ.

— А ежели, ваше величество, будетъ шведскій король

вамъ не такой родичъ, какъ теперь... А внукомъ доводиться станеть? Можетъ, и бѣды отъ него ждать не придется.

— Какъ?.. Какъ ты сказалъ?.. Ты могъ подумать, чтобы я... свою внучку какую-либо, да выдала за этого... молокососа... за шведскаго короленка, полунищаго... за...

— Матушка... Да что ты... Да Богъ съ тобой,— заговорилъ перепуганный неожиданнымъ взрывомъ негодованія фаворитъ: — такъ я это... Лишь бы съ сѣверу тебѣ покойной быть... Лишь бы оттуда не было никакой угрозы намъ...

— Намъ? Это еще что? Кому это: «намъ» — спросить дозволю ваше превосходительство?

— Русскимъ... Россіи... Землѣ вашей... имперіи, ваше величество... Да, я... Сохрани Бо...

Вдругъ веселый, звучащій по прежнему молодыми нотками, смѣхъ прервалъ его смущенныя рѣчи.

— Охъ, батюшки! Сама загорѣлась не изъ-за чего... и тебя вонъ какъ напугала... Господи, видно еще не уходилась на старости лѣтъ. Перестань бормотать. Ничего дурного ты не сказалъ и не подумалъ. Каждый воленъ свои мысли излагать, какъ знаетъ. Сама я о томъ прошу всѣхъ. Бываетъ порою, самъ знаешь, подыметъ меня. Вы же всѣ виною. Почитай, никто никогда слова поперекъ не скажетъ... Я и привыкаю... Ты будь покоенъ. Спасибо тебѣ за твои совѣты. Я о томъ, что мы говорили, еще подумаю... Богъ въ помощь... Работать еще мнѣ тутъ надо... Иди...

* * *

Понемногу Зубовъ достигъ своего.

Уже стали понемногу готовить войска, копить деньги для долгихъ и трудныхъ походовъ. Были подъ рукой

сдѣланы распоряженія на окраинахъ, откуда намѣчалось выступленіе войскъ. Тамъ шли осторожныя приготовленія...

И вдругъ грянула гроза съ другой стороны.

Англія въ эту пору особенно опасалась Россіи и всегда была насторожѣ. Кромѣ оффиціального посла, агента по дѣламъ и другихъ дипломатическихъ особъ въ Россію, преимущественно въ ея столицы отъ лондонскаго министерства иностранныхъ дѣлъ направлялись опытные, снабженные большими средствами, тайные соглядатаи, которые являлись то подъ видомъ художниковъ, какъ извѣстный Томъ Драйеръ, то купцами, то артистами кочующихъ звѣринцевъ и точно сообщали обо всемъ, что удавалось подмѣтить ихъ проницательнымъ глазамъ, что могли они услышать и узнать. Состра Зубова, жена камергера Жеребцова, въ то же время—любовница лорда Витворта, хотя и надѣялась, что сумѣетъ англичанина вынудить къ откровенностямъ, полезнымъ для ея брата,—служила умному сыну Альбіона великолѣпнымъ освѣдомительнымъ органомъ...

Вдругъ, въ самое Свѣтлое Христово Воскресенье, 6 апрѣля 1794 года — прозвучалъ кровавый набатъ Варшавской заутрени...

Вмѣсто краснаго яйца—потоки пурпурной человѣческой крови пролились въ этотъ день, когда особенно громко слова міра, всепрощенія и любви звучатъ и раздаются во всѣхъ христіанскихъ храмахъ...

Сомнѣнья нѣтъ, что побѣдители вели себя вызывающимъ образомъ, какъ это бываетъ всегда. Побѣжденные были озлоблены, таили вражду, готовую вспыхнуть при каждомъ удобномъ случаѣ, собирались отомстить...

Но вожди понимали, что начинать снова борьбу, вслѣдъ за недавнимъ пораженіемъ — безумно. И только обѣщаніе поддержки и помощи съ чьей-нибудь стороны, у которой

много денегъ и силъ, могло дать толчекъ, открыть выходъ для неумолимой народной вражды и мести.

Такъ было сдѣлано...

За Варшавскую заутреню Суворовъ скоро оплатилъ Прагской рѣзней.

Вызванный спѣшно изъ Херсона, онъ не отдыхая, прискакалъ сперва въ Петербургъ, потомъ — на мѣсто дѣйстви.

Исторія записала на своихъ страницахъ все, что совершилось потомъ. Она будетъ судить и правыхъ, и виноватыхъ.

Но Зубову и тутъ посчастливилось. Онъ получилъ новыя награды, новыя земли и души... И съ удвоенной силой возобновились приготовленія къ великому персидо-индійскому походу, который теперь сталъ мечтой Екатерины, какъ раньше былъ Зубова.

* * *

Послѣ сильныхъ бурь всегда наступаетъ пора усталости, затишья.

Такимъ затишьемъ былъ отмѣченъ конецъ 1794-го и слѣдующій за нимъ годъ.

По крайней мѣрѣ,—во внѣшней политикѣ Россіи. А такъ какъ весь аппаратъ, правящій этой огромной страной, всѣ министерства и кабинеты,—по удачному выраженію принца де Линь,—помѣщались на пространствѣ двухъ вершковъ, между висками Екатерины, въ ея головѣ,—то отдыхала и сама императрица.

А отдыхъ былъ необходимъ. Кромѣ душевныхъ потрясеній и заботъ, тѣлесные недуги сильно напоминали о началѣ конца.

Особенно безножили всѣхъ сердечные припадки и признаки водянки, отъ которой напухали ноги, низъ живота.

Потомъ на ногахъ открылись какіе-то нарывы. Они были непріятны сами по себѣ.

Но дышать стало легче, ноги не такъ затекали. Мощная, здоровая натура сама боролась съ недугомъ, нашла исходъ дурнымъ сокамъ.

Одно печалило императрицу: она не могла уже ходить много и легко, какъ прежде каждое лѣто, по аллеямъ царскосельскаго парка, зимой — по заламъ Эрмитажа, по его зимнему саду.

Опираясь на трость, ходить Екатерина и часто садится отдыхать. О томъ, чтобы по старому принять участіе въ играхъ молодежи, бѣгать съ ними по лужайкамъ — и думать нечего!

Но любить она глядѣтъ на юное веселье.

А его много теперь въ домѣ.

Принцесса Луиза Баденская, въ святомъ крещеніи — Елисавета Федоровна, прелестная молодая жена юнаго Александра — внесла новую жизнь и очарованіе въ интимный кругъ усталой императрицы.

Всегда спокойная, ясная, веселая, готовая побѣгать и порѣзвиться, какъ дитя, несмотря на свои серьезные, даже печальные глаза, — Елисавета овладѣла любовью Екатерины и расположеніемъ всѣхъ окружающихъ...

Чудесный августовскій вечеръ готовъ спуститься на сады и дворцы Царскаго Села.

Большая зеленая лужайка у пруда звенитъ отъ молодыхъ голосовъ, оживлена группами кавалеровъ и дамъ въ легкихъ, простыхъ нарядахъ, какъ любить Екатерина.

Здѣсь мужчины въ будни всѣ во фракахъ, дамы безъ пудры и кринолиновъ или фіжмъ.

Императрица сидитъ на скамьѣ и любуется милой картиной.

Длинной вереницей вытянулись пары. Впереди—высокій, толстый Державинъ.

Онъ своимъ звучнымъ голосомъ произноситъ завѣтныя слова:

— Горю, горю, пень!..

— Чего ты горюшь?—спрашиваетъ Зубовъ, стоя въ первой парѣ съ Елисаветой.

Во второй парѣ — Александръ съ Варей Голицыной, смуглой, очаровательной дѣвушкой, съ которой онъ на видъ такъ же друженъ, какъ и его пятнадцатилѣтняя жена.

Дальше—Константинъ съ молодой графиней Брюсъ, за которой теперь ухаживаетъ, что выражаетъ щипками и толчками. А когда ему за это дѣвушка начинаетъ драть уши, онъ цѣлуетъ мягкія руки до боли крѣпко, даже кусая ихъ...

Желая угодить Екатеринѣ, стоитъ въ парѣ и толстая графиня Шувалова, затѣмъ любимая фрейлина государыни, побочная дочь Бецкаго, Александра Сергѣевна де Рибасъ, урожденная Соколова, княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, за ней—прекрасная, здоровая, тайно обѣщанная много лѣтъ съ мужемъ и недавно прощенная за это, княжна Нарышкина, Жозефина Потоцкая и много другихъ стоятъ въ этой блестящей вереницѣ. Кавалеры—тоже свои. Изъ молодыхъ—одни дежурныя камеръ-пажи, разобравшіе фрейлинь. А то больше люди почтенные. Сѣдые безъ пудры. Но „матушка“ веселится съ молодежью, веселятся и они...

Конченъ допросъ.

— Разъ, два, три... Лови!—кричитъ Зубовъ...

Цара раздѣлилась, перемѣнясь мѣстами для отвода глазъ Державину.

Мчатся оба по лужайкѣ. Онъ—вправо, она влево, къ пруду...

Державинъ, багровѣя отъ одышки и напряженія, старается догнать Елисавету.

Безъ шляпки, повѣшенной тутъ же, на кустѣ,—мчится впередъ красавица, едва касаясь ножками земли, легкая, воздушная, какъ эльфа... Но такая стройная и полная со-зрѣвающей женской силы и прелести... Волосы свѣтлымъ каскадомъ вьются по плечамъ, вѣютъ по воздуху отъ бы-страго бѣга... Лужайка дѣлаетъ уклонъ къ водѣ. И еще быстрѣ несется она, порою черезъ плечо поглядывая, гдѣ Державинъ, гдѣ ея пара.

А Зубовъ уже рѣзко повернулъ мимо Державина, видя, что тотъ отстаетъ, и приближается широкимъ, упругимъ бѣ-гомъ, словно желая защитить слабую нимфу отъ насилья нападающаго сатира.

Вотъ онъ близко... На влажной травѣ, у самой воды— Елисавета поскользнулась, заколебалась, словно на лету, но удержала равновѣсіе...

Но Зубовъ былъ ужъ тутъ.

— Боже мой...—вырвался у него крикъ испуга. И, словно желая охранить ее отъ паденія, онъ обѣими руками крѣпко сжалъ ея гибкій станъ, довольно смѣло и неловко.

— Пустите... оставьте... Видите, я не падаю... На насъ смотреть. Что подумаютъ,—почти недовольно говоритъ она, чувствуя, что руки размыкаются у ней на груди го-раздо медленнѣе чѣмъ бы это слѣдовало... Мимо усталаго, пыхтящаго Державина, отирающаго большимъ цвѣтнымъ фу-ляромъ мокрый лобъ и лицо, прошла на свое мѣсто кра-сивая пара.

Екатерина обратилась къ графинѣ Шарлотѣ Карловнѣ Ливенъ, ставшей потомъ свѣтлѣйшей княгиней, воспита-тельница внучекъ Екатерины, и къ Луизѣ Эмануиловнѣ де Тарантъ, герцогинѣ де Тремуиль, своей статсъ-дамѣ, сидящей рядомъ:

— Какъ хороша эта милочка. Жаль, художника нѣту. Вотъ бы срисовать!

— Да и генераль на удивленья!—любезно отвѣтила герцогиня.

Ливень промолчала.

Игра шла своимъ чередомъ.

Вотъ Константинъ, взявъ путь къ озеру, завертѣлся зайцемъ, уходя отъ Державина, которому надоѣло ловить, почему онъ и рѣшилъ поставить на свое мѣсто великаго князька.

Неуклюжій на видъ, Константинъ увертливъ. Державинъ упорно гонится... Вотъ, настигъ... ухватилъ... Но юноша выскользнулъ, Державинъ не рассчиталъ движенія и, поскользнувшись на влажной травѣ, грузно упалъ на правую руку...

Всѣ кинулись къ нему, подымать и очищать стали.

Вдругъ поэтъ скорчилъ гримасу и глухо застоналъ.

— Что съ вами, что такое?

— Что случилось, Гавріиль Романычъ?—подойдя, спросила императрица.

— Да я... да вотъ...—не досказавъ, съ новымъ стономъ Державинъ опустился на траву, блѣдный, безъ чувствъ. Его перенесли во дворецъ, позвали врачей. Оказался вывихъ.

— Печально кончились наши игры,—замѣтила Ебатерина, когда ей донесли о результатахъ осмотра.

Но и съ другой стороны игра эта кончилась не совсемъ хорошо.

Когда унесли поэта, общество еще осталось на лугу.

Елисавета съ Голицыной отделились отъ другихъ, вошли въ темную аллею и стали гулять въ ней, по-дружески дѣлясь маленькими секретами и впечатлѣніями.

Никто почти не замѣтилъ, куда ушли обѣ подруги и не обратилъ вниманія на ихъ отсутствіе.

Зубовъ незамѣтно подойдя къ гитаристу - виртуозу

Санги, который о чем-то говорил со стариком Штакельбергом, спросил:

— Романсъ съ вами?

— Готовъ, ваше превосходительство. Итальянецъ передалъ Зубову свернуый въ трубочку нотный листокъ, перевязанный красивой лентой.

— А вы не замѣтили, въ какую сторону прошли Голицына и... великая княгиня?

— Я? нѣтъ, генераль...

— Сюда, сюда... въ эту сторону,—негромко сказалъ Штакельбергъ, глазами указывая мѣсто,—я нарочно послѣдилъ... За каскадомъ прямо...

— Благодарю васъ...

И Зубовъ быстро направился въ сторону совершенно противоположную, миновалъ лужайку и за кустами вернулся туда, гдѣ была указанная аллея.

Только одинъ человекъ замѣтилъ этотъ маневръ.

Александръ со своимъ спокойнымъ видомъ и яснымъ взоромъ болталъ съ дежурнымъ камеръ-юнкеромъ, графомъ Растопчинымъ.

Что-то мелькнуло такое на лицѣ собесѣдника, что заставило молодого князя не только насторожиться, но и кинуть незамѣтный осторожный взглядъ въ сторону, на право... Тамъ замѣтилъ онъ среди зелени фигуру Зубова, который направлялся въ ту же сторону, куда ушли недавно Елисавета и Голицына.

Чуть-чуть ярче блеснули глаза Александра. Но не мѣняя тона и позы, онъ продолжалъ свою бесѣду съ Растопчинымъ:

— Такъ, ты полагаешь, миръ съ Турціей, заключенный еще въ прошломъ году, мало къ чему обязываетъ насъ? И черезъ два года бабушка имѣетъ право двинуть войска

на Востокъ?.. Ты, конечно, шутишь, по своему обыкновенію...
Я понимаю тебя...

* * *

А Зубовъ быстро нашель обѣихъ дамъ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что это произошло случайно.

Съ опущенными глазами, погруженный въ глубокую задумчивость, медленно побрелъ онъ по тѣнистой, полутемной аллеѣ и, казалось, не видѣлъ ничего кругомъ.

Молодые женщины давно замѣтили фаворита, поняли его маневръ и переглянулись съ насмѣшливой улыбкой.

Почти поровнявшись съ ними, слыша шелестъ платьевъ, шорохъ шаговъ по песку, онъ вдругъ поднялъ свои красивые, хотя и не блестящіе выраженіемъ, глаза и даже издалъ легкой возгласъ удивленія.

— Ваше высочество!.. Вотъ, о комъ думаешь... Я было и не замѣтилъ...

— Да мы видѣли. Такая задумчивость... Вы не стихи ли сочиняете, графъ?

— О, нѣтъ... То-есть... почти... Тутъ именно, у меня романсъ... Новый, очаровательный... Позвольте вамъ показать?

Заинтересованныя дамы закивали головой.

Онъ развернулъ листокъ и сталъ декламировать.

Первый куплетъ былъ безъ особаго значенія. Общія фразы о любви къ ней.

Но второй Зубовъ прочелъ съ особеннымъ выраженіемъ, кидая пламенные и томные взгляды на Елисавету:

Судьба свершаетъ преступленье!

Заставила меня желать ее воспламенить!

Давая своей жертвѣ въ искушенье—

Права роковыя—*любить!*..

Эту строфу Зубовъ даже пропѣлъ на мотивъ, подписанный подъ словами...

— Батюшки, какъ это печально!—едва не разражаясь смѣхомъ, подхватила задорная Голыцина.

— Да, очень грустно...—отозвалась Елисавета.

— Какъ моя душа теперь. Я хотѣлъ просить ваше высочество... Ваше восхитительное пѣніе... Райскій голосъ... Если бы вечеромъ, на маленькомъ концертѣ вы пожелали ошастливить... слѣть сей романсъ...

— О, нѣтъ, ни за что... Я боюсь... Не разучивъ... И это—такъ печально... Нѣтъ, я прошу васъ, увольте... Ахъ, вотъ и Александръ... Онъ ищетъ насъ,—обрадованно сказала Елисавета и быстро двинулась на встрѣчу мужу, который медленно, съ веселымъ, безпечнымъ видомъ показался въ концѣ аллеи и приближался сюда.

Зубовъ неожиданно, очень нѣжно взялъ подъ руку Голыцину и почти на ухо, словно дѣлая признаніе зашепталъ:

— Какъ эти мужья всегда являются некстати... Но я на васъ надѣюсь. Вы однѣ можете ввести меня въ рай... Уговорите нынче вечеромъ княгиню исполнить мой романсъ...

И также нѣжно, шепча ей всякій вздоръ для отвода глазъ,—прошелъ мимо Елисаветы и Александра, какъ будто и не думая о нихъ.

Холоднымъ, тяжелымъ взоромъ проводилъ Александръ плотную, теперь даже отяжелѣлую немного фигуру фаворита...

* * *

Вечеромъ состоялся обычный домашній концертъ.

Играли, пѣли... Левъ Александровичъ Нарышкинъ изображалъ торговца-Завулону, который всюду являлся съ кучей золотыхъ вещей по корманамъ.

Нарышкинъ тоже набилъ карманы мелкими вещицами, копироваль говоръ и манеры Завулона Хитраго, который былъ однимъ изъ тайныхъ агентовъ Англiи при дворѣ...

Было очень весело.

Неожиданно, послѣ короткой бесѣды съ Зубовымъ, императрица обратилась къ Елисаветѣ:

— Дитя мое, вотъ тутъ генераль нашелъ какой-то очень интересный новый романсъ. У васъ чудесный голосовъ. Я такъ люблю васъ слушать. Больше, чѣмъ моихъ пѣвицъ, которымъ плачу десятки тысячъ въ годъ. Ваше пѣніе я понимаю. Въ немъ ласка матери ребенку, порывъ жены къ мужу... Хорошо вы поете. Вотъ, не хотите ли посмотрѣть? Я васъ послушаю.

Желаніе, высказанное императрицей, служило закономъ для всѣхъ окружающихъ.

Но Елисавета нашла въ себѣ твердости дрожащимъ голосомъ заявить:

— Я совсѣмъ не въ голосѣ... Простите, ваше величество... Другой разъ...

— Если позволите, ваше величество, Варвара Николаевна знакома съ романсомъ. Она намъ споетъ вмѣшался снова Зубовъ, рѣшившій поставить на своемъ.

— Ну, пой, дитя мое. Ты тоже очень мило поешь... Пой...

Овладевъ собой, сдерживая негодованіе противъ дерзкаго фаворита, Голицына взяла ноты. Санти началъ аккомпанировать.

Первый куплетъ, скучный и тягучій, даже лишенный опасныхъ намековъ, пропѣтъ.

Звучить рефренъ. Начинается вторая строфа... Но находчивая дѣвушка снова поетъ слова перваго куплета.

Всѣ переглядываются.

Императрица, почти и не слышавшая пѣнія, не лю-

бывшая музыки, когда пѣвица умолила, обратилась къ ней:

— Милочка, что это за іереміада такая?..

— Такъ точно, государыня. Истинная іереміада... Самая скучная на свѣтѣ, которую я лишь знаю.

Александръ съ незамѣтной улыбкой дружески поглядѣлъ на умную женщину.

Зубовъ, надутый, красный, отошелъ прочь и цѣлый вечеръ былъ не въ духѣ.

Къ концу вечера Елисавета шепнула Голицыной:

— Выйдемте вмѣстѣ. Александръ хотѣлъ съ вами говорить...

Когда стали расходиться, Елисавета съ мужемъ и Голицына, втроемъ отправились еще прогуляться по тихимъ аллеямъ парка.

— Знаете, Зубовъ влюбленъ въ мою жену! — сразу, неожиданно заявилъ Александръ, держа подъ руку слѣва Голицыну, справа — Елисавету. — Что мы теперь будемъ дѣлать?

— Быть того не можетъ...

— Но, но... безъ хитростей... Вы знаете сами...

— Если онъ такъ дерзокъ, ваше высочество. Если онъ сошелъ совсѣмъ съ ума... надо его презирать...

— Гм... Это легко сказать... Теперь, когда... Ну, да все равно.. Ссориться съ нимъ нѣтъ основаній... Но что всего противнѣй: ему помогаютъ почтенные люди... Княгиня Шувалова, старый дуракъ — Штакельбергъ... Впрочемъ, мы еще подумаемъ... Вотъ ваша дверь, chère Barbe! Доброй ночи!

* * *

Говорятъ, хорошія, радостныя вѣсти должны разрушить трое дверей брилліантовыхъ, чтобы достигнуть человѣческаго уха. А печальные, горькіе слухи, какъ легкій пухъ одуван-

чика, разлетаются по вѣтру, проникаютъ повсюду, и находятъ того именно, кому на душу должны лечь тяжкимъ, свинцовымъ гнетомъ...

Екатерина и сама скоро стала замѣчать особое вниманіе, какое Зубовъ выказывалъ Елисаветѣ, и съ разныхъ сторонъ, полунамёками, улыбками, выразительными взглядами и пожиманіемъ плечъ, ясенѣе, чѣмъ открытымъ доносомъ, многіе изъ приближенныхъ дали знать старой покровительницѣ, что ея молодой другъ сердца, если уже не измѣнилъ, то собирается это сдѣлать и пока остается чистъ, но не по своей винѣ.

Зубовъ и самъ по себѣ не нравился Елисаветѣ, несмотря на «писанную красоту» его, да и благоразуміе подсказывало молодой женщинѣ, что фаворитъ можетъ и вольно, и невольно завести въ бѣду ея и великаго князя Александра еще больше излишней близостью, чѣмъ показной холодностью, даже искренней враждой.

Екатерина ничего не сказала фавориту, даже когда получила прямые доказательства до неприличія явнаго ухаживанья Зубова за женой ея родного внука.

Только къ Мамонову немедленно полетѣло письмо... Очень дружеское, даже — ласковое.

Раньше ей писалъ много и часто оставленный фаворитъ, не нашедшій счастья въ бракѣ по страсти, какимъ былъ его бракъ со Щербатовой.

Но, не получая благопріятнаго отвѣта на всѣ взрывы раскаянія, просьбы о прощеніи и намеки о возвратѣ прошлаго, — графъ Мамоновъ умолкъ.

Письмо Екатерины поразило его не меньше, чѣмъ тонъ самого посланія, почти вызывающій на новыя признанія, предлагающій вернуться ко двору.

Пока онъ думалъ, что отвѣтить, Зубову очень осто-

рожно „друзья“ его, конечно, настроенные самой государыней, дали знать о возникшей перепискѣ.

Чего ждала Екатерина, то и произошло. Ей не хотѣлось первой нападать, и согласно пословицѣ, что на начинающаго—Богъ... Да! И могла опасаться оскорбленная женщина, что Платонъ помянетъ имя брата, Валеріана, ревновать къ которому Екатерину онъ имѣлъ полное основаніе.

Она рѣшила выждать... и дождалась.

Объясненіе произошло въ первое же утро, послѣ сообщенныхъ ему подробностей о непріятной перепискѣ, при чемъ Зубовъ получилъ въ руки черновые наброски, даже не задумавшись слишкомъ надъ тѣмъ, какъ они попали къ лицу, предающему Екатерину.

Кончивъ докладъ о болѣе важныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ успѣшно идетъ преслѣдованіе мартинистовъ здѣсь и въ Москвѣ, насколько подвинулись приготовленія къ Персидо-Индійскому походу, — фаворитъ вдругъ, мягкимъ, но звенящимъ, напряженнымъ голосомъ спросилъ:

— А, что, ваше величество... Вотъ, теперь надо много людей повѣрить къ дѣлу поставить. Въ Москвѣ, и здѣсь... Что, если бы графа Александра Матвѣича вызвать?

— Какого графа Александра... какъ-будто не сразу вспомнивъ, переспросила Екатерина.— Да ты что?! вдругъ, съ хорошо-разыграннымъ изумленіемъ, заговорила она:— ты это про Мамонова? Да, какая муха нынче насъ укусила?

— Нисколько, ваше величество, — по-французски продолжалъ Зубовъ, какъ бы желая, чтобы холодные обороты чужой рѣчи подчеркнули содержаніе дѣлового разговора:— я по совѣсти. Вы изволите довѣрять бывшему своему любимцу. А это — много значить. Не зря же такая довѣренность. Видно, что стоитъ онъ ея... И... — Зубовъ набралъ воздуха, словно подбодряя себя: — и слышалъ я: снова

теперь переписку съ графомъ возобновить изволили... Вотъ я...

— Переписку? Съ графомъ? Да, кто тебѣ сказалъ? Кто это посмѣлъ?..

— Никто, ваше величество... Случайно это вышло... Люди толковали, не знали, что я слышу. Тутъ никто не виновать...

— Ты еще покрываешь? За мной шпионятъ, значитъ? Я ужъ не вольна писать, кому хочу? Если справилась, какъ тамъ живутъ они съ женой... Что же въ томъ?..

— Если бы даже и сюда звали графа,—тоже ваша воля!—выпалилъ Зубовъ, давая этимъ знать, что ему извѣстно точно содержаніе письма...

— Вотъ какъ! Не подивлюсь, если и брульонъ попалъ къ вамъ, генераль, который я въ корзину бросаю по доверенности къ людямъ моимъ порой. Это никто, какъ За-

Или одна изъ дѣвицъ моихъ, къ вамъ неравнодуш-
... Вы и ихъ очаровали вашими глазами, какъ чаруете, вонъ, внучку мою, княгиню великую... Елисавету...

Настала очередь Зубову притвориться изумленнымъ, сдержанно-негодующимъ.

— Я?!.. На великую княгиню?!.. Глаза!!!..

— А то, чтобы еще? Руки коротки, сама понимаю. Она молода,—разъ. Мужъ у нея красавецъ,—два. Наслѣдникъ трона,—три... Если съ ней негорячъ, такъ и съ другими непылокъ нисколько,—четыре. Чего же ей отвѣчать на вздохи и стрѣлы чужихъ глазъ, хотя бы и такихъ красивыхъ, какъ ваши?!.. Понялъ?!.. На первое время—попомни эти мои сентенціи. И не будемъ больше говорить ни о письмахъ моихъ Мамонову... ни о вздохахъ твоихъ подъ окнами внучки, о серенадахъ въ ея честь даваемыхъ... О романсахъ, которые приказывалъ слагать отъ имени своего для той-же княгини Елисаветы. Видишь, и я кое-что

знаю... Положимъ, молода она, хороша, какъ утро... И близко вы другъ отъ друга... Но объ этомъ я подумала... Дворецъ построю внуку особенный въ Царскомъ... И не будетъ тебѣ лѣтомъ искушеній... А зимой... Зимой, поди, они теперь рѣже станутъ бывать у насъ... Можетъ быть, семья прибавится.. Хотя и плохъ внукъ на этотъ счетъ, какъ сказываютъ... Словомъ, сказать: помни. А я—забыть постараюсь и проказы твои, и графа въ „красномъ кафтанѣ“... Доволенъ? Пересталъ брови хмурить? И славу Богу... Будемъ кончать дѣла твои.

Вечеромъ, говоря съ Анной Никитишной Нарышкиной о сценѣ, которая разыгралась у нея съ фаворитомъ, Екатерина между прочимъ, сказала:

— Что его винить? Оба молоды. Я понимаю. Да и своего уступать не хочу... Знаешь, тутъ вышло по старой скороговорочкѣ французской, которой учила меня еще е. дѣтствѣ *m-lle Кардель: le ris tenta le rât, le rât tenté tata le ris.*

— Попробуй, сразу выговори, такъ, скоренько...

Екатерина даже пропѣла скороговоркой мудреную фразу, какъ, должно-быть, дѣлала это въ дѣтствѣ.

— Вотъ, и тутъ: рисъ приманилъ крысу... Крыса — вмазанная, хотѣла попробовать рису!.. Да не удалось... Бѣдненькой, ты бы видѣла его рожицу. Дѣлаю видъ, что сердита. А сама бы такъ и поцѣловала моего милого генерала!..

На этомъ и кончился романъ Зубова съ Елисаветой, на самой своей завязкѣ.

Мамоновъ тоже не помѣшалъ. Взвѣсивъ все шалсы, влияніе Зубова, его силу, при помощи которой фаворитъ-пигмей свалилъ колосса Потемкина, — Мамоновъ очень осторожно, ссылаясь на недуги, отказался отъ предложенной ему чести: — возвратиться въ Петербургъ.

„Хотя высшимъ счастьемъ почель бы служить моей великой государыня, хотя бы въ самой послѣдней должности,— да, видно, Богъ не хочетъ! Его воля!“—такъ позолотилъ свой отказъ „Красный Кафтанъ“, теперь—давно потемнѣлый, смирившійся.

VI.

„Шахъ королю!“—„Мать королевѣ!“.

Осенью того же года снова появился на дворцовомъ горизонтѣ второй Зубовъ, Валеріанъ, хотя и въ очень печальномъ видѣ.

Посланный въ Польшу, для полученія чиновъ и орденовъ, ничего тамъ, конечно, серьезнаго не дѣлая, Валеріанъ во-время какой-то развѣдки наткнулся на отступающій польскій отрядъ.

Небольшое ядро, пущенное поляками, ударило по ногамъ ему и ѣхавшему рядомъ съ Валеріаномъ офицеру.

Лѣвая нога Зубова и правая офицера были раздроблены.

Собрались доктора. Все вниманіе обратили на Зубова. А когда подошли къ офицеру, оказалось, что онъ истекъ кровью и умеръ...

Валеріанъ, конечно, былъ спасенъ.

Екатерина плакала, когда узнала о несчастіи „писаннаго мальчика“.

Она послала ему удобную коляску, для возвращенія въ Петербургъ, 10,000 червонцевъ на дорогу, ленту Андрея Первозваннаго для утѣшенія въ горѣ, чинъ генераль-майора, ему, юношѣ 20 лѣтъ... 300,000 рублей затѣмъ были даны ему на погашеніе всѣхъ долговъ...

Милости посыпались безъ конца...

Когда Валеріанъ, въ креслѣ появился въ покояхъ Екатерины, она искренно плакала отъ печали, но тутъ же замѣтила, что онъ очень возмужалъ, и сталъ куда красивѣе брата... Сохранилась даже записка, полученная Валеріаномъ, въ которой сказано: „Весьма рада, что понравилась вамъ наканунѣ“...

Но Платонъ и брату не позволилъ занять много мѣста въ сердцѣ своей покровительницы. Послѣ разныхъ колебаній—именно Валеріану было поручено главное начальство надъ арміей, отправляемой на Кавказъ и дальше, въ Персію, въ Тибетъ.

— Вонъ изъ глазъ, вонъ изъ сердца, — совершенно основательно полагалъ Платонъ.

И онъ не ошибся.

Начало широко задуманной, почти несбыточной кампаніи, было довольно счастливо, несмотря на многіе недочеты. Правда, Валеріану на руки было дано три милліона рублей, но онъ скоро все истратилъ и сталъ требовать новыхъ денегъ, припасовъ и людей... Однако, дѣло шло хотя бы потому, что сопротивляться на мѣстахъ была некому.

15 февраля 1796 года обвѣнчали Константина съ такою же очень юной принцессой, Анной Кобургской, едва достигшей 14-лѣтняго возраста. Мужъ и жена ссорились и новобрачный даже щипалъ и билъ свою молодую, если очень выходилъ изъ себя. Бабушка не только должна была мирить „дѣтей“, но и брала Константина изъ Шенелевскаго дворца, отведеннаго новобрачнымъ, подъ свою строгую опеку, поселяла въ покояхъ Зимняго дворца...

Только такимъ образомъ можно было смирить причудливаго юношу, который заряжалъ живыми крысами пушку въ дворцовомъ манежѣ и стрѣлялъ этимъ необычайнаго свойства ядромъ—въ намѣченную цѣль... Да и людямъ

приходилось много выносить отъ юношеской жестокости и необузданности молодого великаго князя...

И только императрица могла укрощать эту неподатливую натуру.

Въ концѣ мая громъ пушекъ возвѣстилъ столицѣ о первой побѣдѣ, одержанной на Кавказѣ индійской арміею ея величества. Валеріанъ Зубовъ взялъ Дербентъ, возобновивъ побѣду Петра Великаго, которому этотъ городъ однажды уже сдавалъ свои ключи.

25 іюня у Павла родился третій сынъ, — Николай.

Платонъ Зубовъ по поводу всякой новой радости или сюрпризомъ получалъ какую-нибудь милость отъ Екатерины, или прямо выпрашивалъ то, чего желалъ...

Обладая титуломъ свѣтлѣйшаго князя, получивъ главное начальство надъ Черноморскимъ флотомъ, этотъ „безкровный“ побѣдитель, домашній герой, — не зналъ даже, чего ему больше желать.

Послѣдній планъ, намѣченный имъ вмѣстѣ съ Екатериной, относительно брака молодого шведскаго короля Густава-Адольфа, съ внучкой императрицы, Александрой Павловной, неожиданно также принялъ весьма благопріятный оборотъ.

Сначала и самъ Густавъ, и опекуны его, жадный, хитрый герцогъ Зюдерманландскій, были противъ этого союза.

Но усилія официальныхъ русскихъ дипломатовъ и частныхъ агентовъ Екатерины, покладливость регента, полагавшаго, что товаръ надо отдавать тому, кто больше платитъ, все это помогло Екатеринѣ и фавориту поставить на своемъ.

14 августа прибыли въ Петербургъ два шведскихъ графа: Ваза и Гага, дядя — регентъ и племянникъ — король, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по достиженіи совершеннолѣтія, самъ долженъ былъ приняться за управленіе

страной. Желанные гости остановились у шведскаго посланника, Штедингга. Екатерина, еще проживавшая въ Таврическомъ, въ своей осенней резиденціи, пріѣхала утромъ въ Зимній дворець.

Торжественный видъ имѣла первая встрѣча короля и княжны Александры.

Парадный залъ былъ почти переполненъ придворными и высшей знатью, допущенными къ участию въ большомъ выходѣ императрицы.

Широко распахнулись двери и Екатерина Вторая показала рука-объ-руку съ Густавомъ Четвертымъ.

Семнадцатилѣтній король, высокій, стройный, со своими золотистыми, длинными кудрями, въ черномъ шведскомъ костюмѣ, — казался олицетвореніемъ рыцарской красоты и ловкости. А его манера, — серьезная и важная, истинно-королевская, — еще усиливала впечатлѣніе, какое производилъ онъ на окружающихъ.

Екатерина всегда умѣла носить свой санъ. А теперь, довольная, радостная, словно помолодѣвшая на много лѣтъ, она была просто великолѣпна столько-же своей осанкой, гордымъ постановомъ головы, блескомъ глазъ, сколько и роскошью царскихъ одеждъ и регалій.

Особой группой стоитъ вся „гатчинская семья“: цесаревичъ съ Маріей Федоровной, обѣ великія княжны, Александра и Елена, дѣвочка 12 лѣтъ.

Взоры всѣхъ направились въ эту сторону, когда императрица подвела гостя къ Павлу, къ его семьѣ и наступилъ моментъ перваго знакомства между двумя юными существами, которыхъ задумали соединить на вѣки еще раньше того, чѣмъ они увидали другъ друга.

Отъ этого мгновенья зависѣло такъ много.

О томъ, что Густавъ, красивый, юный, озаренный вели-

чѣмъ королевскаго сана, можетъ не понравиться невѣстѣ, — объ этомъ никто и не думалъ.

Давно при дворѣ извѣстенъ былъ забавный случай: бабушка-императрица взяла на колѣни малютку-княжну Александру и стала ей показывать портреты юныхъ принцевъ, собранные со всѣхъ концовъ Европы; потомъ ласково спросила ребенка:

— Ну, какой же тебѣ нравится изъ нихъ больше всего? За кого я выдамъ тебя, скажи, малютка?

Послѣ небольшого серьезнаго раздумья, еще разъ переглядѣвъ нѣкоторыя, особенно приглянувшіяся ей, лица, дѣвочка, застычиво оглядѣвшись, не смотритъ ли кто-нибудь еще, кромѣ доброй „бабушки“, указала на портретъ шведскаго принца.

И теперь этотъ красавецъ, выросшій, возмужалый, уже не принцъ, а король, явился сюда, словно по велѣнію доброй феи изъ сказокъ.

То вспыхиваетъ яркой краской лицо дѣвушки, то блѣднѣетъ она, и незамѣтно касается плеча сестры, стоящей рядомъ, какъ-будто боится упасть отъ слабости.

Опущены глаза у княжны. Но ей сдается, она видитъ какъ онъ, герой ея завѣтныхъ мечтаній и сновъ, легкой и гордой походкой скользитъ по паркету, озаренный лучами яснаго, осенняго солнца, проникающаго въ залъ...

Дыханіе занимается у дѣвушки.

Вотъ онъ заговорилъ.

Этотъ молодой, но рѣшительный, сильный звукъ голоса положительно заставилъ ее затрепетать, какъ отъ удара электрической волны.

Она что-то лепечетъ въ отвѣтъ на оффиціальное привѣтствіе, когда умолкъ голосъ отца и перестала говорить великая княгиня-мать...

Видя, что дѣлается съ дочерью, великая княгиня снова

обратилась къ гостю, желая отвлечь его вниманіе отъ дѣвушки:

— Благополучно ли былъ совершенъ переѣздъ? Правится ли графу столица имперіи?

И еще два-три общихъ, избитыхъ вопроса...

Густавъ отвѣчаетъ... Онъ тоже понялъ, что дѣвушка слишкомъ сильно смущена... И старается не глядѣть въ ея сторону. Но, словно противъ воли, его ясные, какіе-то холодные, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и пронизывающіе, горящіе стальнымъ блескомъ глаза, съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ скользятъ по дѣвушкѣ, словно ощущиваютъ ее съ ногъ до головы незримыми щупальцами.

— Недурна собой... но и не красавица... Еще немного тонковата... но это ничего, пройдетъ...—думалъ, искушенный уже во многомъ, женихъ.—Прелестный ротъ... глаза... Улыбается такъ мило, грустно немножко, но по-дѣтски... И... вотъ, не могу понять: что это есть еще въ дѣвушкѣ, что такъ привлекаетъ глаза и мысль? Надо будетъ разобратъ...

Такъ думалъ про себя наблюдательный, не по лѣтамъ зрѣлый и вдумчивый юноша. Онъ не зналъ, что сила, влекущая его, таилась въ любви, сразу и безповоротно вспыхнувшей въ душѣ, во всемъ тѣлѣ здоровой, чистой дѣвушки.

Сама того не сознавая, въ эту минуту первой встрѣчи,—княжна полюбила еще не нареченнаго ей жениха, вся потянулась къ нему, какъ тянется въ засуху цвѣтокъ навстрѣчу первымъ каплямъ дождя, упавшимъ съ потемнѣлаго неба...

Не чуяла бѣдная малютка, что эта первая, весенняя буря надломитъ ее навсегда. Не думалъ объ этомъ и принцъ.

Его лицо приняло менѣе холодный, не такой королевски-надменный видъ. Даже болѣе мягкимъ блескомъ загорѣлись свѣтлые глаза, упорный взглядъ которыхъ напоминалъ выраженіе глазъ у полупомѣшанныхъ иллюминаторовъ, или фана-

тиковъ-сѣверянь, которые еще недавно въ Россіи запирались цѣлыми толпами въ деревянныхъ срубахъ и тамъ сожигали себя съ женами и дѣтьми, испепеляя тѣла ради „спасенія души“.

На одинъ мигъ даже насмѣшливая улыбка, какъ сѣрая змѣйка, скользнула у него по молодымъ, но строго-сомнѣтымъ губамъ, когда отъ невѣсты король перевелъ взоръ на Павла и Марію Θεодоровну.

Трудно было придумать пару, болѣе неподходящую другъ къ другу.

Худенькій, маленькій, нервный, весь словно покалываемый изнутри и волнующійся оттого, вибрирующій, стоитъ Павелъ. Рядомъ съ женой онъ кажется совсѣмъ юношей, недоросткомъ. Его некрасивое лицо теперь особенно непріятно, такъ какъ Павелъ весь одеревенѣлъ въ строго-величественной позѣ. Неудачная попытка дѣлаетъ совсѣмъ забавнымъ Павла.

Болѣзненно-самолюбивый, чуткій порою до ясновидѣнія, онъ словно ловитъ скрытыя улыбки, переглядыванье, слышитъ легкое перешептыванье и колкости, которыя кое-гдѣ, по угламъ срываются на его счетъ...

Гнѣвъ подымается въ узкой чахлой груди Павла, стянутой параднымъ мундиромъ.

Онъ едва сдерживается, чтобы не запыхтѣть, не зафыркать, какъ дѣлаетъ это дома, если недоволенъ, раздраженъ чѣмъ-нибудь...

Только выпученные, какъ у лягушки, глаза, бѣгаютъ быстрѣе обычнаго, да скулы шевелятся отъ напряженія на этомъ забавно-строгомъ, одервенѣломъ лицѣ...

Крупная, полная, любезная, уступчивая, даже сентиментальная до слезливости на видъ, великая княгиня смотрѣла такъ кротко и наивно, чему особенно помогали ея свѣтлыя,

высоко-приподнятыя брови, придавая пухлому лицу выраженіе постояннаго изумленія.

Но за этой расплывчатой внѣшностью таилась нѣмецкая холодная разсудительность, упорная настойчивость, которую часто проявляла княгиня при осуществленіи своихъ желаній. Выдержка и тактъ этой женщины, въ концѣ-концовъ, дали ей извѣстнаго рода вліяніе и надъ необузданнымъ Павломъ, хотя онъ того не сознавалъ, а жена старалась тщательно маскировать свою силу подъ личиной покорности и личнаго безволія.

Не совсѣмъ ясно, но такія же соображенія мелькнули въ головѣ Густава, когда онъ быстрымъ и внимательнымъ взоромъ всмотрѣлся въ великую княгиню.

— Дѣти совсѣмъ не похожи на него, — окидывая взоромъ обоихъ великихъ князей и двухъ сестеръ-княженъ, рѣшилъ Густавъ. — Это хорошо... Вотъ, только, развѣ, этотъ мальчикъ...

Король остановился на мгновенье на Константинѣ, схожемъ съ Павломъ, но по фигурѣ и манерамъ, — напоминающимъ скорѣе мать, чѣмъ отца.

Неожиданно самая неподходящая, дикая мысль мелькнула въ причудливомъ мозгу юнаго короля:

— У княгини такой пышный бюстъ... Какъ онъ можетъ обнять жену своими коротенькими, тоненькими руками?... Должно-быть, это ему не удастся никогда!

И, словно желая глубже спрятать эту глупую догадку, Густавъ съ самымъ серьезнымъ и почтительнымъ видомъ обратился къ великому князю:

— Ваше высочество, я такъ много слыхалъ о вашей любви къ арміи и къ военному дѣлу, вообще... Надѣюсь, вы не откажете познакомить меня съ ходомъ вашихъ занятій.

— Для меня нѣтъ ничего интереснѣе военныхъ наукъ и упражненій.

Съ некрасивымъ, одервенѣлымъ лицомъ Павла мгновенно совершилось полное превращеніе.

Выпяченныя, крѣпко-сжатія губы сложились въ искреннюю улыбку, такую наивную, дѣтскую, какой нельзя было, казалось, увидѣть на лицѣ некрасиваго, желчнаго человѣка 42 лѣтъ. Вокругъ глазъ, тоже проясненныхъ и подобрѣвшихъ теперь, сбѣжались лучами тонкія морщинки; двѣ глубокія складки по бокамъ носа пролегли еще глубже, такъ что получилась странная смѣсь: дѣтская добрая улыбка на зломъ лицѣ старика.

Умышленно, или случайно, но юный король сдѣлалъ очень удачный ходъ и сразу завоевалъ расположеніе Павла.

— Милости просимъ, когда угодно. Буду радъ васъ видѣть... Если не поскучаете въ моемъ тихомъ уголкѣ! — ласково кивая Густаву, своимъ рѣзкимъ голосомъ сказалъ Павелъ.

Откланявшись великому князю, Густавъ невольно обратился къ императрицѣ.

Екатерина все время, пока король знакомился съ внучкой, говорилъ съ ея невѣсткой и сыномъ, также пристально, даже не маскируясь, наблюдала за юнымъ гостемъ.

Ей хотѣлось, конечно, впередъ угадать, какое впечатлѣніе на юношу произвела дѣвушка, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣть, какъ сдѣлаетъ свои первые шаги при чужомъ дворѣ, въ большомъ незнакомомъ обществѣ этотъ юноша-король, о которомъ уже ходило столько разнорѣчивыхъ слуховъ.

Экзаменъ былъ выдержанъ превосходно.

Густавъ, обернувшись, встрѣтилъ лучистый, ясный взглядъ императрицы, такой живой, юный, что его странно было наблюдать на брюзгломъ, старомъ лицѣ этой женщины 67 лѣтъ, какъ ни молодилась она вообще, какъ ни оживлена была пріятной картиной, которая развернулась передъ ней теперь.

— Главное сдѣлано, милый кузень. Теперь я вамъ представлю моихъ ближайшихъ друзей,—сказала Екатерина.—А между прочимъ, должна вамъ признаться, будь я моложе, право, сама бы полюбила васъ, siraus!

— Однимъ только могу отвѣтить, ваше величество: прошу позволенія поцѣловать руку одной изъ величайшихъ монархинь нашего времени...

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я не могу забыть... никогда не забуду, что графъ Гага—король!

— О, если вы не допускаете, чтобы я коснулся руки императрицы, дозвольте поцѣловать руку дамы, къ которой я давно чувствую глубокое почтеніе и удивленіе неподдѣльное...

— Вы умѣете говорить... Приходится вамъ уступить!— смѣясь согласилась императрица, затѣмъ они сдѣлали шагъ къ толпѣ близкихъ къ Екатеринѣ придворныхъ, стоящихъ впереди другихъ группъ...

А общее вниманіе теперь, естественнымъ образомъ, перешло на спутника короля, на графа Вазу, какъ онъ называлъ себя; вѣрнѣе, на регента, опекуна юнаго короля, на герцога Зюдерманландскаго.

Онъ составлялъ такую же противоположность племяннику, какъ Павелъ своей женѣ. Маленькій, толстенный, съ одутловатымъ, краснымъ лицомъ, онъ вдобавокъ сильно косилъ глазами.

Но глаза эти, бѣгающіе, искрились весельемъ, хитростью, умомъ.

Влажные, красные губы сердечкомъ часто складывались въ лукавую веселую улыбку. Тонкія ноги-спички какъ-то забавно торчали изъ-подъ нависающаго большого брюшка и даже словно гнулись подъ его тяжестью.

Уже не молодой, съ сѣдѣющими волосами, регентъ отличался живостью и ловкостью движеній, составляя пол-

ную противоположность съ королемъ, который словно рассчитывалъ каждый свой шагъ, каждое движеніе.

Одна особенность сразу кинулась въ глаза придворнымъ: въ разговорѣ регентъ свою шляпу держалъ передъ собою, тулейю внизъ, какъ держатъ бродячіе артисты, обходя публику для сбора добровольныхъ лептъ.

Въ то же время его маслянистые, вѣчно-смѣющіеся, острые глазки съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на самыхъ свѣжихъ и хорошенькихъ личикахъ придворныхъ дамъ, казалось, скользили по ихъ шейкамъ, спускались по линиямъ декольтированнаго лифа, словно стараясь лучше разгадать всѣ прелести, скрытыя подъ кружевами и плотными тканями...

Первый обратилъ на это вниманіе грубовато-насмѣшливый Константинъ Павловичъ:

— Посмотри на этого „шелкунчика“, Александръ,— обратился онъ къ брату;— вотъ забавная фигура. Особенно, когда стоитъ рядомъ съ королемъ. Если бы умѣть рисовать, новая картина была бы: Гамлетъ, печальный принцъ, и Санхо-Панхо... А какъ онъ пятитъ свой животикъ... А какъ пялитъ глазки косые... Вонъ теперь прилипъ къ вашей Варѣ Голицыной... Такъ, сдается, и норовитъ крысой юркнуть ей за лифъ, да и не вылѣзъ бы изъ теплаго мѣста... Ха, ха, ха... Губа не дура, выбралъ самую хорошенькую... А шляпу, шляпу какъ держитъ?!.. „Подайте на бѣдность!“ Жаль, что рублевки со мной нѣтъ, такъ и кинулъ бы ему, словно нечаянно, въ шляпу... Порадовался бы раскосый шведъ!

Все это было сказано почти въ слухъ, а громкій смѣхъ привлекъ общее вниманіе.

Старшій братъ укоризненно покачалъ головой и отошелъ.

Павель весь побагровѣлъ, но ничего не сказалъ. Воспи-

таніе сыновей было отнято у отца, и Павелъ даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ смотрѣлъ, какъ юноша 17 лѣтъ, женатый, великій князь несдержанно ведетъ себя въ такую торжественную минуту.

Подошелъ Салтыковъ, что-то пошепталъ Константину.

— Что же я дѣлаю?—почти громко отвѣтилъ Константинъ,—или теперь такое печальное собраніе, что и посмѣяться не...

Онъ не докончилъ.

Екатерина, давно замѣтившая, что ея младшій внукъ, по своему обыкновенію, держать себя слишкомъ непринужденно, сначала дѣлала видъ, что не слышала хохота, не замѣчаетъ тревоги, поднятой молодымъ великимъ княземъ.

Но тотъ не унимался.

Оставя короля бесѣдовать съ Зубовымъ, который все время стоялъ за ея плечомъ, въ разстояніи полушага, и съ графиней Шуваловой, Екатерина подошла къ Маріи Федоровнѣ, словно желая ей что-то сообщить, а по дорогѣ только подняла строгій, тяжелый взглядъ на расшалившася внука.

Тотъ сразу умолкъ, даже не договоривъ начатой фразы, и незамѣтно сталъ подыматься къ выходу, не дожидаясь, пока уйдетъ императрица, давая тѣмъ знакъ, что пріемъ конченъ...

* * *

Послѣ пріема, который своимъ многолюдствомъ, блескомъ, богатствомъ обстановки и нарядовъ произвелъ впечатлѣніе и на юнаго гордеца Густава, начался рядъ праздниковъ у первыхъ богачей и вельможъ, у посланниковъ и великихъ князей, смѣняясь пріемами и балами во дворцахъ: Зимнемъ, Таврическомъ; давались концерты и спектакли въ Эрмитажѣ, сжигались блестяшіе фейерверки, гремѣла музыка на парадахъ, и стройно шли рядами лучшіе полки гвардіи, потре-

вожженные ради высокаго гостя отъ своей лѣнливой, веселой жизни, поставленные напоказъ, какъ цвѣтъ русскаго войска...

Графы Остерманъ, Строгановъ, Везбородко, и Самойловъ, затѣмъ Левъ Нарышкинъ, пользуясь хорошими днями, давали роскошныя балы, сжигали тысячи потѣшныхъ огней у себя на богатыхъ дачахъ, не уступающихъ дворцамъ столицы.

Оживленіе охватило всѣхъ. Даже въ мрачномъ Павловскѣ и молчаливой Гатчинѣ словно зашевелилось, затрещало что-то.

Правда, Павелъ, упорный въ своемъ одиночествѣ и отчужденіи отъ „большаго двора“, почти не показывался нигдѣ. Но Марія Федоровна поневолѣ измѣнила обычный образъ жизни.

Два-три раза въ недѣлю, а то и чаще, она отвозила дочь въ Таврической дворецъ или въ Эрмитажъ, смотря по тому, гдѣ въ этотъ день пребывала императрица. Какой балъ назначался тамъ, полу-селскій или дворцовый, въ галлерейхъ и залахъ Зимняго дворца, въ театрѣ или въ покояхъ уютнаго Эрмитажа.

Часто великая княжна съ матерью оставались ночевать въ Петербургѣ, гдѣ для этого были отведены особыя покои въ Таврическомъ и Зимнемъ дворцахъ.

Тогда курьеры мчались отъ жены къ мужу, передавали частыя, короткія записочки, въ которыхъ Марія Федоровна извѣщала Павла обо всѣхъ событіяхъ дня, бросая искры веселія и радости въ сѣрше сумерки, какіе умѣлъ создать вокругъ себя подозрительный, вѣчно раздраженный и озлобленный цесаревичъ.

Въ обычное время придворный Петербургъ представлялъ изъ себя странное и запутанное зрѣлище.

Онъ дѣлился не только на „большой“ и „малый“ дворъ Екатерины и Павла, былъ еще дворъ цесаревича Александра, „молодой“, такъ-называемый, но уже имѣющій зна-

ченіе, благодаря той особенной любви, какую питала бабушка къ своему старшему внуку и „наслѣднику“, какъ добавляли недруги Павла, хорошо освѣдомленные въ этомъ отношеніи.

Быль недавно образованный „Константиновскій“ дворъ, очень немногочисленный и незначительный пока, во главѣ котораго стоялъ гофмаршалъ, полковникъ гвардіи, князь Борисъ Голицынъ.

Затѣмъ, кромѣ „задняго двора“, или „basse cour“ самой Екатерины, въ видѣ ея любимой Перевусихиной, Нарышкиной, Протасовыхъ, Захара и другихъ, незамѣтныхъ, но очень вліятельныхъ людей, у Платона Зубова тоже составилъ свой „птичникъ“, главнымъ лицомъ въ которомъ былъ графъ Морковъ, какъ „свой“, но не менѣе сильными считались и нѣкоторые иностранцы въ родѣ графа Эстергази, пройдохи Алтести, дѣльца де-Рибаса и другихъ, кончая поэтомъ, пѣвцомъ Фелицы, Державиннымъ, стихотворцемъ Эминимъ и секретаремъ Грибовскимъ.

Конечно, всѣ эти „главные дворы“, дворяки, задворки и всякіе придворные закоулки соперничали между собою, подкапывались другъ подъ друга плотными рядами и въ одиночку, старались урвать какъ можно больше изъ той лавины милостей и земныхъ благъ, какія сыпались изъ рукъ щедрой хозяйки всего царства. изъ рукъ Екатерины.

Кромѣ такого явнаго переплета интересовъ и столкновенія страстей, существовали тутъ и другія, болѣе и скрытыя, но еще болѣе связующія отношенія.

Лица, служащіе при разныхъ, словно бы и враждебныхъ одинъ другому лицахъ и дворахъ, были одного класса, имѣли общіе интересы, несмотря на кажущуюся взаимную враждебность. Большинство состояло въ родственныхъ или давнихъ дружескихъ связяхъ... Случайно открывалась вакансія при какомъ-либо „дворѣ“ или „дворикѣ“.

Ужъ чужой туда могъ попасть очень рѣдко, но волъ необычайнаго случая...

А всегда вакансіи замѣщали своими.

Дядя служилъ при императрицѣ, племянники и племянницы при Павлѣ или при юныхъ великихъ князьяхъ...

По фронту велась показная война. Придворные Павла старались на глазахъ у него даже не разговаривать съ приближенными Екатерины. А, между тѣмъ, и Павлу исправно переносилось все, что дѣлается при большомъ дворѣ, и самые близкіе къ нему люди служили агентами Екатерины, оправдывая себя лишь тѣмъ, что они такъ поступаютъ для блага великаго князя, который самъ не понимаетъ своей пользы, вредить самъ себѣ неосторожными поступками, поправить которые и стараются эти непрощенные друзья-предатели...

Разумѣется, со временемъ все тайное дѣлалось явнымъ, и тяжело дышалось зачастую при блестящемъ дворѣ Екатерины...

Съ появленіемъ коронованнаго гостя сразу все измѣнилось.

Мелкія по большей части, но тѣмъ болѣе жгучія пререканія, столкновенія разныхъ интересовъ, переплетъ интригъ и встрѣчныхъ подвоховъ на время какъ бы оборвался, вытѣсняемый однимъ новымъ, общимъ, крупнымъ интересомъ: удачнымъ исходомъ такого необычайнаго сватовства.

Екатерина могла по праву торжествовать и забыть всякія домашнія дразги, неурядицы, семейный и иной разладъ.

Король шведскій и принцъ-регентъ явились къ ней какъ два посланца ото всей Европы, подтверждающихъ огромное значеніе и силу этой государыни среди другихъ властителей міра.

Правда, до сихъ поръ, желая женить внуковъ и сына, она вызывала въ столицу своего царства иностранныхъ принцессъ и дѣлала выборъ.

Одиннадцать такихъ „невѣсть“ для одного жениха, Константина, еще недавно вызвала она поочередно сюда. И тѣ пріѣхали, выдержали смотрины и уѣхали, одаренныя, правда, но все же съ клеймомъ неудачныхъ невѣсть, не подошедшихъ для русскаго великаго князя, а, главное, забракованныхъ его Великой „бабушкой“...

И только одиннадцатая, бѣдная, но высоко-родовитая Юліана Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская удостоилась избранія.

Теперь же къ Семирамидѣ Сѣвера явился настоящій король древней династіи, пришелъ на поклонъ и просилъ руки одной изъ внучекъ императрицы.

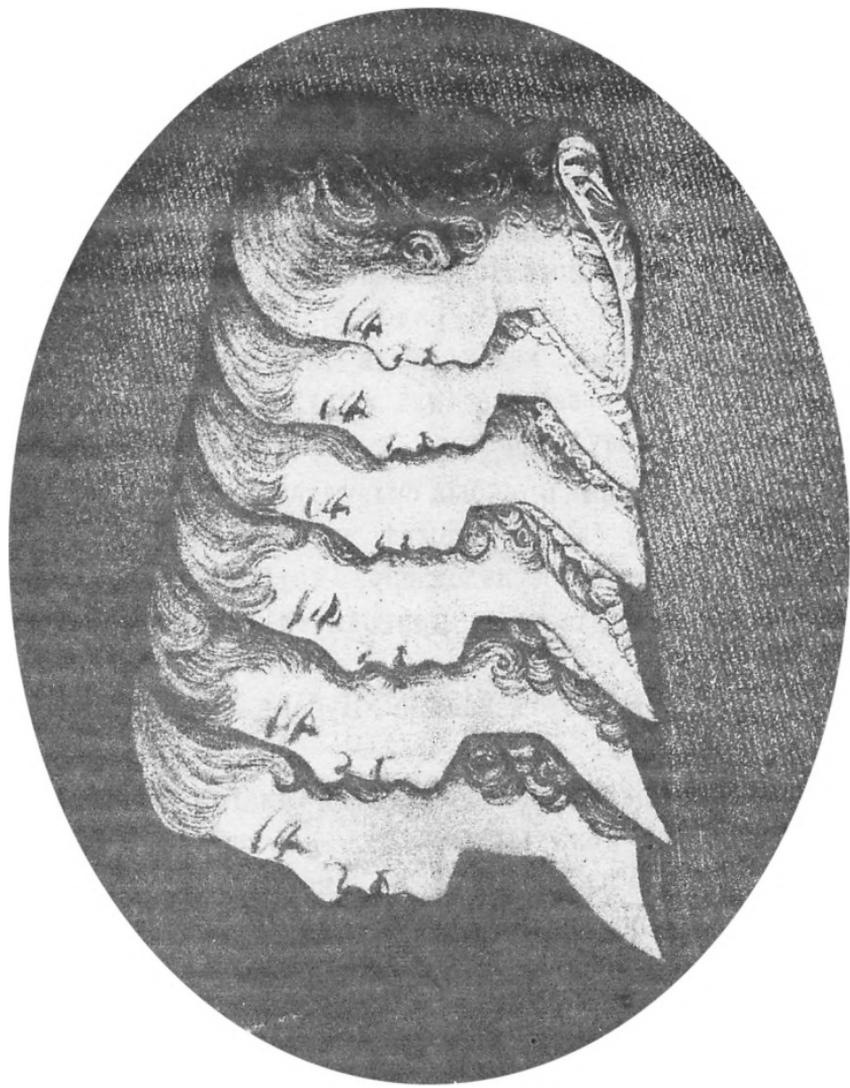
И забыты стали другія злобы дня. Пирь затѣвались за пирами... Всѣ были рады, что можно снять будничныя одежды, отказаться отъ обычной, показной или искренней, утомляющей душу вражды, можно проявить неподдѣльное, или даже показное, но радующее душу дружелюбіе и пріязнь...

Такъ самыя ожесточенныя враги, двѣ арміи, безпощадно истребляющія другъ друга цѣлыми мѣсяцами въ ежедневныхъ стычкахъ, пользуясь часами перемирія, убираютъ раненыхъ и мертвыхъ, братаются другъ съ другомъ, какъ истинные храбрецы и, вмѣсто смертельныхъ ударовъ, свинца и огня, несутъ другъ другу все, что сохранилось лучшаго въ обозахъ обѣихъ армій, правятъ одну братскую тризну по убитымъ...

Платонъ Зубовъ тоже веселился и считалъ себя въ правѣ радоваться чуть-ли не наравнѣ съ Екатериной.

До сихъ поръ онъ только принималъ милости, изливаемая на него государыней, упрочить старался личное положеніе и устранить враговъ, изъ которыхъ даже самый крупный, Потемкинъ, не устоялъ и не пережилъ тяжелаго паденія...

Новаго фаворита скорѣе боялись, чѣмъ любили окру-



Великіє Князья Александръ и Константинъ Павловичи, и Великія Княжнѣ
Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны.

жающіе. И онъ это понималъ, хотя наружно окружающіе наперерывъ выражали временщику самую безпредѣльную преданность, холопскую угодливость.

Александръ, осторожный, мягкій и такой податливый ко всему, что исходитъ отъ бабушки императрицы, явно старался быть пріятнымъ Зубову.

Несдержанный съ лицами, зависящими отъ него, съ тѣми, кто слабѣе, необузданный Константинъ въ душѣ былъ очень робокъ, любилъ себя и всѣ радости, всѣ удобства жизни, боялся строгихъ мѣръ, какія могли принять противъ него, былъ вѣжливъ со всякимъ изъ окружающихъ, если тотъ умѣлъ проявить силу характера и самостоятельность.

А передъ Зубовымъ юноша склонялся безъ разговоровъ. Онъ прибѣгалъ къ его поддержкѣ въ случаѣ нужды, выказывалъ ему открытое расположеніе, хотя искренно любилъ отца и зналъ, какъ тяжело приходится порою Павлу отъ вліянія Зубова.

Но Зубовъ былъ тутъ налицо. Зубовъ былъ почти всемогущъ при дворѣ...

А отца великіе князья видали съ самаго рожденія очень рѣдко. Павелъ не могъ вызвать ихъ къ себѣ, не справясь предварительно у Салтыкова, какъ императрица рѣшитъ на этотъ счетъ. Удобно ли въ данную минуту свиданіе?

И буквально случалось, что въ продолженіе цѣлаго года отецъ не больше разу видѣлъ и говорилъ со своими двумя сыновьями.

Не удивительно казалось окружающимъ, что и оба великіе князья подчинились вліянію Зубова.

И теперъ обезопасивъ себя, Платонъ Зубовъ какъ бы началъ проявлять другого рода дѣятельность. Онъ строилъ завоевательные и династическіе планы... И эти планы пока удавались, по крайней мѣрѣ, по началу.

Индо-Персидскій походъ, конечно, требовалъ большихъ денегъ. Но начался при хорошихъ предзнаменованіяхъ.

Послѣ Дербента и Баку стояло на очереди взятіе Шемахи, какъ о томъ пришли недавно вѣсти отъ Валеріана.

Правда, и объ этихъ „побѣдахъ“, и о всемъ походѣ недруги фаворита немало злословили между собой.

Говорили, что Дербентъ, лишенный защиты, сдался самъ безъ боя, и пришлось разыграть русскимъ войскамъ комедію „приступа“ и „боя“, чтобы усилить заслугу, чтобы можно было получить побольше наградъ... Вспоминали и старый, полузабытый, извѣстный лишь близкимъ къ Екатеринѣ, людямъ, „секретный“ проектъ Потемкина.

Еще лѣтъ 15 тому назадъ свѣтлѣйшій предлагалъ императрицѣ, пользуясь „персидскими неустройствами“, занять Баку и Дербентъ, присоединить Гилянскую провинцію и все это назвать Албанскимъ княжествомъ, посадивъ тамъ великаго князя Константина, какъ претендента на престолъ Византіи, въ ожиданіи, пока его полки войдутъ съ распушенными знаменами въ древній градъ Константина...

Но одно дѣло—задумать, другое осуществить широкіе замыслы.

И невзрачный, такой мелкій, какъ казалось всѣмъ, Платонъ Зубовъ приступилъ къ осуществленію великихъ дѣлъ, достойныхъ Екатерины и ея царства...

Теперь второе: бракъ короля съ внучкой императрицы...

Эта мирная побѣда, нравственное завоеваніе, сулило, пожалуй, не меньше, чѣмъ далекія завоеванія въ горахъ Кавказа, въ равнинахъ Индостана, оплаченные русской кровью, милліонами русскихъ денегъ...

И здѣсь тоже пока удача улыбается фавориту.

Онъ самъ и его довѣренный секретарь Морковъ ведутъ переговоры объ условіяхъ предстоящаго союза.

Рѣшительное слово не сказано еще Густавомъ. Но дѣвушка ему понравилась.

Онъ не сталъ сразу на дыбы, не отказался отъ всякихъ переговоровъ, какъ можно было ожидать, отъ взбалмошнаго и упорнаго юноши.

Объ этихъ качествахъ кое-что стало слышно уже и при русскомъ дворѣ.

Дядя-опекунъ, какъ бы желая свалить съ себя всякую отвѣтственность на случай возможной неудачи, не постѣснялся выдать нѣкоторыя семейныя тайны, рисующіе характеръ Густава не совѣмъ въ розовомъ свѣтѣ.

Но Зубовъ только улыбнулся любезно въ отвѣтъ.

— Наша государыня сумѣетъ смягчить и не такого юнаго льва, если понадобится!—замѣтилъ онъ.

— Дай Богъ! Очень желаю скорѣйшаго и благого конца,—отозвался регентъ и перешелъ къ другимъ вопросамъ, къ разнымъ подробностямъ предстоящаго брачнаго договора.

О ходѣ переговоровъ, конечно, извѣщаютъ Екатерину и Густава.

И только когда онъ приметъ основанія договора и сдѣлаетъ предложеніе невѣстѣ официальнымъ образомъ, можно будетъ считать дѣло поконченнымъ.

Однако, никто почти не сомнѣвался, что все такъ и будетъ. А Платонъ Зубовъ—менѣе всѣхъ.

И веселъ, радъ отъ души, гордится своей дипломатической удачей фаворитъ.

Онъ хотѣлъ бы перестать быть забавой, игрушкой старой повелительницы, хотѣлъ бы явиться ея настоящимъ помощникомъ въ дѣлахъ правленія, правителемъ не ради прихоти, а по праву ума и генія...

Какъ-будто налаживается все это...

Даже Екатерина съ большимъ вниманіемъ прислуши-

вается къ каждому слову, къ планамъ и совѣтамъ любимца, котораго раньше только тѣшила и баловала, какъ пожилые мужья тѣшатъ молодыхъ, причудливыхъ женъ...

Довольный такимъ положеніемъ вещей, Зубовъ вмѣстѣ со всѣми отдается широкой волнѣ веселья, охватившей дворъ.

Клонится къ закату солнце, и вотъ уже пурпурнымъ, пылающимъ дискомъ на краю зеленовато-голубыхъ небесъ повисло надъ далекой линіей горизонта, гдѣ темнѣющая гладь воды переливается въ прозрачную даль неба.

По зеркальной глади Невы мчится большой тяжелый катеръ съ красивыми парусами, съ богатымъ навісомъ, устроеннымъ на палубѣ.

Пѣнится, закипаетъ прозрачная вода подъ ударами сильныхъ весель. Легкой зыбью разбѣгается волна, поднятая грудью баркаса, рѣжущаго зеркальную гладь...

Зубовъ, окруженный своими приближенными, сидитъ подъ навісомъ.

Онъ веселъ, смѣется, сыплетъ шутками, противъ обыкновенія.

Вотъ, глядясь въ спокойныя воды, затемнѣли очертанія богатой дачи графа Строганова. Нездоровье задержало его дня на два дома, и теперь фаворитъ ѣдетъ лично навістить друга императрицы и „привести его къ ней живого или мертваго“, какъ былъ отданъ шутливый приказъ.

На дачѣ уже знаютъ о прибытіи незваныхъ, но желанныхъ гостей.

Многочисленная челядь въ лучшей ливреѣ толпится у пристани.

Пушки, изъ которыхъ обычно салютуютъ въ разныя торжественныя минуты, заряжены. Пушкари на мѣстахъ...

Не доѣзжая до причаловъ, катеръ сталъ бортомъ и далъ полный залпъ изъ нѣсколькихъ орудій, которыми онъ вооруженъ.

Сейчасъ же съ берега отвѣтили ему другимъ залпомъ...
Еще, еще... Катеръ пристаеъ къ берегу. Сидящіе высыпаютъ толной, идутъ на приступъ.

Хозяинъ встрѣчаетъ нападающихъ на террасѣ, поддерживаемый еще ради слабости...

Клубы дыма, свиваясь и тая на воздухѣ, несутся вдоль по рѣкѣ...

Нападающіе берутъ въ плѣнъ хозяина, садятся въ катеръ и при новыхъ залпахъ плывутъ обратно...

Солнце сѣло. Легкій паръ клубится надъ Невой...

Кутается въ мѣха старый графъ и говоритъ:

— Что подѣлаешь! Матушка наша изъ гроба подыметъ человѣка, ежели пожелаетъ... Вашъ плѣнникъ... Увижу ее, авось сразу лучше станетъ...

Плыветъ богато убранный катеръ... Шелестятъ ткани, плещутъ волны, вокочутъ весла, ударяя по водѣ... Полный мѣсяцъ все ярче и ярче вырѣзается на потемнѣломъ далекомъ небѣ...

Во дворцѣ свѣтъ, веселье, музыка, танцы, игра...

Завтра—у Безбородко, потомъ у Кобенцеля, у Штедингга...

Клубится веселье волной...

И только одинъ Павелъ стоитъ непоколебимъ, въ сторонѣ отъ этого веселья, не мѣняя свой затворническій, полумонашескій, полудатерный образъ жизни въ Гатчинѣ.

Пришлось заглянуть сюда и пріѣзжимъ гостямъ.

Племянникъ и дядя явились къ Павлу почти безо всякой свиты, запросто, задолго до большого бала, который согласно распisanія, пришлось дать великому князю у себя.

Если шумный блескъ двора Екатерины не ослѣпилъ молодого короля, то совсѣмъ не понравился ему укладъ жизни въ резиденціи Павла.

Тихій, мрачный дворець, прямыя лініи, бѣдность, сквозящая повсюду... Ослики часовыхъ, рокоть барабановъ, замѣняющій сладкіе звуки камерныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, все это нагоняло печальное настроеніе на юраго, живого, впечатлительнаго короля. Сначала его забавлялъ видъ длинныхъ кафтановъ стариннаго прусскаго покроя, узкіе галстуки, огромныя шпаги, подвѣшенныя сзади между фалдами и большія, пудренныя букли, въ которыхъ, согласно здѣшнимъ правиламъ, явились къ отцу оба великіе князья, Александръ и Константинъ, обычно блистающіе у бабушки въ роскошныхъ кафтанахъ съ кружевами.

Но оба они держались здѣсь такъ неловко, принужденно, что становилось неприятно за нихъ. Даже сорванецъ Константинъ едва рѣшался поднимать глаза на отца и отвѣчалъ по военному артикулу: кратко и отрывисто.

Только присутствіе очаровательной княжны Александры Павловны и живой болтушки, княжны Елены Павловны, сгласило эти часы долгаго, вынужденнаго визита.

Даже громкій вздохъ облегченія вырвался у юноши-короля, когда опустился за его коляской шлагбаумъ гатчинскаго шоссе, когда темный печальный дворець остался со-всѣмъ позади.

— Какъ-будто вамъ не совсѣмъ здѣсь понравилось, мой другъ?—осторожно задалъ вопросъ регентъ, чуть щура свои хитрые, вѣчно смѣющіяся косые глаза.

— А вамъ такъ понравилось, что вы, пожалуй, не прочь и еще побывать въ этомъ веселомъ уголкѣ у веселыхъ хозяевъ?—задалъ встрѣчный вопросъ король.

— Хочешь-не хочешь, а придется еще посѣтить и лѣтнюю резиденцію этого строгаго папаши, Павловскъ. Мы же общались... И на этотъ разъ съ нимъ будетъ все покончено... А, вотъ, на будущее время, если?

— Что, если? Какъ не люблю я эти ваши полуслова,

дядя... Гогорите прямо. Только раздражаете меня изъ-за каждого пустака...

— А вы, мой другъ, не раздражайтесь по пустякамъ. Это вредно и молодымъ, и старымъ... Особенно короли должны помнить объ этомъ... Сколько пустяковъ имъ придется обходить всегда... Ужъ не говоря о серьезныхъ препятствіяхъ... Ну, ну, я сейчасъ скажу, о чемъ началъ передъ этимъ... Узелъ, очевидно, завязывается крѣпче, чѣмъ мы ожидали сначала... Вамъ не надо напоминать: какъ пришлось пуститься въ далекій путь?.. Мнѣ, какъ регенту, выборъ предстоялъ не изъ легкихъ; или ѣхать сватать для васъ принцессу, или война... Хотя русскіе теперь не очень сильны, но и мы совѣмъ не готовы къ войнѣ... Надо было выиграть время... надо было...

— Знаю прекрасно, что было надо... и мы здѣсь...

— Вотъ, вотъ... Время выиграно. Та же императрица, которая не величала меня иначе, какъ „разбойникомъ съ большой дороги“, теперь сажаетъ рядомъ съ собой и угощаетъ самыми изысканными комплиментами, представляетъ самыхъ красивыхъ дамъ своего двора и не мѣшаетъ мнѣ ухаживать за ними... А вамъ приготовила очаровательнѣйшій бутонъ, который, какъ видно, понравился и племянничку моему?.. А?..

— Дальше, дальше...

— Вотъ, кстати, есть свободное время, обсудимъ, что можно выиграть, что можно потерять. Прежде всего—суровый папаша. Вы успѣли очаровать его, милый племянничекъ, какъ и всѣхъ здѣсь... Если онъ воцарится, не худо имѣть преданнаго союзника и тестя въ лицѣ русскаго императора... Если же, какъ здѣсь сильно говорятъ, завѣщаніе сдѣлано на имя Александра... Это совѣмъ пріятный молодой человекъ и, какъ видно, любитъ свою сестру... Значить, шагъ будетъ сдѣланъ не напрасно... Сватовство, на-

чатое чуть ли не подъ жерломъ русскимъ пушекъ, прине-
сетъ много выгоды той же нашей родинѣ, которую мы оба
очень любилъ, мой другъ... Я это знаю... И „лилицутская
страна“, какъ называютъ ее фаворить...

— Этотъ наглець смѣетъ?..

— Да, мнѣ говорили... Но и онъ пока намъ нуженъ...
и работаетъ за насъ, конечно, ради собственныхъ выгодъ...
А пока жива императрица...

— Какъ вы думаете, дядя, долго она проживетъ?..

— Сейчасъ сказать трудно... Штетингъ говоритъ, что
ее узнать нельзя со времени нашего прѣзда: она окрѣпла,
помолодѣла даже... А то все хворала... Но перейдемъ и
къ браку. Самый главный вопросъ о вѣрѣ, въ какой должна
быть будущая королева Швеціи?

— Конечно, въ вѣрѣ отцовъ моихъ...

— Вотъ, это главный вопросъ... Императрица, пожалуй,
сама не придала бы значенія тому, что внучка ея переста-
нетъ креститься по гречески... Но... я знаю навѣрное, что
почтенный родитель, вмѣстѣ съ попами и простой народъ
возстанутъ противъ этого.. А императрица никогда еще въ
жизни не дѣлала того, что могутъ осудить всѣ, особенно
въ дѣлахъ политическихъ... гдѣ не касается ея сердечныхъ
интересовъ... И потому...

— Значить, нечего и думать объ этомъ бракѣ... Такъ
ей объявите, и будемъ собираться домой.

— А за нами явится русскій флотъ и вся армія?..
Разумна ли такая поспѣшность?.. Попробуемъ еще, поборемся,
поищемъ выхода... Тѣмъ болѣе, что у насъ публика не
такъ ужъ строго будетъ справляться, какой катехизисъ
исповѣдуетъ молодая королева... если внѣшнимъ образомъ
она будетъ чтить обряды нашей святой церкви.

— Такъ вы полагаете?..

— Мы еще поторгумся... Но, въ случаѣ крайности,

пусть вѣрять по-гречески про-себя... А для публики, особенно у насъ, мы обойдемъ молчаніемъ щекотливый вопросъ...

— Понимаю, понимаю... Но, скажите, вѣдь мы сюда явились безъ прямыхъ обязательствъ—сдѣлать предложеніе... Неужели мой отказъ неизбѣжно вызоветъ войну?.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ: какъ выйдетъ дѣло? Тутъ я еще веду кое-какіе переговоры съ лондонскимъ дворомъ... И если оттуда обѣщаютъ сильную поддержку, мы тверже начнемъ разговаривать съ нашими любезными хозяевами... А пока...

— Угу... хорошо... поглядимъ. Дѣвушка мнѣ нравится... Но что-то странное творится кругомъ... Этотъ роскошный дворецъ, гдѣ военные, генералы и полковники щеголяютъ въ бархатѣ и атласѣ, гдѣ фаворитъ управляетъ государствомъ... все это сверкаетъ только на видъ... И тутъ же рядомъ дворецъ наслѣдника, бѣдный, печальный, напоминающій простыя казармы моей столицы... Почему это такъ? Можно ли довѣрять свою судьбу этой старой императрицѣ, которую зовутъ Великой, но больше за предѣлами царства, чѣмъ дома, въ народѣ?.. Мнѣ сдается, что какой-то шумный, широкій, сверкающій, но не глубокій потокъ катится передъ моими глазами... А на-перерѣзъ этому блестящему водопаду протянулась холодная, темная струйка мертвой воды изъ Гатчинскаго дворца... И они мѣшаютъ одинъ другому... И неизвѣстно, который побѣдитъ...

— Нѣтъ, можно и теперь уже сказать, что будетъ послѣ смерти императрицы... Если вашъ „тестъ“ успѣетъ взойти на тронъ, то первый, веселый, шумный потокъ, какъ въ землю, уйдетъ, его не станетъ... И разольется холодная, мутная струя военной дисциплины... бережливости, слѣпago деспотизма... Какъ держитъ онъ въ страхѣ этихъ большихъ сыновей еще при жизни бабушки, такъ будетъ держать въ

страхъ все царство... Но вамъ, мой другъ, повторяю, бояться нечего. Въ союзѣ съ Германіей вы сможете осуществить втроемъ много большихъ плановъ, о которыхъ теперь мечтаетъ ваша юная голова, желая затмить даже Карла XII... Хе-хе-хе... Думаете, никто не знаетъ вашихъ маленькихъ секретовъ, большой честолюбецъ 17 лѣтъ!.. Ничего, ничего... Все придетъ въ свою пору... А пока будемъ благоразумны... Сегодня у меня назначено свиданіе съ Морковымъ, именно по вопросу объ исповѣданіи принцессы... Я сообщу вамъ о нашихъ переговорахъ. А вы веселитесь... Чаруйте мужчинъ и женщинъ... старыхъ и молодыхъ, какъ настоящій герой... Хе-хе-хе... Въ обманъ все-таки мы себя не дадимъ!..

Петербургъ веселился безъ перерыва.

Король и регентъ участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, затѣянныхъ, главнымъ образомъ, въ честь желанныхъ гостей, и обычно въ числѣ послѣднихъ уходили на покой.

А утромъ въ 7 часовъ, вмѣстѣ съ регентомъ, въ сопровожденіи одного слуги, немного знающаго по-русски, они совершали продолжительныя прогулки, знакомились со всею столицей не только съ лицевой ея стороною, но и съ народной тяжелой жизнью, приглядывались къ порядкамъ, къ обычаямъ, часто заглядывали къ купцамъ, шведамъ и нѣмцамъ, давно здѣсь живущимъ, и толковали подолгу, узнавая много такого, чего, конечно, не услышали бы въ стѣнахъ дворцовъ Екатерины.

Они узнали, что простой народъ изнывалъ отъ налоговъ, глухо волновался и жаловался на истощеніе, вызванное частыми усиленными наборами... Всѣ осуждали расточительную пышность двора, слабость Екатерины къ фавориту, особенно предосудительную въ ея преклонные годы... Смѣялись надъ „полковниками“, которые зимою щеголяли въ шубахъ и съ муфтами, по примѣру изнѣженныхъ мушкете-

ровъ французскаго двора... Затѣянная ради персидскаго похода перечеканка мѣдной монеты служила поводомъ для новыхъ недовольствъ. Бумажныя деньги пали на половину въ цѣнѣ. Сахаръ и другіе продукты удорожились тоже почти-что вдвое: пудъ сахару раньше стоилъ 23 рубля, теперь за него платили 40. Даже въ зажиточныхъ классахъ слышалось недовольство существующими порядками...

Все это принимали къ свѣдѣнію племянникъ и дядя.

Такъ прошло около 10 дней.

На 24 августа назначенъ былъ вечеръ у шведскаго посланника Штедингга.

Конечно, хозяиномъ на этомъ праздникѣ являлся юный король, какъ бы желавшій принять и чествовать у себя императрицу, ея семью, всѣхъ вельможъ и иностранныхъ резидентовъ, которые такъ радушно и тепло встрѣтили его на берегахъ холодной Невы.

Понятно, въ высокихъ, большихъ покояхъ шведскаго посла нельзя было встрѣтить такой роскоши, блеска позолоты и рѣдкой, дорогой обстановки, какими отличались дворцы Екатерины, палаты ея министровъ и богачей-вельможъ. Но строгое, выдержанное убранство, въ темныхъ тонахъ, отмѣченное вкусомъ и полное удобствъ, придавало жилищу, занятому теперь королемъ и регентомъ, какой-то особый, благородный характеръ, чуждый крикливой, показной роскоши, ласкающей и тревожной въ одно и то же время.

Буфеты и столы не гнулись подъ тяжестью золотыхъ и серебряныхъ сервизовъ, но питья и ѣды было приготовлено въ изобиліи. Угощеніе было устроено въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы безъ суеты и давки каждый могъ подойти и получить, чего желалъ.

У подъѣзда, почти до середины улицы былъ устроенъ красивый наметъ, въ родѣ шатра, приподнятыя стѣны ко-

того давали возможность въѣзжать свободно коляскамъ, каретамъ, придворнымъ экипажамъ, запряженнымъ восьмеркой лошадей.

Гайдуки, скороходы, лакеи стояли внизу и по лѣстницѣ, установленной пальмами и лавровыми деревьями, на этотъ вечеръ присланными изъ великолѣпныхъ оранжерей Таврическаго дворца.

Слуги съ курительницами уже обходили покой, готовые къ приему гостей.

Важный, осанистый мажордомъ-шведъ уже раза два подходилъ къ дверямъ кабинета, за которыми слышались громкіе, возбужденные голоса, и не рѣшался постучать. Съ минуты на минуту къ подъѣзду могли подкатить первые экипажи и некому было бы даже встрѣтить почетныхъ гостей.

Кабинетъ, съ опущенными занавѣсями и портьерами, былъ освѣщенъ такъ же ярко, какъ остальные комнаты. Старинные фамилные портреты, висящіе по стѣнамъ, потемнѣлые отъ времени, озаренные необычно яркимъ свѣтомъ, словно выступали изъ тяжелыхъ, рѣзныхъ рамъ. Шкапы съ книгами, столы, заваленные большими томами, фоліантами, тонкими брошюрами, сложенными стопочками, чертежами и планами, придавали комнатѣ дѣловой видъ.

Въ тяжеломъ рѣзномъ креслѣ, у письменнаго стола сидѣлъ регентъ, почти утопая всей своей незначительной фигуркой въ глубинѣ дѣдовскаго кресла. Голова его, откинута на спинку, оставалась въ тѣни, бросаемой рядомъ стоящей этажеркой для дѣловыхъ папокъ съ бумагами,

Особенно озарено было свѣтомъ его выпуклое брюшко, прикрытое параднымъ камзоломъ. Онъ теперь напоминалъ спрута, ушедшаго во мглу, выжидающаго жертвъ.

По бокамъ стола темнѣло еще два высокихъ тяжелыхъ кресла.

Сидя на ручкѣ одного изъ нихъ, озаренный свѣтомъ люстры, висящей среди потолка, Густавъ въ своемъ обычномъ, траурномъ и красивомъ нарядѣ, весь обрисовался на темно-вишневомъ фонѣ тисненой кожи, которою обита была мебель. А лицо его, сейчасъ напряженное и блѣдное, рѣзкимъ свѣтлымъ пятномъ бросалось въ глаза въ рамкѣ мягкихъ, ниспадающихъ на плечи, кудрей.

Глаза короля, потемнѣлые отъ напряженной мысли, глядѣли въ одну точку. Губы были плотно сжаты. Рука нервно потрогивала кольца золотой орденой цѣпи, скользящей легкимъ извивомъ отъ шеи вдоль груди и обратно. Мелодичное, легкое позвякиванье какъ-будто успокоительно вляло на короля и онъ прислушивался къ нему, пока говорили другіе, слушалъ и во время своихъ рѣчей. Только тогда, словно въ тактъ, рѣзче, отрывистѣе звучали золотыя звенья, задѣваемые тонкими нервными пальцами юношамечтателя, одареннаго, въ то же время, расчетливымъ умомъ стараго дѣльца.

На другомъ концѣ стола, передъ вторымъ кресломъ, стоитъ хозяинъ дома, Штедингъ.

Съ почтительнымъ, но полнымъ достоинства, видомъ дѣлаетъ онъ свой докладъ, стараясь, чтобы его обращеніе относилось къ обѣимъ высокимъ особамъ: королю и регенту, для чего и поворачиваетъ слегка голову то къ одному, то къ другому. Но, главнымъ образомъ, хочется убѣдить ему юношу. Штедингу давно извѣстно, что только «золотые силлогизмы» лучше всего убѣждаютъ стараго интригана. Подозрѣваетъ посоль, что и сейчасъ старикъ играетъ двойную роль. Не напрасно англійскій посланникъ, лордъ Уайтвортъ, такъ часто и подолгу имѣлъ совѣщанія съ регентомъ наединѣ... Но главное значеніе, конечно, имѣютъ рѣшенія самого Густава. А червонцы русской императрицы, съ которыми хорошо знакомъ Штедингъ и два его стар-

шихъ совѣтника, сидящихъ тутъ же, допущенныхъ въ это совѣщаніе,—эти червонцы вѣсятъ не меньше, чѣмъ ливры и стерлинги британскаго короля...

— Конечно, ваше величество... ваше высочество... въ душу людей, въ глубины ея можетъ проникнуть Единный Господь. Но за вѣрное могу сказать: императрица искренно желала бы пойти на всякія уступки, какихъ вы пожелаете, если это въ ея власти... Даже въ вопросѣ о вѣрѣ будущей королевы нашей... Вчера еще призывала она главнаго митрополита и, послѣ разныхъ объясненій, прямо поставила вопросъ: „Можетъ ли внучка моя изъ греческой вѣры перейти въ иное христіанское исповѣданіе безъ потрясеній особенныхъ?..“ Хитрый попъ не далъ прямого отвѣта. Онъ, подумавъ, одно только сказалъ: „Ваше величество, вы— всемогущи! Ваша воля, ваша и власть, данная отъ Господа. Я—рабъ смиренный, исполню, какъ приказать изволите“... Императрица поняла хитрую уловку. Попы всѣ противъ. Народъ и подавно. Значить, думаютъ свалить на государственню послѣдствія. А этого не допускаетъ государственная мудрость. Вотъ отчего нельзя исполнить законнаго и естественнаго желанія вашего величества: видѣть жену едино-вѣрной себѣ... И нисколько не играютъ тутъ роли каіе-либо постороннія соображенія, политическія и личныя, какъ можетъ-быть, кто-либо докладывалъ вашему величеству...

— Нѣтъ, мнѣ никто... Я самъ думалъ, что гордая Екатерина и всѣ эти грубые, самонадѣянныя люди, окружающіе ее, рѣшили за меня... Хотятъ предписывать законы мнѣ и моей странѣ, „лилипутскому царству“ какъ зовутъ ее совѣтники императрицы... Но у насъ есть острые мечи и они еще въ сильныхъ рукахъ, благодареніе Богу... Однако, если вы говорите... ручаетесь...

Густавъ вопросительно посмотрѣлъ на регента, хранящаго загадочное молчаніе. Тотъ заговорилъ:

— Я тоже слышалъ о разговорѣ съ митрополитомъ... Что касается фанатизма русскихъ въ своей вѣрѣ, это старая вещь... И если случалось русскимъ принцессамъ вступать въ бракъ съ западными государствами... Какъ Аннѣ Ярославнѣ съ французскимъ королемъ, какъ дочери князя московскаго, выданной за польскаго короля,—онѣ оставались въ греческой вѣрѣ, имѣли даже своихъ поповъ, эти иконы... Молились по-своему... Только не очень на показъ... Это еще можно бы какъ-нибудь устроить... Но вы, Штедингъ, не сказали еще одного, не менѣ важнаго... А по политическимъ условіямъ, пожалуй, болѣе значительнаго, чѣмъ вопросъ о вѣрѣ...

— Что? Что такое, Штедингъ?

— Вотъ, именно, объ этомъ я и хотѣлъ сейчасъ, ваше величество... ваше высочество... Рѣчь идетъ, конечно, о секретномъ пунктѣ, о помощи, которую мы должны дать русскому двору противъ Франціи, въ случаѣ, если Австрія съ Россіей...

— Противъ Франціи? Никогда. Мы же подписали тайный договоръ... Даже часть субсидіи поступила въ нашу казну... Да развѣ мы можемъ?!..

— Успокойтесь, ваше величество, — заговорилъ мягко регентъ: — конечно, объ этомъ пунктѣ и толковать нельзя. Но мнѣ думается, что онъ намъ предъявленъ съ особой цѣлью. Именно, здѣшнему двору хочется вывѣдать основанія тайнаго договора Швеціи съ Франціей и потому...

— Въ самомъ дѣлѣ... Это усложняетъ вопросъ... Какъ же быть?

— Позвольте мнѣ сказать, ваше величество, — торопливо заговорилъ Штедингъ, желая предупредить регента.

— Пожалуйста. Я слушаю.

— Конечно, пунктъ не пріемлемъ. Но мнѣ сдается... Прошу прощенія у вашего высочества, смѣю думать: здѣсь

не хитрость, не желаніе только вывѣдать наши отношенія къ Франціи. Императрицѣ желательно напередъ обезпечить себя и свою политику съ разныхъ сторонъ... Но я взялъ на себя смѣлость уже послѣ общей бесѣды нашей съ Морковымъ и Зубовымъ въ присутствіи его высочества, регента, я рѣшился еще поговорить на этотъ счетъ... Безбородко видѣлъ государыню... говорилъ ей... Думаю, на этомъ секретномъ пунктѣ особенно настаивать не будутъ...

— А вмѣсто него потребуютъ иныхъ уступокъ, какъ полагаете, Штедингъ?

— Не знаю, ваше высочество, отгадчикъ я плохой,— сдерживая свое раздраженіе, отвѣтилъ посоль.

— Что же, тогда, значить, надо подождать, какъ дѣло дальше пойдетъ? Или прямо имъ отрѣзать, чтобы скорѣе все привести къ концу? Какъ думаете, герцогъ? А вы, господа? Скажите ваше мнѣніе. Вы слышали все.

— Слышали, ваше величество. Мнѣніе наше извѣстно и герцогу, и графу... Союзъ, предлагаемый вамъ, послужить на благо и величіе Швеціи. Такъ что ради этого можно пойти и на пѣкоторыя уступки... А, затѣмъ, воля вашего величества.

— Мое мнѣніе такое же,—отозвался и второй совѣтникъ, отдавая поклонъ регенту и королю.

— Я тоже полагаю, что на извѣстнаго рода уступки можно пойти, изъ уваженія къ религіозному фанатизму, къ предрасудкамъ русскаго народа... Можно не требовать отъ княжны явнаго, прямого отреченія отъ греческой вѣры...

— Въ этомъ вопросѣ, какъ я вижу, между нами царить полное единодушіе... кромѣ васъ, дядя?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я тоже за союзъ... только при соблюденіи извѣстныхъ условій. Мнѣ думается, входя въ родство съ императрицей, надо не забывать и остальныхъ госуда-

рей, вліяніе которыхъ можетъ быть полезно или вредно нашей родинѣ...

— Ахъ, — быстро подхватилъ Штедингъ, довольный, что подвернулся случай поддѣть стараго хитреца, — ваше высочество, навѣрное желаете сообщить что-нибудь о томъ, что нѣсколько разъ и подолгу обсуждалъ съ вами лордъ Вайтвортъ? Конечно, мнѣніе британской короны для насъ важно...

Густавъ вопросительно посмотрѣлъ на регента и даже открытое изумленіе выразилось на его лицѣ.

— Переговоры съ Вайтвортомъ... Но, ваше высочество...

— Раньше нечего было сообщить, мой другъ, — сладко отозвался регентъ, при словахъ Штединга даже привскочившій съ мѣста и сѣвшій теперь прямо, при чемъ руки его съ досадливымъ жестомъ сжали головы рѣзныхъ львовъ, которыми заканчивались ручки стариннаго кресла.

— Но, Штедингъ, если не ошибаюсь, — тамъ уже подъѣзжаютъ экипажи... Кто будетъ встрѣчать гостей? Идите. Мы обсудили главное... Остальное еще впереди... Мы выйдемъ позже, когда придется встрѣчать высокихъ гостей. Не такъ ли, ваше величество?

— Конечно, конечно, идите, Штедингъ, — согласился Густавъ, сразу сообразивъ, что дядя желаетъ наединѣ передать ему, о чемъ шли переговоры съ лордомъ Вайтвортомъ.

Почтительно отелаявшись, вышелъ Штедингъ изъ кабинета. Оба совѣтника послѣдовали за нимъ.

Предупреждая вопросы племянника, регентъ съ наигранной, веселой откровенностью заговорилъ:

— Вотъ теперь потолкуемъ и объ англичанинѣ. Это, пожалуй, будетъ не такъ красиво выглядывать, какъ рус-

ская молоденькая принцесса съ ея брилліантами, но довольно интересно. Видѣлись мы, собственно, вѣскольکو разъ по все нащупывали другъ друга... И только два послѣднихъ свиданія толковали на прямоту...

Пока тотъ говорилъ, Густавъ своимъ упорнымъ, тяжелымъ взоромъ старался поймать взглядъ дяди. Но косоглазіе выручало стараго хитреца и онъ хотя уставился лицомъ въ лицо юношѣ, однако глаза его смотрѣли совсѣмъ въ иную сторону. Тогда Густавъ машинально, словно самъ не замѣчая, придвинулся вправо, влево, и успѣлъ уловить бѣгающій, невѣрный взглядъ дяди, на одинъ мигъ только, правда. Но ужъ выводъ былъ сдѣланъ. Густавъ успѣлъ изучить лицо регента. Совершенно также онъ смотрѣлъ и говорилъ, когда ему бросили въ лицо обвиненіе, что герцогъ скрылъ и уничтожилъ завѣщаніе покойнаго короля, въ которомъ, кромѣ самого герцога, назначены были регентами-соправителями еще графы Армфельдъ и Таубе.

— Будеть лгать. Что-то скрываетъ, въ чемъ-то плуруетъ! — подумалъ Густавъ. Но лицо его не измѣнилось. Спокойно и холодно онъ слушалъ торопливую, увертливую рѣчь дяди.

— Такъ, вотъ, на убѣжденія лорда я возразилъ, показалъ, какъ предстоящій союзъ выгоденъ для Швеціи... Наконецъ, сказалъ и о томъ, что онъ самъ знаетъ: выбора нѣтъ. Или свадьба, или война... „Сватовство!“ поправилъ меня лордъ; и пояснилъ, что между сватовствомъ и свадьбой проходитъ не мало времени, случается много такого, чего не ожидаетъ никто. Подробнѣе пояснить этой мысли онъ не пожелалъ. Мы, полсжимъ, и сами понимаемъ, другъ мой, что случиться можетъ многое... Но я задалъ еще вопросъ: что за выгода намъ выжидать? Что выиграемъ мы этимъ? — „Союзъ съ Англіей и на очень хорошихъ условіяхъ!“ прямо

отрѣзаль лордъ. Я пожалъ плечами. И только отвѣтилъ: „Интересно, на какихъ?..“ И тутъ же, чтобы эти условія были, какъ можно выгоднѣе, чтобы показать, какъ дѣло зашло далеко, какъ трудно его переиначить, съ сожалѣніемъ добавилъ: „А, знаете, лордъ, дѣло обстоитъ тѣмъ хуже для васъ, что мой король влюбился въ эту глупую малютку, съ ея невиннымъ личикомъ, большими глазами и худенькими ручками...“ Онъ только посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Мой курьеръ посланъ давно... На дняхъ жду отвѣта отъ министра, а, можетъ-быть, и собственноручное письмо короля. Тогда еще потолкуемъ...“ Вотъ о чемъ много разъ и подолгу толковали мы съ лордомъ Вайтвортомъ... Довольны, мой другъ?

Теперь уже, наоборотъ, косящіе глазки дяди искали взора юноши. А тотъ, потупясь, словно глубоко задумался о чемъ-то. И, вдругъ, по лицу его пробѣжала насмѣшливая, даже глумливая улыбка. Вызывающе поднявъ голову, онъ возбужденно проговорилъ:

— Вы просто отгадчикъ, дядя. Дѣло, дѣйствительно, можетъ принять неожиданный оборотъ... Вѣдь я, и взаправду, какъ бы это?.. Ну, мнѣ сильно нравится малютка. И можно, пожалуй, кой-чѣмъ поступиться ради ея худенькихъ ручекъ и большихъ глазъ... Что скажете, герцогъ?

Мгновенно что-то странное произошло съ герцогомъ Зюдерманландскимъ.

Онъ сразу выпрямился, раскрылъ ротъ, какъ, должно быть, вытягивается и раскрываетъ ядовитую пасть змѣя, которой больно прищемлять хвостъ. Лицо перекосилось гнѣвомъ, глазки загорѣлись зеленымъ огонькомъ, но моментально все исчезло, потухло.

Сдержанный, хитрый дипломатъ сумѣлъ удержать крикъ возмущенія, злую насмѣшку, готовую сорваться съ его

языка. Онъ сразу вспомнилъ болѣзненное, дикое упорство, какимъ отличался Густавъ. Неосторожное слово могло подстрекнуть юношу на самые неожиданные и серьезные шаги.

И мѣняя выраженіе лица съ быстротой калейдоскопа, герцогъ соорилъ самую добродушную гримасу, раскатился дробнымъ дѣланнымъ, гортаннымъ хихиканьемъ:

— Хи-хи-хи-хи!. Готово! Вотъ что значить 17 лѣтъ и жаркая осень!.. Король влюбленъ. Ну, слава Господу, мой холодный, разсудительный племянникъ хоть въ чемъ-нибудь проявилъ человѣческую слабость, пересталъ быть „королемъ, Божіей милостью“, тѣнью дѣда Карла XII-го на землѣ... Мнѣ, право, лучше нравится видѣть васъ человекомъ, такимъ же, какъ и всѣ...

— Да?.. Очень радъ! — озадаченный неожиданнымъ смѣхомъ и выраженіемъ такого удовольствія, пробормоталъ Густавъ:—только плохо понимаю причину вашего веселья.

— Да, какъ же! Король и регентъ Швеціи отправились въ путь, чтобы заключить на выгодныхъ условіяхъ приличный союзъ, или отказаться отъ него, если того потребуетъ государственный разумъ. А въ дѣло вмѣшался малютка-Амурь... И этотъ каналья важное историческое представленіе собирается превратить въ веселую свадебную комедію...

— Да, это же очень мило... И я такъ радъ, что сердце въ моемъ племянникѣ такъ же громко заявляетъ о своихъ человѣческихъ правахъ, какъ и его корона—о правахъ народа и трона.

Густавъ чуялъ иронию въ словахъ дяди. Но она была такъ хорошо укрыта и оборотомъ фразъ, и добродушно-веселымъ тономъ, что придраться не было къ чему.

— И я доволенъ, если вы рады. Значить, пока—дѣло ясно. И мы можемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Еще два слова... Или, вѣрнѣе, одна просьба... И одно маленькое предостереженіе. Ваше полное согласіе на бракъ, когда бы вы его ни объявили, слишкомъ порадуетъ нашихъ добрыхъ хозяевъ. Поэтому, прошу васъ, не сразу говорите рѣшительное „да“, какъ я же просилъ васъ не сразу говорить — „нѣтъ!..“ Ухаживайте на доброе здоровье за малюткой, если она, въ самомъ дѣлѣ, вамъ нравится... Правда, приласкать свѣженькую, невинную принцессу крови?.. Это не каждый день приходится даже вамъ, королямъ!.. Это—не графиня Бьелке, или Армфельдъ съ ея красными щеками и сумасшедшимъ смѣхомъ, въ самую неподходящую минуту... Не краснѣйте, мой другъ! Молодость имѣетъ свои права, и укорять васъ маленькими похужденіями съ нашими дамами,—я вовсе не намѣренъ. А, затѣмъ, вѣрьте моей опытности, самое сладкое въ бракѣ—это поцѣлуй невѣсты! Они никогда не отягощаютъ, какъ слишкомъ едобные поцѣлуй жены... Поэтому — не укорачивайте сами для себя сладкихъ часовъ „женеховства“...

— Вы сегодня неподражаемы, дядя, въ своихъ заботахъ и попеченіяхъ о моемъ благѣ!

— О, неблагодарный... Нѣтъ, — влюбленный! Этимъ будетъ все сказано. Теперь — предостереженіе... Надо вамъ знать, что лордъ Вайтвортъ тоже большой цѣнитель женской красоты. Но — въ другомъ духѣ. Ему нравятся полненькія, пухленькія, темнокудряя, веселыя... вотъ, вродѣ...

— Гофмейстерины Жеребцовой, сестры фаворита?

— Угу? Вамъ уже доложили? Должно быть, всевѣдующій здѣсь Штедингъ? Такъ точно. Братъ любить сестру и ничего почти отъ нея не скрываетъ, особенно, если той

хочется что-либо узнать... Сестра — любить лорда... Такъ можно думать... И его золото, — въ этомъ и сомнѣваться нельзя... И если хочется что-нибудь лорду узнать отъ сестры, то...

— Онъ это знаетъ? Я тоже допускаю... Что же онъ узналъ? И это касается насъ?.. Меня?..

— Насъ, вообще, и вашего величества — особенно. Это вѣрно. Когда зашелъ разговоръ между государыней и фаворитомъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которымъ связано настоящее сватовство, — фаворитъ заявилъ: „тамъ, чтобы ни говорилось на словахъ... Но подвести бы лишь мальчика“... Простите, ваше величество, я передаю точно чужія слова...—Подвести бы его къ подписанію договора, да къ обрученію... Какъ будутъ ждать его къ дѣлу, придетъ послѣдній часъ,—и можно дать къ подпису все, что слѣдуетъ. Тогда духу не хватитъ у мальчика... назадъ попятиться... Такъ въ переговорахъ, моль, можно быть и поуступчивѣй!“ Такъ онъ сказалъ, мой другъ...

— А... что же... что отвѣчала она?—едва переводя духъ отъ нахлынушаго негодованія, спросилъ Густавъ.

— Помолчала, покачала головой и сказала: „Можетъ, ты и правъ. Посмотримъ, какъ дѣло будетъ“?..

— Да? Она ему не сказала, что онъ — бездѣльникъ? Ну, хорошо. „Посмотримъ, какъ дѣло будетъ“, милый дядя. Идемте встрѣчать дорогихъ гостей

— Простите, одинъ вопросъ... Если рѣчь пойдетъ о дѣлѣ? А нынче здѣсь будетъ и государыня, и всѣ ея совѣтники, съ Зубовымъ во главѣ... Какъ желаете вы отвѣтить, мой другъ,—мягко, вкрадчиво спросилъ регентъ:—Мнѣ это надо знать лишь для того, чтобы и самому не поступать въ разрѣзъ съ вашей волей и рѣшеніемъ...

— Понимаю, понимаю. Вамъ не зачѣмъ извинять своего вопроса, милый дядя, — съ обычнымъ спокойнымъ, без-

страстнымъ видомъ заговорилъ овладѣвшій собою король:— я отвѣчу правду. Да, да. Повторю то, что сказалъ четверть часа назадъ: на нѣкоторыя уступки ради суетвѣрія здѣшняго народа, — я согласенъ... И—больше ничего. А тамъ—ваше будетъ дѣло выяснять, какъ далеко можно зайти въ этихъ „уступкахъ“. Словомъ, я только скажу, что удалилъ всѣ сомнѣнія, возникшія у меня по вопросу о религіи. Ясно?

— Превосходно, Густавъ. Лучшаго отвѣта придумать нельзя... ужъ, хотя бы потому, что онъ будетъ звучать правдой. А правда—невольнo подкупаетъ людей...

— Которыхъ нельзя подкупить червонцами? О, вы мудрый политикъ, герцогъ. Я люблю учиться у васъ государственной мудрости и надѣюсь заслужить ваше одобреніе...

— Впередъ даю его, мой король... Проходите... Хотите, чтобы я раньше? Извольте. Правда, тутъ уже люди въ сосѣдней комнатѣ... Слышите: движеніе, голоса... Идемъ!

подавляя самодовольную улыбку, регентъ понюхалъ табаку и двинулся къ дверямъ.

* * *

Въ то самое время, когда король со своими совѣтниками обсуждалъ вопросъ о томъ, какъ ему дальше поступать, — императрица въ своей спальной убирала бриллиантами прическу и туалетъ внучки, которую вмѣстѣ съ матерью собралась повезти на балъ къ предполагаемому жениху.

Марія Феодоровна была тутъ же и своимъ добрымъ, тягучимъ голосомъ сообщала императрицѣ новости гатчинской жизни, говорила о Павлѣ, который по нездоровью самъ не можетъ выѣзжать на балы, о дочеряхъ...

Императрица слушала, покачивала головой, но мысли ея были далеко, а глаза даже съ нѣкоторой тревогой обращались къ личику княжны, сильно измѣнившемуся за послѣдніе дни.

Фигурою княжна напоминала мать, только въ болѣе законченномъ, изящномъ видѣ. Несмотря на молодые годы, ея высокая, прелестно-сформированная грудь была почти развита. Плечи и руки, обнаженныя бальнымъ платьемъ, отличались красотой линій, какъ и тонкая шейка. Личико, свѣжее, здоровое, всегда поражающее своею бѣлизною и румянцемъ,—сейчасъ носило какое-то особое выраженіе.

Съ него не исчезнулъ оттѣнокъ дѣтской наивности и чистоты, каковымъ оно отличалось и плѣняло окружающихъ всегда. Но теперь, вокругъ большихъ, довѣрчиво-глядящихъ глазъ легли какія-то легкія тѣни, словно синева усталости. Однако, горѣли теперь ея глаза много ярче, чѣмъ до сихъ поръ. И блескъ ихъ былъ особенный. Ни оживленіе, ни предвкушеніе радости загоралось въ нихъ. А словно они видѣли вдалекѣ нѣчто незримое другимъ, непонятное и самой княжнѣ... Что-то большое, грозное... пугающее даже, но въ то же время манящее, какъ влечетъ душу тьма пропасти, чернѣющая у самыхъ ногъ...

И робкая покорность, безропотная готовность встрѣтить и перенести это „неотразимое“ — свѣтилась въ глазахъ, въ новой, необычной для дѣвушки улыбкѣ, какою время отъ времени озарялось ея лицо, трогая однѣ розовыя, нѣжныя губы, когда глаза оставались задумчивыми и серьезными.

Такою, должно быть, рисовалась Мадонна послѣ Благовѣщенія глазамъ Джіотто и другихъ старыхъ вдохновенныхъ мастеровъ, судя по ихъ созданіямъ...

Несказанная радость, неизбѣжная мука!—такъ на чело-

въѣческомъ языкѣ можно было-бы выразить то, что смутно рѣяло въ душѣ дѣвушки, маня и пугая ее радужнымъ, переливчатымъ миражемъ первой, дѣвичьей любви...

Покорно поворачивалась княжна по мановенію бабушки, нагибала голову, давала свои нѣжныя гибкія руки украшать золотыми змѣями браслетовъ, горящихъ огнями дорогихъ камней... А сама глядѣла передъ собой и думала.

— *Chère Alexandrine*, о чемъ это ты замечталась такъ? — вдругъ внушительно, почти рѣзко обратилась къ ней мать: — бабушка тебѣ говорить, а ты и не отвѣчаешь...

— Простите, бабуся... виновата... Я, право... я..., — вся розовѣя, залепетала княжна: — папа тамъ боленъ, одинъ... Я думала...

— Э, матушка, поди, болѣзнь неопасна. Вчера — дѣлалъ свой парадъ. Завтра — опять станетъ дѣлать... Баль, вонъ, у васъ черезъ три дня назначенъ. И не отмѣняетъ онъ его.

— Просто, знаю я, не любить онъ изъ своей Гатчины выѣзжать. Оно и лучше. Мы тутъ безъ него повеселимся на свободѣ, не правда-ли, милочка моя? Я говорила, что ты совсѣмъ у меня расцвѣла... И какъ скоро... Вотъ, что значить...

Екатерина не договорила, видя, что внучка вспыхнула до самаго корня своихъ густыхъ красивыхъ волосъ, пышно убранныхъ теперь и увѣчаныхъ легкой діадемой изъ крупныхъ брилліантовъ.

— Ну, ну, молчу. Не хочу тебя смущать, Вонъ и строгая наша Шарлота Карловна поглядывала на меня съ укоризной. Зачѣмъ толкую, молъ, дѣвочкѣ о томъ, чего не надо...

Екатерина кивнула въ сторону воспитательницы кня-

женъ, генеральши Ливенъ, которая съ нѣмыми протестомъ, только воздѣла кверху свои мягкія, бѣлыя руки.

— Ну, подымайся съ колѣнъ. Все готово. И мнѣ помоги встать. О-о-охъ, засидѣлась... Посмотрю на тебя издали, какъ выглядишь въ уборѣ, милочка...

Быстро поднялась княжна, отодвинула скамеечку, на которую опиралась колѣнами, взяла подъ руку императрицу, которая другой рукой тяжело оперлась на свою трость и твердое упругое дерево сильно изогнулось подъ давленіемъ этой руки.

Вставъ на ноги, Екатерина слегка потеряла себѣ колѣни, скрывая гримасу, вызванную чувствомъ боли въ ослабѣлыхъ ногахъ, но сейчасъ же лицо ея снова прояснилось, озарилось веселой, молодой улыбкой.

— Стань противъ свѣта... Такъ... Прелестъ... И бриллианты пасуютъ передъ нами. Глазки — сверкаютъ сильнѣй, право, Мари! Дуракъ будетъ тотъ, кто не оцѣнитъ такое сокровище! Ну, поѣзжайте... Ты — съ мамой... И съ Шарлотой Карловной своей, конечно... А мы — съ вами, генераль, — обратилась она къ Зубову, который тутъ же бесѣдовалъ въ глубинѣ комнаты съ графиней Протасовой и Анной Никитишной Нарышкиной.

— Готовъ, государыня. Мнѣ доложили: карета давно подана.

— И я сейчасъ готова. Съ Богомъ, малютка. Танцуй, веселись!..

Нѣжно привлекла къ себѣ внучку Екатерина и осторожно коснулась поцѣлуемъ лба, чтобы не смять прическу, не осыпать пудры, по требованію моды покрывающей волосы княжны.

Парадная золотая карета, запряженная восемью великолѣпными лошадьми, съ зеркальными стеклами, съ неграми-гайдуками назади и скороходами по бокамъ,—стояла у малаго подѣзда, выходящаго на Неву.

— А вечеръ свѣжій,—спускаясь по лѣстницѣ,—замѣтила императрица, захватывая полы дорогого мѣхового сапога, наброшеннаго на плечи,—вы не забнете, генераль? Пожалуйста, не храбритесь. Въ каретѣ я укутаю васъ тоже... Простудиться легко!—съ материнской заботливостью обратилась она къ фавориту.

Въ то время, когда Зубовъ и дежурный офицеръ помогли ей сѣсть въ карету, Екатерина подняла глаза къ небу, поглядѣла по направленію къ крѣпостному шпицу.

Небо было чисто. Луна еще не всходила, и на темномъ просторѣ среди блѣдныхъ, сѣверныхъ звѣздъ ясно вырѣзались очертанія кометы, какъ разъ въ это время появившейся на горизонтѣ Европы.

Грузно опустившись на подушки кареты, поставя къ сторонѣ свою неразлучную трость, Екатерина подобрала мѣховую накидку, чтобы дать больше мѣста Зубову, а сама въ раздумьи медленно покачала головой.

Кони съ мѣста плавно пошли впередъ. Карета мягко заколыхалась на своихъ упругихъ старомодныхъ рессорахъ, къ которымъ привѣшенъ былъ весь кузовъ, словно люлька на ремняхъ.

Зубовъ уловилъ жестъ императрицы.

— Васъ все беспокоитъ это небесное явленіе, государыня,—своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ заговорилъ фаворитъ:—Не понимаю, отчего?

— Нѣтъ, я не тревожусь... Только пришло на умъ: отчего такое совпаденіе? Вотъ передъ смертью покойной императрицы—тоже явилась комета...

— Немудрено, государыня: эти бродячія тѣла являются періодически... И уже не мало лѣтъ...

— Да, не было ея 27 лѣтъ... 27!—въ раздумьи повторила Екатерина.

— А, кромѣ того, не одни печальныя событія предвѣщаютъ эти хвостатыя звѣзды, даже если вѣрить старымъ преданіямъ и народнымъ толкамъ... Передъ рожденіемъ великихъ государей бывають такія предвѣстія на небѣ... И вулканическія изверженія, и многое иное. Я говорю не отъ себя. Повторяю преданія. А, затѣмъ, и передъ рожденіемъ Спасителя людей, развѣ не явилась такая же лучистая звѣзда? И она стала надъ колыбелью Его... Можетъ быть, и теперь?..

— Ты очень добрый, мой другъ. Всегда стараешься повернуть мои мысли на пріятное, на веселое. Я очень тебѣ признательна. Будемъ ждать. Можетъ, отъ задуманнаго нами брака и родится, на самомъ дѣлѣ, новый герой... Намъ—неопасный, конечно, какъ рожденный отъ нашей крови... Посмотримъ... Будемъ вѣрить и ждать... А дѣвочка—очаровательна и взаправду. Напрасно Мари думаетъ, что жена моего Александра можетъ затмить малютку, и отстраняетъ невѣстку, гдѣ можно... Все-таки, Елисавета—женщина... Мила, но слишкомъ по-нѣмецки... Мнѣ Александрина больше нра... Виновата, — вдругъ съ веселой, немного лукавой улыбкой перебила сама себя Екатерина, —я и забыла, что насчетъ моей невѣстки у генерала свое особое мнѣніе...

— Государыня!.. Я полагаю...

— Что? Кто старое помянуть, тому глазъ вонъ? Колите, виновата, генераль... Просто, весело стало у меня сейчасъ на душѣ. Сами вы успокоили меня... Такъ и пеняйте на себя.

— О, въ такомъ случаѣ извольте говорить, что угодно, государыня.

— Вотъ, это мило. Я такъ нынче и буду знать:

позволеніе получено... Чуръ, назадъ не брать... Не то я начну царапаться и кусаться... Охъ, кабы прежніе мнѣ коготочки...

— Знаете, генераль, я любила раньше, идетъ кто мимо... Я такъ руку согну, наершусь кошкой, зафыркаю и начну рукой... словно оцарапать собираюсь... Пугались всѣ, право... Смѣетесь?... Да, прошли мои года... Будемъ чужою радостью жить... И вашей любовью, заботой обо мнѣ. Не дѣлайте огорченного лица. Нынче хочу, чтобы всѣ были веселы, радостны... Вотъ, и подъѣзжаемъ. Ну, я умолкаю пока. Надо быть величественной. Король и его плутъ-дядюшка выйдутъ навстрѣчу... Смотрите, такъ хорошо?

— Какъ я скоро вхожу въ свою роль, когда нужно. Вѣрь тутъ? Возьмите пока его.

* * *

Великолѣпные экипажи, придворныя кареты, коляски стояли противъ подъѣзда дома Штедингга. Тутъ выдѣлялась и парадная карета на два мѣста, въ которой пріѣхалъ Безбородко, тоже съ гайдуками, съ форрейторами и скороходами.

Даже фасономъ карета напоминала возокъ государыни, только была поменьше и заложена четверкой арабскихъ лошадей.

Такія же позолоченныя кареты съ зеркальными стѣнками, съ богатымъ конвоемъ были у многихъ знатнѣйшихъ вельможъ, пріѣхавшихъ на балъ, не считая двухъ придворныхъ экипажей, въ которыхъ прибыла съ дочерью Марія Θεодоровна и великій князь Александръ со своею женою.

Гусары, мчавшіеся впереди государыни, очистили мѣсто. Карета подкатила, дверцы распахнулись. Легко, словно

ничего и не болѣло у нея, вышла императрица изъ кареты, ступила по ковру, встрѣченная звуками того самаго гимна, который гремѣлъ на праздникѣ Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ:

— Славься, о, Екатерина! Славься, нѣжная намъ мать!..

Король, регентъ, Штедингъ, члены посольства и нѣсколько русскихъ придворныхъ изъ числа приближенныхъ, встрѣтили государыню при ея появленіи; и въ сопровожденіи блестящей свиты, концами пальцевъ, но сильно опираясь на руку Зубова, стала подыматься медленно по лѣстницѣ императрица.

Баль, бывшій почти въ разгарѣ, остановился, словно зачарованный, до момента, когда появилась въ залѣ императрица, привѣтствуя всѣхъ по пути ласковымъ наклоненіемъ головы.

Занявъ приготовленное ей мѣсто, она дала знакъ продолжать прерванные было танцы.

И праздникъ пошелъ своимъ чередомъ.

Какъ только первый моментъ легкой суматохи прошелъ, король занялъ свое мѣсто среди танцующихъ и пока одинъ регентъ еще продолжалъ расточать привѣтствія высокой гостьѣ,—Морковъ, сіяя всѣмъ своимъ рябымъ, костлявымъ лицомъ, сталъ что-то шептать Зубову.

Тотъ тоже просіялъ.

Регентъ въ эту минуту обратился къ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая заняла мѣсто недалеко отъ императрицы.

Пользуясь этимъ, Зубовъ также тихо передалъ новость Екатеринѣ.

— Видите, ваше величество, звѣзда пророчить радость, какъ я и говорилъ.

— Ты правду говоришь? Онъ такъ и сказалъ? Самъ вызвалъ разговоръ?

— Вотъ, Морковъ тутъ. Пусть повторить вамъ, государыня.

Морковъ, не ожидая приказанія, осторожно заговорилъ:

— Неожиданно вышло. Я такъ повелъ рѣчь, вообще о предстоящихъ на завтра переговорахъ. А его величество такъ мнѣ и сказалъ: „я удалилъ всѣ сомнѣнія, возникшія у меня по вопросу о религіи великой княжны“... Таковы были слова...

— Удалилъ всѣ сомнѣнія?.. Да, лучше бы и желать нельзя... Но, тутъ не время... Благодарствуйте... вамъ обомъ. Я тоже постараюсь чѣмъ-либо порадовать васъ за добрыя вѣсти. Идите, веселитесь теперь: вонъ ко мнѣ уже идутъ. Дай вѣрь. Иди!..

И, отпустивъ Зубова съ его секретаремъ, Екатерина, ласково улыбаясь, стала принимать всѣхъ, кого сочли нужнымъ представить ей хозяева дома, или кто самъ имѣлъ право приблизиться къ государынѣ.

Вѣрь, эту непривычную для себя часть дамскаго туалета, Екатерина держала совѣмъ особымъ образомъ въ лѣвой рукѣ, словно свой царскій скипетръ.

Но никому это не бросалось въ глаза.

Когда кончились представленія, Екатерина ласково поговорила съ Елисаветой, нарядной, свѣжей, сіяющей, которая словно и не замѣчала недружелюбныхъ взглядовъ, какіе кидала въ ея сторону теща, великая княгиня.

Разгорѣвшись отъ танцевъ, молодая женщина была прелестна.

— Весело тебѣ, мое дитя? Ты съ кѣмъ танцуешь? Съ Чарторійскимъ, со старшимъ? Все съ нимъ, милочка? Смотри, не вскружилъ бы этотъ франтъ твою умную голову.

Положимъ, мой Александръ не ревнивъ. Спокойный мужъ. Даже, можетъ быть, немного черезъ-чуръ... Но, все-таки, будь осторожнѣй... Веселись, играй... только не заигрывайся... Ступай, я хочу посмотрѣть... Люблю видѣть тебя въ танцахъ.. Вонъ, твоя Варя Головина. Батюшки, со-всѣмъ присѣла въ реверансѣ. Я съ нею поболтаю. Прямая она, честная душа. Дружи съ ней... Я рада вашей близости... Ну, иди...

Отпустивъ Елисавету, императрица дала знакъ Варварѣ Николаевнѣ Голицыной, теперь уже по мужу Головиной, которая только-что выпрямилась послѣ глубокаго почтительнаго реверанса.

Дѣвушка быстро подошла, снова дѣлая реверансѣ.

— Пожалуйте, пожалуйста сюда. Будетъ вамъ нырять. Ну, пока меня не усадили за мою партію, рассказывайте, что новаго? Вы не удивляетесь, что я стала выѣзжать въ свѣтъ? Что дѣлать: внучку пора пристроить. Приходится подумать и объ этомъ...

— О, ваше величество, для такой восхитительной не-вѣсты можно будетъ какъ-нибудь подыскать жениха, — лукаво, въ тонъ государынѣ, отвѣтила разбитная, остроумная дѣвушка, часто приходившая въ стольновеніе съ Екатериной и успѣвшая освоиться съ ней.

— Могу подѣлиться съ вами большой тайной. Только, чуръ, молчать, — весело прошептала государыня. — Я и жениха подыскала. Угадайте, кого? Не знаете? Хочу выдать ее...

Екатерина оглядѣла толпу и остановилась взоромъ на пожиломъ, некрасивомъ, но очень богатомъ вдовцѣ, графѣ Шереметьевѣ, — вотъ, за Шереметьева. Партія, кажется, приличная, какъ думаете?

— Какъ же, я слыхала, ваше величество... Но, говорить... родные жениха не согласны! — сразу выпалила проказница, принявъ самый наивнѣй видъ.

Екатерина громко разсмѣялась.

— Это прелестно... „Родные его несогласны!..“ Спасибо! Утѣшила... Какъ мило! Левъ Александровичъ, послушай, поди-ка сюда! Этого и ты бы не придумалъ... Слушай, что она говоритъ, эта рѣзвуха, хохотунья, насмѣшница!..

И императрица, смѣясь, передала Нарышкину шутку дѣвушки. Потомъ снова поглядѣла на нее, на себя, опять на нее. И сразу обратилась съ вопросомъ:

— Послушайте, скажите правду. Мнѣ кажется, вы сейчасъ почему-то смѣетесь надо мной? Что такое? Говорите прямо. Знаете, я васъ люблю и не обижусь. Что случилось? Отчего огонечки танцуютъ въ этихъ плутовскихъ, красивыхъ глазахъ? Ну!

— Простите, ваше величество. Если вы приказываете... Вашъ вѣрь...

— Мой вѣрь... Развѣ его не слѣдовало брать? У всѣхъ, вонъ, вѣра. Я и приказала...

— Вѣрно, ваше величество... Вы въ первый разъ его взяли... онъ стѣсняетъ васъ...

— Ахъ, вотъ что... Не такъ держу... Словно салютъ отдаю... Теперь вижу... Благодарю тебя, дитя мое. Такъ хорошо?.. Видишь, я понятлива... Ахъ, милое дитя... Правда, я похожа на простушку, попавшую во дворецъ... на старую простушку, надо добавить... Все некогда было учиться манерамъ... Другія случались дѣла...

— Выше, славнѣе, ваше величество, всякой свѣтской науки...

— Левъ, убери ее, поди танцуй съ ней въ наказаніе за таеую лесь... А ко мнѣ, я вижу, идутъ, будутъ звать къ игрѣ... Вотъ, это—мое дѣло.. Чертковъ ожидаетъ уже свою партнершу. И графъ Александръ Сергѣевичъ... Всѣ тутъ... Вотъ идутъ... Иди, стрекоза, танцуй... Только,

кавалера помоложе найди. А этотъ со мной играть по-плетется...

Гремятъ полонезы, контредансы... Плавно несутся звуки экосезовъ, менуэтовъ.

И всѣ смотрятъ съ особеннымъ вниманіемъ на одну нару, на юнаго короля, который чаще всего выбираетъ своей дамой внучку Екатерины. И глазъ не сводитъ во все время танца отъ рдѣющаго личика, ото всей стройной фигурки своей дамы. Ея пальцы едва касаются его твердой руки. Изрѣдка только подымаетъ она свои ясные затуманенные сейчасъ смущеніемъ взоры. Но онъ чувствуетъ, что изъ этихъ тоненькихъ, трепетныхъ пальцевъ, изъ этихъ ясныхъ, мерцающихъ глазъ, излучается какая-то сила, согрѣвающая ему сердце, волнующая холодную обычно кровь, туманящая его разсудительную, упрямую шведскую голову.

* * *

28 августа, 1796 года выпалъ чудесный, ясный день.

Солнце какъ-будто рѣшило обласкать своими лучами на прощанье этотъ бѣдный болотистый уголокъ земли, который на долгіе мѣсяцы потомъ будетъ окованъ холодомъ и тьмою.

Стоитъ теплое, „бабье лѣто“. Природа медленно умираетъ. Пожелтѣлые листья шуршатъ подъ ногой, стораютъ, тлѣютъ, издавая легкой, щекочущій запахъ.

Въ такую пору у людей ярче просыпается въ душѣ полузабытая любовь. А угасающее чувство снова вспыхиваетъ, какъ огонь въ лампадѣ передъ концомъ.

А лужайки, аллеи и боскеты Таврическаго парка, галереи, покои и глубокія оконныя амбразуры самаго дворца, теперь, въ пору увяданія, замиранія природы, въ пору по-

слѣднихъ ясныхъ дней, — были свидѣтелями быстро зарожденія, яркаго расцвѣта любви у двухъ юныхъ прекрасныхъ человѣческихъ существъ.

Солнце, легкая синева небесъ, освѣженная зелень луговъ, пышные цвѣты на клумбахъ, развѣсистыя деревья въ загадочныхъ аллеяхъ, вся природа словно замерла въ одномъ ясномъ, тепломъ, волнующемъ созвучіи, помогая юной любви.

Ясные дни смѣняются тихими, звѣздными ночами.

Цѣлые дни, какъ весенніе мотыльки, носятся влюбленные по аллеямъ и газонамъ парка. А ночью, — разлучаясь до утра, — глядя на темное небо, на трепещущія, лучистыя звѣзды, — тамъ видятъ другъ друга, молча, издалека — мѣняются волнующими взглядами, мимолетными, пустыми на видъ, но такими сладкими для души, словами...

Въ воскресенье, послѣ обѣда, противъ обыкновенія, только небольшое число самыхъ приближенныхъ людей, было приглашено провести остатокъ дня съ государыней.

Марія Ѳеодоровна поѣхала навѣстить Павла, съ которымъ не видалась дня два, а дочерей оставила у бабушки, подъ надзоромъ бдительной „генеральши“, какъ звали Шарлоту Карловну Ливень.

Кофе былъ поданъ въ густой зеленой бесѣдкѣ, одѣтой вьющимися растеніями.

Елена побѣжала съ фрейлинами и камеръ-пажами въ пруду кормить лебедей.

Мужчины гуляли поодоль, чтобы дымомъ трубки регента не мѣшать государынѣ.

Александрина, за обѣдомъ сидѣвшая тихо, печально, была чѣмъ-то разстроена. Теперь она сидѣла съ великой княгиней Елисаветой и слушала, какъ веселая Варвара Николаевна Головина изображала въ лицахъ разговоръ между косоглазымъ регентомъ, пыхтящимъ своей любимой трубкой, и

изысканнымъ Зубовымъ, поднимающимъ постоянно къ небу красивые темные глаза.

— Нашъ генераль говоритъ ему. „Этотъ союзъ укрѣпитъ миръ... возстановитъ европейское равновѣсіе“... А шведъ, не вынимая трубки, бормочетъ: „миръ? равновѣсіе? Зачѣмъ же тогда намъ колотить французовъ и дѣлать союзы? Союзы, обыкновенно, для драки устраивать надо.. И про какой союзъ вы говорите“?.. — Про политическій, относительно коалиціи и европейской лиги монарховъ... — „А, да... лиги, такъ, лиги... Только бы безъ интриги... Я не люблю, когда другіе интригуютъ“...

— Ну, что вы пусто толкуете!—смѣясь, перебила ее Елисавета.

— Конечно, пустое. Но, вотъ, вы смѣтаетесь... А наша милая малютка—грустна, какъ не знаю кто. И не улыбнется на мою болтовню...

— Нѣтъ, я смѣюсь, — улыбаясь ласково и грустно, возразила княжна, — просто нездоровится мнѣ...

— Такъ, можетъ быть, лучше бы лечь... Скажите, ваше высочество, генеральшѣ, или бабушкѣ... Они...

— Нѣтъ, нѣтъ. Зачѣмъ ихъ тревожить! Я знаю, это пройдетъ... Вотъ, бабушка зоветъ меня... Я сейчасъ...

Быстро поднявшись, она подошла къ государынѣ.

— Ахъ, дитя ты мое... Ну, можно ли такъ грустить изъ-за собачки... Мнѣ генеральша сказала, что ты весь день проплакала вчера. Себя разстраиваешь, огорчаешь ее и другихъ. Ну, околѣла собачка. Жаль. Да можно ли такъ грустить? Я тебѣ другую, самую лучшую изъ своихъ молодыхъ лэди пришлю. Вотъ какъ глазки покраснѣли... Береги слезы... и глаза свои молодые. Еще много въ жизни терять и плакать придется. Вотъ, смотри, какъ хорошо кругомъ. Гости у насъ чужіе. Надо веселой, ласковой быть. И то на тебя смотрѣли за столомъ, что это, съ чего пе-

чальна наша малютка. Развеселись, знаешь, какъ любить бабушка... Побѣгайте, порѣзвитесь... Такая ли я въ ваши годы была?..

— Ну, Богъ съ тобой, — вдругъ мягко, ласково улыбнувшись протянула руку государыня, привлекая къ себѣ внезапно поблѣднѣвшую внучку, поцѣловала и оттолкнула слегка: — Иди...

Дѣвушка почти не слышала послѣднихъ словъ Екатерины.

Еще раньше, чѣмъ ея чуткій слухъ уловилъ сзади, на широкой аллеѣ шорохъ рѣшительныхъ, быстрыхъ шаговъ, княжна всѣмъ тѣломъ почувствовала, что онъ приближается, что король подходитъ сюда.

Замѣтила это и бабушка, потому и отпустила такъ неожиданно внучку.

Разсчетъ оказался вѣренъ.

Едва успѣла княжна повернуться и сдѣлать шагъ впередъ, какъ почти столкнулась съ входящимъ подъ тѣнь боскета Густавомъ, и изъ блѣдной вся стала пунцовой, даже вскрикнула слегка, словно отъ неожиданности, хотя прекрасно знала, что онъ тутъ, близко...

Оставя регента, Зубова и Штедингга, съ которыми шагаль по аллеѣ, слушая политическіе разговоры, Густавъ, давно поглядывавшій на группу, сидящую въ боскетѣ, прямо направился сюда.

Онъ тоже вспыхнулъ, когда княжна обернулась и остановилась лицомъ къ нему, въ двухъ-трехъ шагахъ.

— Простите, я испугалъ васъ, княжна?...

— Нѣтъ, нисколько, сирь... Я знала... то-есть, слышала, что вы идете... Я хотѣла сказать, слышала, что кто-то подходитъ. Это такъ, случайно.

— Здоровы-ли вы? Мнѣ сегодня показалось... Правда, сейчасъ вы совершенно измѣнились. Но глаза... Вы плакали? Что случилось?

— О, нѣтъ, сирѣ... Нѣтъ... ничего...

— Васъ обидѣлъ кто-нибудь?.. Кто могъ? Можно-ли рѣшиться, княжна, обидѣть...

Она не досказала.

— Право, право, нѣтъ! Меня никто не обижалъ. Меня всѣ любятъ... то-есть, наши. Папа и милая мама... и дорогая бабушка... Она добра, какъ ангелъ... И другіе... Нѣтъ, я не отъ того... Правда, я немного плакала... Но если я скажу, вы будете еще смѣяться...

Она тоже внезапно остановилась, глядя теперь въ лицо юношѣ, чего обычно избѣгала, боялась.

— Я буду смѣяться?! Надъ вами, княжна?!.. Я...

— Нѣтъ, нѣтъ. Простите. Ну, такъ, вотъ, я скажу. У меня была собачка. Подарокъ бабушки. Такая милочка... Я такъ любила мою собакинью... Представьте, она была замѣчательно умная. А ужъ какъ привязалась ко мнѣ. Вотъ, вы давайте ей что хотите на свѣтъ: и сахаръ, и косточки самыя вкусныя,—не возьметъ. Только отъ меня. Или если я скажу: „бери, Эльзи... бери...“ И служила такъ забавно... И пѣла даже подъ гитару... Да, Альтисти и Санти ее научили. Лапеу подыметъ и даетъ, воетъ подъ музыку... Права... Забавная... И...

Слезы снова блеснули на оживленныхъ, ясныхъ глазахъ дѣвушки, голосъ дрогнулъ.

— Вчера, представьте, она умерла..

— Какъ жаль — грустно, искренно отозвался юноша-король, забывая свое постоянное величавое спокойствіе и важность.

— Правда, вы жалѣете? Вы добрый. Я такъ и знала. А вы любите собакъ?

— Очень. Только у меня, конечно, не такія, не левретки, не болонки... Охотничьи. Борзня, гончія. Лучшія во всѣхъ королевствѣ. А какіе у меня доги... а медіоланы! Знаете,

я могу безъ оружія съ двумя моими псами выйти на самаго злого медвѣдя, на кабана — и останусь не тронутымъ... Чудные псы!..

Незамѣтно, разговорившись, они сдѣлали движеніе, шагъ, другой впередъ и безъ шляпъ, съ открытыми головами пошли по широкой открытой аллеѣ, облитые теплыми лучами солнца.

Генеральша Ливенъ, издали не спускавшая глазъ съ юной парочки, уже сдѣлала было движеніе, чтобы позвать княжну, вернуть ее въ боскетъ или напомнить, что надо покрыть голову, что неловко удалаться ото всѣхъ вдвоемъ, съ молодымъ гостемъ...

Но Екатерина тоже слѣдила за внучкой и королемъ.

Осторожно, ласково она сдѣлала движеніе рукой, словно желая остановить строгую воспитательницу.

— Солнце свѣтитъ такъ ласково, ясно, но не жжетъ. Не правда-ли, генеральша?

— Да, вѣрно, ваше величество. Хорошая осень!.. И эта аллея вся на виду. Вы правы, государыня. Пусть погуляютъ дѣти...

— Пусть погуляютъ... „Юность — весна жизни... Весна — юность года“... А если весна миновала, надо ловить послѣдніе, ясные, осенніе дни...

— Государыня, для великихъ душъ — осень жизни, это вершина жизни. Большія, хорошія души въ пору осени — живутъ новой, возрожденной жизнью, окруженныя кольцомъ другихъ, юныхъ существъ, которымъ даютъ жизнь и радость... Окруженныя толпами людей безъ числа, благословляющими великое имя...

— Знаете, Шарлота Карловна, всего могла ждать отъ васъ, только не оды! Но тѣмъ мнѣ дороже, что я знаю. васъ. Каждое ваше слово идетъ отъ глубины души... Я рада, если вы такъ говорите... Но какъ мила эта пара...

Если они будутъ счастливы, буду счастлива и я... Вѣрно, Шарлота Карловна: въ дѣтяхъ—мы возрождаемся, когда проходитъ наша пора!..

* * *

На другой день состоялся балъ у Павла, которымъ великій князь чествовалъ регента и его племянника, своего будущего зятя.

Конечно, оранжереи, кладовыя, вся хозяйственная часть Зимняго дворца приняли участіе въ устройствѣ этого праздника. Но онъ имѣлъ все-таки совершенно особый видъ, носилъ тотъ же отпечатокъ суровой, прямолинейной дисциплины и строгости, какою отличался образъ жизни наслѣдника.

Гостей было гораздо меньше, чѣмъ на большихъ вечерахъ императрицы. Иныхъ — не позвалъ Павелъ, другіе отговорились подъ благовидными предлогами, избѣгая привычной скуки и стѣсненія, царящихъ на пріемахъ великаго князя.

Но молодежь живетъ своей жизнью, урывая мгновенья радости даже въ мрачныхъ стѣнахъ Павловскаго дворца.

Клубятся интриги, торгуются люди, расплачиваясь за свои удобства чужой кровью и жизнью, чужимъ счастьемъ...

А юныя пары вьются въ плавномъ танцѣ, забываются, упоенныя музыкой звуковъ, музыкой первыхъ, едва назрѣвающихъ въ сердцѣ, волненій и чувствъ.

Важный, надутый, ходитъ маленькій Павелъ по заламъ, смотреть на танцы, бесѣдуетъ съ гостями. И не разберешь: доволенъ онъ, или раздосадованъ чѣмъ-нибудь?

Только великая княгиня сіяетъ. Она знаетъ мужа, видитъ, что онъ лидуется, хотя и старается не выдать этого. И вмѣстѣ съ воспитательницей, съ заботливой Ливень, издали слѣдятъ, какъ порхаетъ по паркету очаровательная

малютка Александрина, привлекая всѣ взоры. И почему-то почти всегда рядомъ съ ней темнѣетъ стройная, гибкая фигура юноши-короля. Эта пара словно неразлучной стала въ танцахъ въ теченіе цѣлаго вечера.

И странное дѣло: по мѣрѣ того, какъ дѣвушка становится смѣлѣе, живѣе, разговорчивѣе со своимъ кавалеромъ, когда она доврчивѣе кладетъ свою руку на его во время танца, изрѣдка случайно касаясь атласнымъ плечомъ его плеча,—юноша становится сдержаннѣе, блѣднѣе, молчаливѣе. Какъ-будто чувство слишкомъ переполняетъ его и боится онъ дать волю тому, что накаплиется въ груди...

Смотрить издали и посмѣивается улыбкой сатира красносцекій регентъ.

* * *

На другое утро государыня работала съ Храповицкимъ, когда вошелъ Зубовъ.

— Останьтесь, вы не помѣшаете, — обратилась она къ своему статсъ-секретарю, въ то же время ласково протягивая руку фавориту для поцѣлуя. — Я позвала васъ, генераль, чтобы показать эту записку и спросить, чѣмъ кончились послѣдніе переговоры съ регентомъ. Мнѣ сдается, дѣло близко къ концу, если не случится чего особливаго?

— Чему случиться, ваше величество? Все идетъ прекрасно. Позвольте?

Зубовъ развернулъ записку, сейчасъ же узнавъ мелкій, четкій почеркъ Маріи Θεодоровны.

Великая княгиня писала по-французски:

„Милая матушка! Считаю своимъ долгомъ отдать вашему императорскому величеству точный отчетъ о вчерашнемъ нашемъ вечерѣ. Какъ мнѣ кажется, онъ служить хорошимъ предзнаменованіемъ, потому что король открыто ухаживалъ

за Александриной. Танцеваль онъ почти исключительно съ нею. Даже послѣ полуночи, замѣтивъ, что дѣвочка спросила меня, „можно ли ей протанцевать еще одну кадрили“, — онъ сейчасъ же подошелъ къ регенту, что-то сказалъ ему на ухо, послѣ чего регентъ отъ души разсмѣялся. Я спросила о причинѣ такой веселости. Регентъ отвѣтилъ: „онъ справляется, позволено-ли великимъ князьямъ еще танцевать“... Когда я отвѣтила утвердительно, король сказалъ: „О, въ такомъ случаѣ и мнѣ еще надо протанцевать!..“ И пошелъ пригласить Александрину“...

Дальше шло нѣсколько общихъ, заключительныхъ фразъ.

— Ну, что, мой другъ? Какъ скажете, генераль?

— Съ этой стороны дѣло идетъ скорѣе, чѣмъ я даже ожидалъ отъ холоднаго на видѣ юнаго государя. Правда, великая княжна очаровательна и способна увлечь самое спокойное сердце... Въ ней отразились всѣ качества и очарованіе вашего величества... Я правду говорю, государыня... Но придется еще повозиться съ брачнымъ договоромъ. Снова возникли затрудненія на счетъ секретнаго союза противъ Франціи и...

— И—все пустое. Лишь бы главное довести скорѣе до конца. Я готова на многія уступки, гдѣ дѣло не касается религіи.

Зубовъ на мгновенье смѣшался. Екатерина продолжала:

— Но, вы говорили, генераль, что этотъ вопросъ почти улаженъ? А болѣе глубоко пока не слѣдуетъ вникать въ него. Любовь, я надѣюсь, поможетъ въ этомъ случаѣ вѣрѣ и мудрости, вопреки старымъ урокамъ... Какъ думаете, генераль?

— Вообще согласенъ съ вами, государыня. Такъ я и самъ полагаю. Пусть дѣло дойдетъ до конца. Мы требуемъ немногаго: свободы исповѣданія для невѣсты. Неужели же они посмѣютъ отказать? Никогда!

— Аминь. Таеъ и кончайте скорѣе дѣло. Набросайте сегодня же проектъ брачнаго договора, въ зависимости отъ того, что условлено вами со шведами... И покажите мнѣ. Пусть лежитъ наготовѣ. Знаете мое правило: все готовить заранее, чтобы время было обдумать. И еще прошу: дѣйствуйте какъ можно осторожноѣе. Тутъ замѣшано чувство, а вы знаете, иногда излишняя настойчивость можетъ погубить многое...

— О, знаю, государыня. Я буду дѣйствовать по вашимъ приказаніямъ. Проектъ нынче же будетъ готовъ. Морковъ у меня молодець. Онъ незамѣнимъ во всѣхъ дѣлахъ!

— Благодарю. Пока идите съ Богомъ. Мы еще тутъ поработаемъ съ моимъ старымъ другомъ.

Когда Зубовъ ушелъ, государыня, довольная, веселая, обернулась къ Храповицкому, приложивъ палецъ къ губамъ:

— Тсс - сс!.. Никому про то, что я вамъ скажу: нынче и вамъ дома найдется работа. Составьте два рескрипта. Примѣняясь къ счастливому событію... Богъ бы далъ намъ даждаться обрученья... Вотъ и напишите, что въ воздаяніе хлопотъ, въ такую радостную минуту... За всѣ заботы, службу и труды... нѣкій генераль-фельдцехмейстеръ, князь и прочая и прочая... пожалованъ... Никому пока о томъ... смотрите! — серьезно замѣтила императрица, — въ генераль-фельдмаршалы... Онъ уже давно спитъ и видитъ о такой радости... А Моркову—Андреевскую звѣзду...

— Слушаю, ваше величество... Завтра же прикажете привезти бумаги?

— Да. Можете не въ очередь. Буду ждать. Ступайте съ Богомъ теперь!.. Впрочемъ, нѣтъ, погодите! Передайте дежурному, что можно выпустить Константина изъ-подъ

ареста. Говорять, онъ взаправду захворалъ отъ страха и огорченія. Эта рѣзвуха-Анна пришла въ слезахъ просить за мужа. Сущія дѣти. А поучить надо было. Онъ не мальчикъ. И ведетъ себя такъ, что мочи нѣтъ. Я даже отцу хотѣла жаловаться. Но рѣшила на первый разъ довольно этого. Думаю, присмирѣетъ теперь. И откуда мой внукъ набрался такихъ манеръ? Всѣхъ задираетъ, оскорбляетъ... Даже на улицѣ не умѣетъ себя прилично вести... Совсѣмъ „санкюлотъ“. Его, пожалуй, избыютъ гдѣ-нибудь. Такой ужасъ. Посмотрю, что будетъ послѣ ареста!.. Идите, мой другъ!

* * *

Съ начала сентября погода перемѣнилась. Заморосило дождемъ, вѣтеръ треплетъ вершины деревъ, брызжетъ въ лицо холодной влагой,

Гулять почти нельзя.

Но влюбленная парочка стояла въ глубокой амбразурѣ окна, провожая печальнымъ взоромъ лѣто, днемъ подолгу толкуетъ о всякихъ пустякахъ, прислушиваясь къ той музыкѣ, которая звенитъ и ликуетъ у нихъ въ душѣ...

А каждый вечеръ новый балъ...

2 сентября, на балу у австрійскаго посланника Кобенцеля, Густавъ ходилъ сумрачный, недовольный, даже не принялъ участія въ танцахъ, когда загремѣлъ широкій полонезъ и всѣ старыя, молодыя, парами поскользили изъ покоя въ покой...

Регентъ и Штедингъ, даже всѣ окружающіе поняли въ чемъ дѣло: среди гостей онъ не нашелъ великой княжны. Не было и Маріи Ѳеодоровны. Не видно также Зубова, который долженъ явиться если не съ императрицей, то одинъ.

— Что случилось? Почему нѣтъ ожидаемыхъ особъ?—

Такъ спрашивали у хозяина—веселаго, жуира, по себѣ на умѣ, некрасиваго австрійца, графа Кобенцеля.

— Не знаю, съ отказомъ никто не прїѣзжалъ. Задержало что-нибудь. Я уже послалъ справиться... Я еще жду,—отвѣчалъ хозяинъ на всѣ разспросы.

Когда въ залѣ появился князь Эстергази, австріецъ, самъ регентъ и многіе другіе окружили его съ тѣмъ же вопросомъ:

— Не знаете ли, что случилось?

Даже Густавъ, по какому-то особому чувству избѣгающей обратиться съ вопросомъ, такъ волнующимъ его, подошелъ и издали старался вслушаться въ слова князя.

— Господи, что за напрасная тревога!—своимъ рѣзкимъ, умышленно грубоватымъ тономъ „старога рубака забасилъ князь, въ сущности, хитрый, скрытный, тонкій дипломатъ,—вотъ, я такъ и сказалъ генералу: „Тамъ будетъ кавардакъ!“... И есть кавардакъ... Самая пустая вещь. У императрицы легкій припадокъ ея обычныхъ коликъ. Думали, что все сейчасъ же пройдетъ и она сможетъ прїѣхать на балъ. Но, послѣ припадка осталась легкая слабость... И она не можетъ прїѣхать на балъ. Вотъ и все. Конечно, и княжна, и генераль, и великая княгиня задержались изъ-за этого. Самая простая вещь. И сейчасъ будутъ.

Невольной радостной улыбкой озарилось сразу лицо короля. Онъ безпечно отошелъ къ группѣ дамъ и дѣвушекъ, стоящихъ недалеко, и сталъ шутить, сыпать любезности и похвалы.

Хитро улыбнувшись, регентъ взглядомъ косыхъ глазъ обмѣнялся со Штединггомъ, который тоже добродушно негромко разсмѣялся.

— Ну, вотъ дурная погода и прошла... Сейчасъ солнышко наше появится... Ничего, пускай... Онъ — славный молодецъ..

Штедингъ усиленно закивалъ головой.

— Да, да... И переговоры налаживаются, ваше высокочество...

— Ммда, налаживаются. Пока все въ порядкѣ... А, вотъ, и даже... пойдѣмъ встрѣчать.

Оба они двинулись на встрѣчу Маріи Ѳедоровнѣ, которая вошла съ Zubовымъ, двумя княгинями и генеральшей Ливенъ.

Но Густавъ далеко опередилъ всѣхъ и первый встрѣтилъ запоздалыхъ гостей.

Грустно было личико княжны. Она неподдѣльно опечалилась болѣзью бабушки. Мучилъ ее тайный страхъ, что придется остаться при больной, не попасть на балъ, не видѣть его...

И все это миновало.

Она здѣсь. Онъ встрѣтилъ ее первымъ, какъ она и гадала въ душѣ.

Такъ почтительно и нѣжно привѣтствуетъ ее, беретъ руку... Они идутъ танцовать.

— Знаете, если бы вы не пріѣхали, княжня, я бы такъ и не танцовалъ. Я рѣшилъ уѣхать съ бала.

— Почему, сирѣ? Здѣсь такъ весело. Столько дамъ, дѣвицъ... Такія красивыя... — замирая отъ радости и страха, пробуетъ наивно лукавить малютка. И ждетъ, что онъ отвѣтитъ.

— Можетъ-быть. Не знаю. Я особенно не интересуюсь дѣвицами... и дамами. Я ждалъ васъ.

Вотъ, вотъ, эти слова!

Такія прѣстыя и чудныя въ то же время: „Я ждалъ васъ!“

Боже мой! Отчего это такъ засверкали ярко огни въ люстрахъ и бра по стѣнамъ? Отчего звуки музыки льются упоительно сладкимъ потокомъ, кружа голову, заставляя

дыханіе замирать въ груди, задерживая біеніе сердца, передъ этимъ такъ и рвавшееся прочь, громко стучавшее въ твердый высокій корсажъ!..

Почему ноги сами скользятъ по блестящему паркету, словно крылья выросли за плечами у нея, маленькой, глупой дѣвочки?..

Неужели оттого лишь, что юноша, танцующій съ нею, блѣдный и серьезный, съ темными горящими глазами, въ черномъ нарядѣ, сказалъ три слова: „Я ждалъ васъ“...

Да, только оттого...

И что бы ни случилось потомъ, не будетъ лучше первой потрясающей, великой минуты, когда онъ, желанный, годами ожидаемый, являвшійся ей въ чистыхъ дѣвичьихъ снахъ, когда онъ сказалъ это первое полупризнаніе: „Я ждалъ васъ“...

Вьется блестящій балъ...

Праздникъ близокъ къ концу. Чаше и выше вздымаются женскія полуобнаженные груди, нѣгой и зноемъ сверкаютъ лучистые глаза.

Огнями желаній загораются очи мужчинъ, которые тонуть взглядами въ очахъ своихъ млѣющихъ дамъ, въ пропасти опасныхъ вырѣзовъ, отмѣченныхъ пѣной кружева, изломами тюля, гирляндами невянущихъ цвѣтовъ... Губы тянутся прильнуть къ тому, чего не видятъ, но угадываютъ жадные глаза... И только цѣпи приличій и свѣтская выдержка заставляютъ сдерживать порывы желаній.

Балъ удался на славу, потому что цѣль его достигнута: двѣ-три сотни дамъ и мужчинъ испытываютъ настроеніе, близкое къ экстазу, смѣсь веселья и страсти... То, чего нѣтъ въ скучной, обыденной жизни.

Всѣ заняты другъ другомъ... Но невольно слѣдятъ за одной парочкой.

Они тоже охвачены любовью. Но еще чистой, полусознательной пока.

По крайней мѣрѣ; это можно сказать о дѣвушкѣ.

Уже волнуется у нея кровь, алѣютъ уши, губы, щеки... дышетъ порывисто полудѣтская, невысокая, но прелестно обрисованная грудь... Но нѣтъ грязи въ этомъ волненіи, нѣтъ похотливой струи въ той волнѣ, которая, повидимому, подхватила все существо дѣвушки и мчитъ ее, клонить къ нему, къ этому желанному, милому... Ей только бы слышать, даже не рѣчи его, а звуки голоса, видѣть эти глаза, опираясь на сильную, породистую руку, и провести такъ жизнь въ упоительномъ танцѣ, умереть въ немъ вмѣстѣ и рядомъ съ этимъ юношей...

Больше ничего!

Современемъ, конечно, и это дѣвственное тѣло загорится другимъ огнемъ, его коснется острое жало плотской страсти. И новыя муки, новыя радости узнаетъ дѣвушка. Но ликовать будетъ только тѣло. Первая радость души, послѣдняя радость души переживается сейчасъ, на этомъ балу, въ этомъ танцѣ, рядомъ съ нимъ... Когда онъ такъ просто и въ то же время, сильно сказалъ ей:

„Я ждалъ васъ!“ ...

Сегодня справляетъ душа юной дѣвушки первый самый прекрасный пиръ: первого чистаго чувства любви...

Не совсѣмъ то же чувствуетъ ея другъ.

Онъ уже извѣдалъ кое-что изъ міра страстей... Ему мало танца, звука, пожатія руки... Онъ видитъ порою, какъ сонъ на яву, что беретъ малютку, чистую и прелестную, какъ ландышъ, блѣдную, какъ этотъ вешній цвѣтокъ... И несетъ въ своихъ объятыхъ куда-то далеко и жметъ крѣпко къ груди... самъ горитъ и трепещетъ. И она, бллая, чистая, загорается; алѣтъ начинается отъ его поцѣлуевъ, объятій и ласкъ...

Вотъ и сейчасъ, здѣсь, на балу, при всѣхъ; юноша

почувствовалъ неодолимое желаніе прильнуть губами къ губамъ, къ шейкѣ этой чудной малютки...

Разумъ говорить, что этого нельзя... А молодая кровь ничего слушать не хочетъ...

Забывъ обо всемъ, не помня даже, какъ робка, неопытна его подруга, юноша, уловивъ минуту, въ колыханьи танца, своими пылающими сильными пальцами крѣпко сжалъ хрупкую, блѣдную ручку дѣвушки, прижалъ эту руку къ груди, какъ бы желая и ее, робкую, чистую заразить своимъ огнемъ, своими желаніями...

Зашаталась малютка, отъ испуга похолодѣло у нея въ груди. Вспыхнуло яркое пламя въ глазахъ, потомъ поплыли зеленые и желтые круги. Она едва удержалась, чтобы не крикнуть, едва устояла на ногахъ.

Густавъ тоже смутился, замѣтивъ, какъ его вольность повліяла на дѣвушку.

Онъ сразу отрезвился и особенно мягко, совѣмъ по-братски спросилъ:

— Я сдѣлалъ вамъ нечаянно больно? Простите. Что съ вами? Вамъ дурно?..

— Да... Простите... я пойду... я къ генеральшѣ... Простите... — едва могла пролепетать пересохшими губами княжна и, не ожидая его помощи, бросилась въ уголокъ, гдѣ воспитательница ея, Ливень, сидѣла и наблюдала издали за питомицей.

Къ счастью, танецъ кончился въ эту минуту и никто почти не замѣтилъ маленькаго приключенія юной пары.

— Ваше высочество, что случилось? Что произошло? Вамъ нездоровится?— встрѣтила вопросомъ дѣвушку зоркая воспитательница.

— Да... нѣтъ... ничего... Пойдемте въ уборную... Впрочемъ, нѣтъ... Тутъ близко никого... Я должна вамъ сказать... сейчасъ онъ... онъ позволилъ себѣ... Онъ такъ

пожалъ мнѣ руку... Развѣ это можно?.. На глазахъ у всѣхъ. Я просто не знала, куда мнѣ дѣваться?!

— Да... То-то я замѣтила... Что же вы сдѣлали?..

— Я? Ничего. Я такъ испугалась, думала, упаду отъ страха!..

— Ну, ничего... Успокойтесь.. Пойдемте, выпейте воды... Тутъ не мѣсто, мы потомъ, дома поговоримъ...

Густавъ тоже кинулся къ своему опеуну, который стоялъ со Штединггомъ, Зубовымъ и княземъ Эстергази.

Князь дѣлился съ высокими слушателями пикантными подробностями своихъ многочисленныхъ приключеній и всѣ хохотали сочнымъ, здоровымъ хохотомъ...

— На два слова, дядя Штедингъ... Простите, господа.. Я только два слова...

Зубовъ и Эстергази предупредительно отошли, но оба насторожили уши, почуя, что дѣло важное.

— Дядя, я рѣшилъ... она мнѣ прямо нравится. Слышите?.. Я хочу сдѣлать предложеніе. Кончайте скорѣе ваши переговоры... Въ чемъ тамъ у васъ помѣха, скажите мнѣ наконецъ?

— О, ничего, почти ни въ чемъ,—поспѣшно заговорилъ Штедингъ,—впрочемъ, какъ его высочество?..

— Да, да. Теперь пустяки остались... Рѣшили? Поздравляю... А я было хотѣлъ тебѣ нынче... Ну, да это дома, потомъ... Поздравляю... Я такъ и поведу переговоры.. Да...

Густавъ, уже не слушая, вернулся въ залъ, разыскивая княжну. Онъ увидѣлъ, что она съ матерью и Ливень готовилась уѣзжать.

— Почему такъ рано, ваше высочество?—обратился король къ Маріи Федоровнѣ.

— О, мы и такъ засидѣлись дольше, чѣмъ думали... Ужинъ затянется поздно... А я и Александрина еще хо-

тимъ навѣстить бабушку, если она не спитъ, справиться объ ея здоровьи...

— Прошу васъ... Одинъ танецъ... Еще не поздно...

— Ну, такъ и быть, для васъ, господинъ Густавъ...
Иди, танцуй, Александрина...

И вся трепещущая, блѣдная, боязливо, осторожно подала теперь руку княжна кавалеру. А въ сердцѣ ея что-то звенѣло радостно... Руки были холодны, словно омытыя ледяной водой. А въ груди жгло отъ невѣдомаго восторга, непонятнаго страха... И длился послѣдній, въ этотъ вечеръ, танецъ юной пары, — по всѣмъ угламъ шли толки, посѣянные неизвѣстно кѣмъ, всѣ говорили, что дѣло кончено, что даже на словахъ рѣшены условія союза и назначенъ день сговора, чуть ли не свадьбы...

* * *

Въ воскресенье еще нездоровилось государынѣ. Да и Густавъ не показывался нигуда, велъ долгіе переговоры наединѣ съ регентомъ, послѣ которыхъ выходилъ, хлопая дверьми, и запирался въ своей комнатѣ...

Только въ понедѣльникъ къ обѣду собралась въ Таврическомъ дворцѣ семья императрицы, даже Константинъ, еще блѣдный, дѣйствительно, вынесшій лихорадку послѣ ареста. Не было одного Павла.

Всѣ чувствовали, что должно совершиться нѣчто особенное.

Густавъ, видимо, дулся на дядю, а тотъ на питомца поглядывалъ съ какой-то особенной опасливостью.

Только Левъ Нарышкинъ, бывшій въ ударѣ, шутками и каламбурами поднялъ нѣсколько общее настроеніе.

День выдался сухой, теплый, и кофе подали въ саду. Екатерина, все время наблюдавшая за внучкой и гос-

темъ, была удивлена сдержанностью послѣдняго, особенно послѣ тѣхъ разсказовъ, какія пришлось ей выслушать съ разныхъ сторонъ о странномъ приключеніи на балу у Кобенцеля.

Еще слабая послѣ припадка Екатерина медленно, опираясь на свою трость, шла по террасѣ, куда раньше собрались остальные.

Вдругъ Густавъ, словно выжидающій минуту, отдѣлился отъ группы и подошелъ къ ней.

— Позвольте помочь вашему величеству?..

Онъ ловко подвинулъ кресло и помогъ опуститься въ него государынѣ. Затѣмъ, сразу, словно не давая себѣ опомниться, продолжалъ:

— Я долженъ извиниться... Но, теперь подходящая минута... Мое сердце вынуждаетъ меня говорить прямо, не прибѣгая къ посторонней помощи, чтобы избѣжать всякихъ проволочекъ и хитросплетеній... Я больше люблю прямо, на чистоту.

— Я тоже, сирѣ. Въ чемъ дѣло, говорите.

— Я желалъ вамъ открыть, что ваша внучка, княжна Александрина... Что я полюбилъ ее и прошу руки ея высочества, если вы и родные ничего не имѣютъ противъ этого.

— Да? Что же... Это нѣсколько неожиданно. Но, мы всѣ здѣсь давно желали этого. Не стану скрывать: и я, и всѣ будутъ рады... Въ добрый часъ... Съ своей стороны я даю полное согласіе.. Конечно, на условіяхъ, о которыхъ будутъ говорить ваши и мои министры. Сынъ мой и не-вѣстка, полагаю, тоже порадуются... Даже увѣрена, зная ихъ расположеніе къ вамъ... Въ добрый часъ, мой кузенъ и будущій внукъ! Въ добрый часъ!

Густавъ почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку, но Екатерина привлекла и, какъ сына, поцѣловала его, ласково и нѣжно.

— Одинъ только вопросъ хотѣла бы я вамъ задать, ваше величество. Самый главный.. Какъ будетъ дѣло съ вѣрой моей внучки?..

— О, государыня, въ этомъ княжѣ будетъ предоставлена полная свобода. Я даю слово!

— Если такъ, завтра же я приму вашего посланника, который сдѣлаетъ оффиціальное предложеніе отъ имени не графа Гаги, а отъ Густава четвертаго, Адольфа, короля Швеціи, чтобы мы могли всенародно объявить о такомъ радостномъ событіи... А сейчасъ зовите всѣхъ, ведите свою невѣсту. Мы объявимъ имъ большую радость!

Молча, почтительно поклонившись, король двинулся къ группѣ остальныхъ гостей императрицы, которые издали наблюдали за необычайной сценой и не знали, можно имъ подойти, или нѣтъ.

* * *

Во вторникъ, 5-го сентября, при дворѣ праздновалось тезоименитство великой княгини Елисаветы. Но этотъ семейный праздникъ потонулъ въ другихъ, болѣе торжественныхъ событіяхъ, которыя наполнили весь шумный день.

Утромъ въ блестящей аудіенціи былъ принятъ посоль шведскій Штедингъ, который оффиціально, отъ имени короля Густава-Адольфа, просилъ руки княжны Александры Павловны.

Конечно, согласіе, данное при всѣхъ императрицей, было подтверждено матерью и отцомъ невѣсты, который для такого особеннаго момента долженъ былъ появиться среди блестящаго двора своей матери.

За параднымъ обѣдомъ провозглашались тосты. Женихъ и невѣста сидѣли рядомъ, оба конфузились, особенно

княжна, у которой порою даже слезы навертывались на глазахъ отъ смущенія и неловкости. И только встрѣчаясь глазами съ королемъ, она вся сіяла радостью и улыбкой.

Окружающіе, щадя дѣвушку, старались меньше обращать вниманія на влюбленную пару. Шумный разговоръ кипѣлъ волной, спорили о разныхъ предметахъ въ нѣсколькихъ концахъ стола, смотря по тому, кто тамъ сидѣлъ.

Зубовъ былъ героемъ дня и ликовалъ, пожалуй, больше, чѣмъ самъ юный женихъ.

Всѣ признавали, что эта радость, оживившая не только дворъ, но и полубольную государыню, — главнымъ образомъ создана стараніями фаворита.

Неожиданно, среди обѣда приблизился къ нему дежурный офицеръ и что-то шепнулъ на ухо.

— Ваше величество, тамъ курьеръ отъ брата Валеріана, изъ нашей побѣдоносной арміи, — почти вслухъ обратился Зубовъ къ императрицѣ, — разрѣшите позвать сюда?..

— О, непременно. Мнѣ почему-то думается, что вѣсти добрыя. А за столомъ въ такую хорошую минуту хватить мѣста и пріятнымъ вѣстямъ и вѣстнику.. Просите.

Зубовъ распорядился и черезъ нѣсколько минутъ ему принесли пакетъ, который онъ быстро раскрылъ, прочиталъ и передалъ государынѣ, которая радостно закивала головой, какъ только пробѣжала первыя строки. Потомъ лицо ея нѣсколько нахмурилось, но сейчасъ же приняло прежній, веселый, ласковый видъ.

— Не тайна, что за вѣсти получены изъ арміи? — не утерпѣлъ, спросилъ регентъ.

— О, пустяки. Братъ пишетъ намъ, что выигралъ сраженіе, овладѣли еще одной персидской областью и главнымъ въ ней городомъ, Шемахой.. А новаго ничего нѣтъ...

Регентъ незамѣтно переглянулся съ лордомъ Вайтвортомъ, сидящимъ напротивъ него, и задвигалъ углами рта, какъ будто проглотилъ что-то не совсѣмъ пріятное.

Начались тосты и поздравленія по случаю побѣды...

— Вы все прочли, генераль, — какъ бы мимоходомъ спросила Екатерина, видя, что гости занялись разговоромъ, — до конца?

— О, да, ваше величество. Тамъ Валеріанъ жалуется... Мало денегъ, мало войска... Не всю же армію сразу переправить туда. И безъ того онъ жалуется, что въ этихъ дикихъ горахъ трудно добывать провіантъ и фуражъ... А деньги?.. Мы послѣ поговоримъ, ваше величество?..

— Да, да, конечно... Пью здоровье моихъ героевъ-побѣдителей, далекихъ, но близкихъ намъ!

Тостъ былъ принятъ восторженно всѣми, кромѣ самого Зубова. Ему даже словно не понравилось, что въ эту минуту далекій братъ на нѣсколько мгновеній занялъ вниманіе государыни и всѣхъ присутствующихъ.

Обращаясь къ Вайтворту, словно желая подразнить англичанина, онъ спросилъ:

— Скажите, лордъ, вы знаете, вѣроятно, тѣ мѣста... Теперь, когда они покорены, будетъ, конечно, легко, возведя рядъ небольшихъ крѣпостей, къ веснѣ дончить покореніе всего Кавказа и потомъ перебросить къ Анапѣ значительный корпусъ?

— О, конечно, это было бы очень легко, если бы покореніе дѣйствительно завершилось. Но Кавказскія племена — неукротимые враги. Ихъ мало убить, надо повалить, чтобы они оставили ряды борцовъ... На этихъ кручахъ, на скалахъ... Съ ними сладить очень трудно, какъ было трудно намъ покорять горныя племена Индіи...

— Ну, тамъ совсѣмъ иное дѣло... Вы бросали горсть

солдатъ за тысячи, за нѣсколько тысячъ миль, черезъ океанъ... Безъ резервовъ, безъ связи съ королевствомъ... А у насъ другое дѣло... Путь лежитъ прямой, открытый, отъ границъ до самаго сердца Кавказа... Армія наша неисчислима... Отвага ея оцѣнена цѣлымъ міромъ... Я не хвалиться хочу... Но отдаю только должное...

— Что же, я не спорю, если это такъ... Я плохой знатокъ въ военныхъ дѣлахъ. Вотъ, пусть другіе.

— Мое мнѣніе,—заговорилъ прусскій посланникъ генералъ Граббе,—что съ горцами труднѣе будетъ справиться, чѣмъ съ персидскимъ гарнизономъ взятыхъ уже крѣпостей. Они будутъ защищать свою волю, свои углы. А это—самое опасное дѣло, воевать не съ арміей, а съ народомъ, если онъ защищаетъ свой домъ...

— Да мы и не тронемъ ихъ угла... Пусть признаютъ только власть нашей великой государыни, дадутъ намъ свободный путь къ берегу Чернаго моря... И будутъ жить не хуже, пожалуй, лучше, чѣмъ живутъ теперь, подъ властью своего шаха, или султана... Силой мы ихъ сломимъ... А потомъ дадимъ волю и миръ. За чѣмъ же имъ воевать, отчего не сдаться?

— Исламъ не велить, ваша свѣтлость!—снова ядовито вмѣшался лордъ Вайтвортъ.

— Мы ислама и не тронемъ... Въ имперіи великой Екатерины мѣсто для всякой вѣры... Крымъ служить примѣромъ тому...

— Крымъ вовсе не примѣръ...

Споръ разгорался, всѣ вмѣшались въ него.

Только Павелъ сидѣлъ, насупясь, и молчалъ.

Съ утра дулъ влажный, южный вѣтеръ, который особенно вліялъ на великаго князя.

Онъ дѣлался безпокойнымъ, раздражительнымъ, или чувствительнымъ до того, что могъ расплакаться отъ каждаго

пустяка. И въ дни, когда дуль южный теплый вѣтеръ, ни лѣтомъ, ни зимою онъ не показывался никуда, опасаясь проявить чѣмъ-нибудь свое особенное состояніе. Сегодня пришлось выѣхать и Павелъ дѣлалъ величайшія усилія, чтобы не прорваться какъ-нибудь. Все его раздражало. Казалось, всё что-то имѣютъ противъ него. Чувствуя постоянную робость передъ матерью, не желая окружающимъ, которыхъ почти сплошь считалъ врагами, дать противъ себя оружіе, онъ упорно молчалъ, отвѣчая односложно, когда къ нему обращались. Сейчасъ споръ заинтересовалъ его. Павелъ даже забылъ о своемъ тревожномъ настроеніи; то, что говорилъ Зубовъ, очень нравилось князю. Онъ, словно забывъ постоянную антипатію къ фавориту, порою одобрительно кивалъ головой, даже раскрывалъ ротъ, словно собираясь поддержать Зубова, но сейчасъ же сдерживался и молча слѣдилъ за споромъ.

Екатерина, умѣвшая замѣчать все кругомъ, уловила настроеніе Павла, пожелала использовать его и неожиданно обратилась къ сыну.

— Что же вы молчите? Всѣ высказываютъ свой взглядъ? Чье мнѣніе вы раздѣляете, ваше высочество?..

— Я!.. Что?.. Всѣ?.. Какъ?.. Я согласенъ съ мнѣніемъ Платона Александровича,—очень любезно, глядя на фаворита, неожиданно для всѣхъ заявилъ Павелъ.

Наступило мгновенное молчаніе. Павелъ постоянно держалъ себя очень осторожно съ фаворитомъ, но не высказывалъ особенной любви, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Зубовъ принялъ участіе въ планахъ о передачѣ трона юному Александру помимо отца...

Можетъ-быть, и сватовство дочери, состряпанное Зубовымъ, какъ казалось всѣмъ, подкупило недовѣрчиваго цесаревича.

Но онъ открыто выразилъ дружелюбное отношеніе къ Зубову.

Всѣ ждали, что отвѣтитъ фаворитъ.

— Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость? — вдругъ негромко, правда, спросилъ наглый временщикъ у Моркова, сидѣвшаго черезъ стулъ отъ него...

При случайной тишинѣ, эта фраза рѣзнула всѣхъ, какъ пощечина, данная публично Павлу.

Онъ, какъ и другіе, очевидно, уловилъ, разобралъ обидную фразу и только поблѣднѣлъ, какъ салфетка, которую тербиль своей нервной рукой.

Всѣ сразу заговорили, словно не слышали ничего. Сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не слышитъ, и самъ Павелъ...

Обѣдъ продолжался своимъ чередомъ...

Только Екатерина слегка укоризненно покачала головой, когда Зубовъ черезъ нѣсколько минутъ поглядѣлъ на нее, желая что-то сказать.

Фаворитъ съ виноватымъ видомъ, кротко улыбался, шепнулъ:

— Сорвалось! Языкъ мой — врагъ мой, матушка-государыня. Не буду больше...

Когда послѣ обѣда всѣ разбились на группы и подали кофе, невѣста очутилась рядомъ съ бабушкой.

Вообще весь этотъ день княжна слѣдила, какъ тѣнь, за государыней, словно птичка, ожидающая напасти, и жмушкаясь подъ крыло большой сильной птицы...

— Иди, иди сюда, садись, моя малютка. Ты что-то очень любишь меня нынче... А, и вы здѣсь, господинъ женихъ... Я еще кое-что имѣю за вами, дѣти мои... Вотъ, мы васъ поздравляли... А по русскому обычаю... Но, но, не краснѣй, малютка... Кофе нынче что-то горькій мнѣ подали... Ну, ну... подсластите его, дѣти мои...

— Надо поцѣловать невесту, господинъ Густавъ,— подсказала ему Марія Ѳедоровна, тоже подошедшая къ группѣ.

— О, если это...

Онъ сдѣлалъ движеніе. Княжна сначала отшатнулась было, потомъ съ тихой трогательной покорностью подняла головку, подставила свои пылающія губки, и юноша впился въ нихъ первымъ долгимъ поцѣлуемъ, осторожно обхвативъ рукой талию невесты, точно опасаясь сломить ее, какъ пѣщный ароматный цвѣтокъ, дыханіемъ котораго такъ сладко упивался сейчасъ.

Когда уста ихъ разомкнулись, княжна такъ и осталась, недвижимая, обезсиленная, прильнувшая головой и плечомъ къ широкой груди юноши. Потомъ, словно опомнилась, вскинула руками къ волосамъ,правила ихъ, хотя они были въ полномъ порядкѣ, кинулась къ креслу бабушки и и скрылась лицомъ у нея на плечѣ.

— Вотъ, вотъ... Чего ты это?.. При мнѣ поцѣловалась, при матери, съ женихомъ... Это не бѣда. Безъ людей не цѣлуйтесь... Ну, идите, гуляйте... Нечего вамъ тутъ.

И любовнымъ взоромъ проводили обѣ женщины, мать и бабушка, молодую парочку, которая, словно охваченная незнакомой раньше близостью, прижавшись другъ-къ-другу, удалялась по хрустящему песку садовой площадки къ послѣднимъ цвѣтамъ, доживающимъ свои дни на куртлинахъ дворцоваго цвѣтника...

И часто потомъ, въ теченіе четырехъ-пяти дней, аллеи Таврическаго парка, амбразуры глубокихъ оконъ, уголки Эрмитажа, тихіе и удаленные отъ толпы видѣли эту влюбленную парочку, рука съ рукой, съ горящими глазами, съ устами, ищущими поцѣлуя во всякую минуту, когда можно сорвать его украдкой отъ людскихъ завистливыхъ глазъ.

Ярко озарены уютные покои Эрмитажа, но чужихъ нѣтъ никого.

Государыня со своими обычными партнерами сидитъ за карточнымъ столомъ. Зубовъ, черная и худая «злючка» Протасова, графъ Строгановъ, составляютъ партію. Рядомъ— круглый, большой столъ. Александръ Павловичъ съ женой и Варварой Головиной, Константинъ, графъ Растопчинъ, оба брата Чарторыйскихъ, Адамъ и Константинъ, графъ Толстой и двѣ дежурныхъ фрейлины играютъ здѣсь въ «секретаря». Громкій, беззаботный смѣхъ раздается при чтеніи нѣкоторыхъ особенно забавныхъ, колкихъ или черезъ-чуръ нелѣпныхъ записочекъ...

Молоденькая рѣзвая Анна Федоровна, поссорясь съ своимъ взбалмошнымъ «мужемъ» 17-ти лѣтъ, сидитъ поодаль, наигрываетъ на гитарѣ новый романсъ, а Санти стоитъ рядомъ и показываетъ ей, какъ братъ звучитъ аккорды.

И пухленькіе, короткіе еще пальчики 15-лѣтней замужней женщины старательно захватываютъ переборы струнъ...

Генеральша Ливенъ, Елена Павловна и Марія Федоровна готовятъ пасту изъ бумаги, для слѣпковъ, которые любить дѣлать императрица съ античныхъ медальоновъ, камней, потомъ надѣлая своими снимками близкихъ друзей.

Регентъ и Штедингъ гуляютъ по обширному покою, разглядывая картины и медальоны, которыми увѣшаны кругомъ стѣны.

Въ сторонѣ, на небольшомъ диванчикѣ, за группой растеній въ кадкахъ сидитъ княжна Александра со своимъ женихомъ.

Они забыли объ окружающихъ... Дѣвушка молча глядитъ на жениха, слушаетъ, что онъ ей говоритъ.

А юноша рисуетъ ей картины далекой, любимой своей родины, бурное море, глубокіе фіорды, незакатныя ночи полярнаго лѣта... Говоритъ о своихъ планахъ, о будущихъ

завоеваніяхъ... Тѣнь Карла XII не даетъ покоя юному мечтателю.

— Я хочу сдѣлать Швецію самымъ сильнымъ королевствомъ на сѣверѣ Европы, понимаете, княжна. Будутъ двѣ державы: Россія и Швеція... Когда-то передъ шведскими викингами, передъ удалцами сѣвера трепетала Европа. Карль наполнилъ славою своей полъ-міра. Я не хочу ему уступить... Ради моей родины, ради васъ я совершу много подвиговъ... Вы представляете себѣ, какъ это будетъ хорошо?

— О, да... я вижу...

Онъ много, долго говорить, она слушаетъ и смотритъ на него.

Мать и генеральша Ливенъ наблюдаютъ за парочкой, обмѣниваются взглядами, радостными улыбками.

Марія Федоровна поднялась, подошла къ регенту, который уже осмотрѣлъ всѣ стѣны и видимо скучалъ:

— Не желаете ли, господа, пойти покурить въ диванной?.. Я знаю, вы привыкли, герцога... Вотъ, прямо, сюда... Первая дверь направо...

Проводивъ мужчинъ, княгиня садится у небольшого столика, на которомъ лежитъ бумага, стоитъ письменный приборъ, и начинаетъ набрасывать строку за строкой... Все, что видитъ ея любящій, зоркій глазъ матери, что радуется ея сердцу, она хочетъ передать своему мужу, который остался одинъ въ темномъ, мрачномъ и сыромъ Павловскомъ дворцѣ... Теперь, въ эту минуту, всѣхъ любить и жалѣть счастливая мать... Не виноватъ и Павелъ, что онъ родился такимъ слабымъ, болѣзненнымъ, неуравновѣшеннымъ въ душѣ... Надо порадовать отца...

И быстро скользитъ перо по бумагѣ, ровно, четко ложатся мелко-написанныя строки ласковой супружеской записки...

Варвара Головна, оторвавшись отъ игры, прошла куда-то, вернулась... Ее на пути подозвала къ себѣ государыня:

— Ну, что молодежь, весело вамъ? Смѣтеться?

— Очень. . . Ужъ, не взыщите, ваше величество. До слезъ весело...

— До слезъ? Если весело до слезъ, это ничего. А влюбленные какъ? Воркуютъ?

— Ужъ половину гнѣздышка свили, ваше величество. Диваны вамъ растреплютъ, того и гляди...

— Пускай... А что вчера, на обѣдѣ у Александра? Ты была? Какъ они? Что ввучка?

— Охъ, просто ужасъ, ваше величество... Всѣ старанія генеральши Ливенъ оказались напрасными... Воспитаніе ея ни къ чему не привело. Это такая особа, наша маленькая Александрина... совершенно испорченная. Уединяется съ молодымъ человѣкомъ... Вѣрите ли, я подозреваю, что она даже цѣлуется съ нимъ, если выпадетъ удобная минутка...

— Право? Не можетъ быть?!

— Мнѣ кажется, я не ошиблась, ваше величество... А онъ?! Это—дивній людоедъ какой-то, а не христіанскій государь... За ужиномъ — не пилъ и не ѣлъ ничего, какъ мы всѣ. А пожиралъ глазами великую княжну. Какъ она цѣла осталась—Богъ вѣдаетъ.

— Удивительно! Ну, ступай, играй, секретничай тамъ, болтушка. Только знай, что и твои секреты я всѣ знаю... Потомъ, потомъ... Ступай...

Звенить золото, переходя изъ красивыхъ рукъ государыни къ ея партнерамъ, которымъ она охотно проигрываетъ партію за партіей...

Звенять и рокочуть мелодично, негромко струны гитары...

Звучить за цвѣтами юный голосъ короля, который дѣлится съ невѣстой своими грезами.

И вдругъ неожиданно онъ задаетъ ей вопросъ, словно мимоходомъ:

— А, скажите: когда намъ придется въ день коронаціи пріобщаться... Вы будете пріобщаться вмѣстѣ со мною, какъ королева моего вѣрнаго гарода?..

— Вмѣстѣ съ вами? Пріобщаться, какъ вы?.. Конечно... Охотно... если это можно. И если бабушка на это согласна. Мы всѣ слушаемъ бабушку...

Темная тѣнь мелькнула на блѣдномъ лицѣ юноши-короля. Но онъ быстро овладѣлъ собой... Слова ласково касаются руки дѣвушки, беретъ ее въ свою руку и начинаетъ новый разговоръ о томъ, что было, что должно еще свершиться... Чего никогда не было, но о чемъ онъ грезить порой...

* * *

Въ этотъ же вечеръ Марія Федоровна приписала въ запискѣ, приготовленной для мужа: „Добрый и дорогой другъ мой! Возблагодаримъ Господа: обрученіе назначено на вечеръ понедѣльника, въ брилліантовой гостиной... Обручать будетъ митрополитъ. Послѣ обрученья состоится балъ въ тронной залѣ. Маша“.

* * *

Наканунѣ обрученья женихъ цѣлый вечеръ провелъ въ семьѣ невесты, одинъ, безъ регента, который, словно неусыпный стражъ, сопровождалъ его всюду и вездѣ.

Подъ зоркимъ взглядомъ суроваго отца король невольно чувствовалъ стѣсненіе, хотя Павелъ проявилъ особое вниманіе, почти нѣжность къ будущему зятю.

Только передъ самымъ ужиномъ, когда обѣ княжны, Марія Федоровна и король очутились нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, обособленной группой, влюбленные заговорили живѣе, задушевноѣе.



Король Шведскій ГУСТАВЪ IV.



Вел. Княжна АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

— Что нынче съ вами? Вы, можетъ быть, не совсѣмъ здоровы?—вдругъ спросила юношу княжна, обычно никогда не задававшая вопросовъ; глаза ея съ тревогой остановились на лицѣ короля, вспыхнувшимъ отъ неожиданности.

Дѣйствительно, кромѣ стѣсненія, какое всѣ почти испытывали въ присутствіи Павла, когда бывали у него, король былъ суровѣе, мрачнѣе обыкновеннаго. Какая-то, совсѣмъ непривычная, скорбная черточка пролегла у рта... Брови часто сходились, хмурились, какъ-будто тяжелую задачу рѣшалъ про себя король.

Такъ можетъ выглядѣть вождь передъ рѣшительнымъ боемъ или человѣкъ, стоящій на переломѣ своей жизни, игрокъ, поставившій на карту многое и наблюдающій, куда ляжетъ его карта, направо, или налево. Бита или дана...

Помолчавъ, юноша поднялъ на дѣвушку грустный взглядъ; въ обычному выраженію удовольствія и любви примѣшивалась какая-то жалость, печаль.

— А вы сами не знаете, почему мнѣ не по себѣ, княжна? Я здоровъ, но... у меня грустныя мысли рождаются въ душѣ...

— Теперь, у васъ? Господинъ Густавъ, этого быть не должно и не можетъ... Въ эти годы, когда вы любите и васъ любятъ... Не краснѣй, малютка. Твоя мама можетъ это сказать. И вы скоро будете вполне счастливы... Мѣсяца не осталось ждать, какъ вы—совершеннолѣтній, король! Надъ вами никакой, хотя бы самой легкой опеки...

— Да, черезъ три недѣли и три дня опека кончается... Соберутся генеральные штаты... Я — король! Но я не о томъ. Меня печалитъ разлука! — какимъ-то особеннымъ, напряженнымъ тономъ произнесъ женихъ, словно удерживалъ слезы, готовыя задрожать на глазахъ, прорваться въ звукахъ его рѣчей.

— Разлука?—грустнымъ нѣжнымъ эхомъ откликнулась

княжна, тоже поблѣднѣла, опустила головку. Потухли сверкающіе радостью и огнемъ глаза.

— Да, почему разлука? И какая? Надолго-ли, господинъ Густавъ? Вѣдь, это отъ васъ зависить... Небольшая отлучка—еще не разлука. Да, и безъ нея можно обойтись...

— Нѣтъ, ваше высочество. Придется разстаться мѣсяцевъ на семь, на восемь... Такъ мы съ регентомъ полагаемъ... Свадьбу можно устроить только весной...

— Да, съ регентомъ?! Ну, это другое дѣло... Все таки, почему столько мѣсяцевъ, не пожелаете ли сказать? Вотъ, посмотрите, Александрина уже готова заплакать...

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я, мама... Если надо... Я... я буду ждать.

— Разумѣется. Никто и не говоритъ, мое дитя. Я такъ спросила мосье Густава... А по моему, срокъ можно сократить. Взять и обвѣнчаться теперь же!

— Я вамъ скажу, ваше высочество. Уѣзжая, мы не думали, чтобы все такъ благополучно и скоро устроилось,— глядя скорѣе на дѣвушку, словно ее желая успокоить, заговорилъ король:—Дворецъ мой совсѣмъ въ запущенномъ видѣ, не отдѣланъ, чтобы принять мою прелестную, милую королеву, какъ подобаетъ... Какъ я хотѣлъ!

— Пустое! Совершенные пустяки, мосье Густавъ! Дворъ собрать не долго, особенно ради такого событія. А дворецъ? Спросите вашу невѣсту... Если кто любить кого, тотъ не обращаетъ вниманія на отдѣлку покоевъ... Не правда ли, малютка? Видите, какъ радостно она закивала головой... Маленькой, глупенькой... влюбленной головкой... Не упрямитесь, мой другъ. Слушайте того больше, что говоритъ ваше юное чуткое сердце. Оно порою бываетъ умнѣ всѣхъ дипломатовъ и регентовъ въ мірѣ... Не хочу обижать никого! Вы женитесь! Малютка поѣдетъ съ вами—и дѣло съ концомъ!..

— Со мной?! Теперь?—вдругъ съ блескомъ въ глазахъ,

охваченный какимъ-то новымъ порывомъ, переспросилъ король. И сейчасъ же снова потемнѣлъ.—Это невозможно. Осенью море такъ опасно.

Мать замолчала, не находя возраженій. И среди наступившей въ этомъ уголкѣ тишины робкимъ звенящимъ звукомъ пронеслись слова, какъ-будто противъ воли слетѣвшія съ розовыхъ дѣтскихъ губъ княжны:

— Съ вами—мнѣ ничего не страшно.

Король протянулъ руку, взялъ холодные пальцы невѣсты, слился взоромъ съ ея расширенными, потемнѣлыми, испуганными и счастливыми глазами.

Казалось, сейчасъ она глядитъ въ самую душу юноши, читаетъ тамъ самыя тайныя его мысли. И эта робкая, звенящая мольба, этотъ полувздохъ, полупросьба—было послѣдней попыткой отстоять свое счастье, побороть то неминуемое, злое, грозящее впереди, отчего блѣднымъ и сумрачнымъ стало теперь лицо юноши.

Мать чувствовала, что происходитъ нѣчто особенное. Но ея уравновѣшенная, спокойная, германская натура не могла уловить тонкихъ изгибовъ этихъ юныхъ, но уже надломленныхъ чѣмъ-то душъ.

И, видя только колебанія юноши, она снова заговорила:

— Довѣрьтесь мнѣ, мосье Густавъ. Я женщина, но—я мать! Хотите, чтобы я поговорила съ императрицей? И все будетъ улажено. Если есть возраженія со стороны вашего дяди, она сумѣетъ устраничь ихъ...

— О, да, прошу васъ,—слишкомъ поспѣшно, какъ-то дѣлано, съ показной радостью и оживленіемъ согласился король, — правда, поговорьте съ императрицей. Она такъ умна. Какъ рѣшить, такъ пусть и будетъ... И если это случится, я буду очень радъ... Я такъ буду радъ!— снова съ искреннимъ порывомъ повторилъ онъ. — А вы, Александрина?

— О, сирь!..

— Ну, вопросъ конченъ. Я должна васъ на минуту оставить, дѣти. Пора ужинать. Великій князь не переносить, если опаздываютъ звать къ столу. Я сейчасъ... Идемъ, Лена.

Младшая княжна поднялась и пошла за матерью.

— Такъ, вы не боитесь ничего со мною, Александрина? Правда?

— Правда, сирь...

— А, если бы пришлось умереть, утонуть въ морѣ...

— Вамъ утонуть?.. Помилуй Боже!..

— Нѣтъ, вамъ со мною... Намъ вмѣстѣ...

— Вмѣстѣ?! Ну, что-же... Значить, такъ велѣлъ Богъ.

— А вы очень вѣрите въ Него?

— Да. Меня такъ учили. Онъ добрый... Онъ даетъ намъ столько радостей...

Дѣвушка поглядѣла прямо въ глаза жениху.

— И столько горя, Александрина!.. Конечно, вы дитя... Вы видите пока только радость!—наставительно произнесъ юный скептикъ. И сейчасъ же вернулся къ своему главному вопросу:

— А меня вы очень любите, Александрина?

— О, да!

— Значить, мы будемъ жить мирно, хорошо?.. И вы будете слушать меня, что бы я вамъ ни сказалъ?

— О, да. Генеральша и мама мнѣ говорили, что жена во всемъ должна исполнять волю мужа. Такъ велѣлъ Господь...

— А ваше сердце что вамъ говоритъ, Александрина?

— Я буду слушать васъ,—тихо отвѣтила дѣвушка.

— Чтобы я ни сказалъ?!—взявъ руку дѣвушки, спросилъ настойчиво король.

— Да. Бабушка мнѣ говорила, что вы благородный, добрый... И никогда не потребуете отъ меня чего-нибудь такого, въ чемъ я должна была бы вамъ отказать...

— Ахъ, бабушка это говорила? Она очень умная, ваша бабушка... А... Что еще она говорила вамъ? Не можете-ли подѣлиться со мной?..

— Больше о вѣрѣ... Говорила, что я должна строго держаться нашей, греческой вѣры. Что Богъ не любитъ, если измѣняютъ безъ причины родную вѣру... Что нашъ народъ очень ревнивъ къ своей религіи... И слѣдить, какъ мы, какъ сама императрица относится къ вѣрѣ. И если я перемѣнила бы вѣру, въ народѣ будутъ говорить, что царская семья остыла къ религіи. Это будетъ опасно для трона... И много еще говорила мнѣ...

— Она очень умна, ваша бабушка. Но, все-таки, вы даете мнѣ слово, что будете слушать своего мужа и короля, когда насъ повѣнчаютъ? Да, Александрина?

— Даю! — протягивая свою тонкую руку, отвѣтила княжна:—Да, развѣ можетъ-быть иначе? Вотъ, мама. Иногда папа бываетъ боленъ, раздражителенъ. А она только и думаетъ, какъ бы исполнить все, что онъ желаетъ... А я... для васъ...

— Вѣрю. Ну, хорошо. Въ добрый часъ. Завтра—наше обрученье... А тамъ? Посмотримъ, что скажетъ завтрашній день... Но, идемте. Зовутъ ужинать... Мама... ея величество киваетъ намъ... Идемте...

И нѣжно, бережно, какъ больную, повель къ столу король свою невѣсту.

За столомъ былъ весель, шутливъ, какъ никогда. Ласково говорилъ съ княжной, не стѣсняясь ни присутствія Павла, ни всѣхъ окружающихъ.

Радостная, счастливая ушла спать послѣ вечера княжна. Еще никогда не была она такъ довольна.

А ночью, вдругъ, ей приснился тяжелый, страшный сонъ. Она проснулась, вся въ слезахъ, тряслась и плакала, сидя

на постели... И никакъ не могла вспомнить, что ей снилось сейчасъ. Какой ужасъ вызвалъ эту дрожь, эти слезы?

* * *

Обрученіе назначено было въ 7 часовъ. Но, задолго до этого, начался усиленный съѣздъ къ разнымъ подъѣздамъ Зимняго дворца.

Въ тяжелой запыленной дорожной каретѣ примчался новгородскій митрополитъ, сдѣлавшій въ теченіе сутокъ двѣсти верстъ до столицы.

Пріѣхала вся семья Павла съ невѣстой, съ нимъ самимъ во главѣ. Министры, послы, ближайшіе сановники собирались понемногу къ малому подъѣзду.

Но подъѣзжала и большая публика, приглашенная на балъ, который послѣ обрученія былъ назначенъ въ тронной залѣ.

Императрицу изъ Таврическаго дворца ожидали къ самому часу обрученія.

Но она пріѣхала раньше, чтобы посмотреть нарядъ невѣсты, украсить ее брилліантами, узнать, какъ принять регентомъ и королемъ брачный договоръ, который къ шести часамъ Морковъ повезъ имъ обоимъ, для предварительнаго прочтенія.

Вялый на видъ, со своей обычно-тягучей, медлительной рѣчью Морковъ обладалъ особенной гибкостью, корректнымъ безстыдствомъ, необходимымъ въ нѣкоторыхъ особенно-щекотливыхъ и запутанныхъ дѣлахъ. Выражая готовность жертвовать своимъ самолюбіемъ, покоемъ, честью для удобства и блага покровителей, этотъ интриганъ сумѣлъ втереться къ Безбородкѣ, потомъ предалъ его спокойно, со своей обычной пассивной и вялой миной и сталъ гончимъ псомъ, креатурой, но часто и вдохновителемъ всевластнаго фаворита, послѣдняго любимца Екатерины.

Теперь только холопъ Морковъ съ несокрушаемымъ безстыдствомъ могъ явиться къ королю и его регенту, къ послу и членамъ посольства, которые сидѣли въ торжественномъ молчаніи, только онъ могъ начать своимъ вялымъ голосомъ чтеніе брачнаго договора, составленнаго завѣдомо неправильно. И его, и Зубова, и даже Екатерину успокаивала мысль, что дѣло зашло слишкомъ далеко. Въ такую минуту юный король и его хитрый регентъ не рѣшатся на крайнія мѣры и будетъ подписано то, чего не подписалъ бы Густавъ въ иную минуту.

Учитывая эту психологію, громко, внятно по возможности, огласилъ Морковъ статьи брачнаго договора.

Молча, съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ его сидящіе вокругъ.

Только изрѣдка регентъ бросаетъ бѣглый взглядъ своихъ прищуренныхъ, хитрыхъ глазъ на племянника, словно повторяя одну и ту-же мысль:

— Что? Видишь! Говорилъ я тебѣ.

Король на это каждый разъ только чуть-чуть закусываетъ свои полныя губы, желая не выдать охватившаго его волненія.

Смольло небрежно - четкое, устало - протяжное чтеніе Моркова.

Шведы сидятъ, уперевъ въ землю глаза, словно тамъ написано то, что они собираются сказать, но неясно; и стараются дипломаты разобрать спутанные знаки.

Морковъ даже поежился отъ тяжелаго, продолжительнаго молчанія, наступившаго послѣ его чтенія, и съ легкимъ вопросительнымъ звукомъ поглядѣлъ на регента.

Тотъ, держа сложенные руки на обширномъ животѣ, непроницаемый, холодный и необычно-серьезный, только повелъ глазами въ сторону короля, какъ бы поясняя, что слово за нимъ.

Не сразу рѣшился поднять Морковъ глаза на юношу. Даже ему теперь показалось, что отсюда грозить что-то недоброе, неожиданное, что можетъ разбить всѣ хитрые планы, можетъ опрокинуть старанія и мудрые ходы многодневной политики.

И онъ угадалъ.

Король заговорилъ холодно, властно, хотя и негромко.

— Долженъ признаться, графъ, я удивленъ. Въ этомъ договорѣ есть вещи, о которыхъ не было ничего условлено между императрицей и мною при послѣднемъ свиданіи нашемъ. Поэтому я вынужденъ задать вопросъ, отъ нея-ли вы докладывали мнѣ эту бумагу для подписи.

Юркіе, острые глаза Моркова остановились, словно онъ увидѣлъ что-то очень опасное.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ съ поклономъ произнесъ:

— Конечно, сирь.

— Въ такомъ случаѣ передайте императрицѣ, что я не могу этого подписать! Именно, двухъ пунктовъ. Что касается религіи княжны, я говорилъ императрицѣ... Я не намѣренъ стѣснять личной свободы и убѣжденій. Пусть исповѣдуется вѣру отцовъ. Но имѣть ей въ королевскомъ дворцѣ свою часовню съ особымъ причтомъ, — этого нельзя. И, кромѣ того, шведская королева публично должна слѣдовать всѣмъ предписаніямъ религіи, господствующей въ моей странѣ, лютеранской! Второй пунктъ, секретный, отъ союза союза Франціи, — тоже не приемлемъ. Для насъ не тайна, что нами раньше подписанъ именно съ Франціей дружескій, мирный договоръ... Я все сказалъ. Такъ прошу передать государынѣ.

Молча, убитый, растерянный, собралъ бумаги Морковъ, отелаялся и вышелъ...

Стрѣлой кинулся онъ къ Зубову, вызвалъ его и, доло-

живъ все, ждалъ, что теперь сдѣлаетъ, какъ прикажетъ дѣйствовать фаворитъ.

— Это вы втянули меня, — прошипѣлъ сначала Зубовъ, — вы увѣрили, что мальчикъ уступитъ... Ну, теперь поѣзжайте, уговаривайте. Возьмите съ собой кого-нибудь.

— Императрица уже волнуется. Часъ прошелъ... Ихъ нѣтъ. Я ей скажу, что вышла заминка съ договоромъ, что они сейчасъ придутъ... Спѣшите, скорѣй... Возьмите Безбородку, Будберга, кого хотите... Скорѣй!..

И, принявъ спокойный холодный видъ, Зубовъ вернулся къ императрицѣ, сталъ ей что-то успокоительно шептать.

Всѣ, сидящіе и стоящіе кругомъ, тоже тревожились, удивлялись отерочкѣ. Восковая блѣдность легла на личико княжны. Синіе круги обрамляли печальные напуганные глаза.

Бабушка подозвала внучку и шепнула ей:

— Пустяки. Онъ здоровъ, сейчасъ приѣдетъ... Тамъ какія-то формальности договора. Онъ скоро явится. Будь умницей. Держись бодрѣ!

Въ это время Морковъ уже снова явился къ королю въ сопровожденіи цѣлой блестящей свиты: Безбородко, Будбергъ, Шуваловъ, Нарышкинъ явились образумить короля, просить Штедингга, Регента, шведовъ, чтобы они повліяли на юношу.

— Ваше величество, — робко, смиренно, совсѣмъ новымъ тономъ обратился къ нему Морковъ, — извольте сами разбудить... Императрица въ тронной залѣ... Окружена всѣмъ дворомъ... Столько чужихъ, совершенно постороннихъ лицъ. Ни о чемъ важномъ съ нею сейчасъ говорить нельзя... невозможно, ваше величество... Сами подумайте... Императрица ждетъ вашего появленія... Ваше величество не пожелаете такого разрыва, который явится небывалымъ... неслыханнымъ оскорбленіемъ для императрицы... для великой княжны

съ ея семьей... Для цѣлой имперіи, ваше величество, — это явится тяжкой... ничѣмъ не смываемой обидой...

— Да покараетъ меня Господь и святой Георгій, если я думаю оскорблять императрицу, вашъ народъ, или... тѣмъ болѣе, великую княжну Александрину. Я явлюсь, куда зоветъ меня мой долгъ, мое королевское слово. Но, подписать того, чего не надо, я не подпишу! И пусть самъ Рокъ, въ который я вѣрю, рѣшитъ, правъ я или нѣтъ. На себя принимаю послѣдствія всего, что происходитъ въ настоящую минуту, хотя долженъ сказать вамъ, г. Морковъ, — съ нескрываемой непріязнью, глядя на креатуру Зубова, прибавилъ король, — я за тяжесть этой минуты вины не принимаю на себя. Не мною создано настоящее положеніе. И такъ: могу я ѣхать?

— Безъ подписанія брачныхъ статей?.. Врядъ-ли, ваше величество... Я не знаю... Я еще попробую... Я сейчасъ...

Пока Морковъ мчался снова къ Зубову, всѣ, пріѣхавшіе съ нимъ, стали убѣждать короля измѣнить рѣшеніе.

Юноша молчалъ, или отдѣлывался короткими отвѣтами:

— Я не могу. Мы съ императрицей вырѣшили условія. Другихъ я не приму...

— Но, это, очевидно, недоразумѣніе. Все выяснится... Потомъ...

— Потомъ я и подпишу, когда договоръ будетъ ясный...

Шведы съ Штединггомъ подошли къ королю и стали съ нимъ говорить, тоже склоняя къ уступкамъ.

— Отчего вы молчите, ваше высочество, — обратились русскіе къ регенту. Скажите ваше слово...

— Боже мой! Развѣ я не говорилъ?.. Онъ такой упрямый... Вотъ, сами увидите. Я еще попробую сейчасъ...

Онъ подошелъ къ королю, взялъ за талію и оба пошли по комнатѣ.

Герцогъ о чемъ-то негромко, убѣдительно толковалъ королю.

Русскимъ казалось, что онъ уговариваетъ его согласиться.

Шведы, успѣвшіе уловить кое-что, удивленно переглядывались.

Вдругъ Густавъ, освободившись отъ руки дяди, громко и рѣшительно произнесъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу. Не подпишу!..

И отошелъ къ окну, откинувъ край занавѣса, сталъ глядѣть на людную, оживленную улицу.

Регентъ, ничего не говоря, поглядѣлъ въ сторону русскихъ и сокрушенно пожалъ плечами.

Въ эту минуту Морковъ снова ворвался въ покой.

— Вотъ, ваше величество... вотъ... Государыня готова измѣнить... Можно безъ договора... Благоволите только... Вотъ, подписать эти нѣсколько строкъ... Надѣюсь, теперь, Богъ дастъ, все будетъ хорошо... Надѣюсь, слава Господу... теперь...

— Хорошо... хорошо. Читайте, что тамъ опять у васъ? Какая бумага?

— Двѣ строчки, ваше величество... Ваше высочество, прослушайте. Двѣ строчки. Пустыя самыя... вотъ. Императрица желаетъ, чтобы скорѣе все было кончено... Вотъ.

— Читайте. Мы слушаемъ...

Всѣ сгруппировались вокругъ Моркова и короля, который продолжалъ стоять.

Съ одной стороны шведы, въ своихъ красивыхъ, но скромныхъ, темнаго цвѣта, кафтанахъ. А противъ нихъ—залитые золотомъ, брилліантами, съ кружевными брыжжами и жабо, съ широкими лентами черезъ плечо, русскіе вельможи, по такому необычайному поводу сошедшіеся въ этой комнатѣ, въ этотъ часъ.

Громко, нервно, напряженно, совѣмъ непривычнымъ образомъ, Морковь прочель: „Проектъ статьи о вѣрѣ“.

„Я, Густавъ IV, король Швеціи и пр., торжественно обѣщаю предоставить ея императорскому высочеству, государынѣ, великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, какъ будущей супругѣ и шведской королевѣ, свободу совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она родилась и воспитана и прошу ваше величество смотрѣть на это обѣщаніе, какъ на самый обязательный актъ, какой я могъ подписать“. — Вотъ и все... Можетъ-быть, ваше величество, ваше вычество, пожелаете тутъ какія-нибудь слова измѣнить... подробности... Благоволите... И извольте подписать... И все кончено.. Тамъ ждуть... Весь городъ... Вотъ, ваше величество... Прикажете начисто переписать? Или это хотите?..

— Нѣтъ, я ничего не хочу. И ничего не подпишу! Объ этомъ тоже не было рѣчей... Вотъ, передайте императрицѣ... я сейчасъ напишу... Это все, что я могу сдѣлать... Вотъ. Если это удовлетворитъ государыню, хорошо. Если же нѣтъ? Вина не моя!.. Вотъ...

Быстро подойдя къ столу, опершись только колѣномъ на кресло, онъ набросалъ на листкѣ нѣсколько размашистыхъ, строевъ своимъ неровнымъ еще, нервнымъ почеркомъ.

Въ запискѣ стояло, безъ всякаго обращенія:

„Давъ уже мое честное слово ея императорскому величеству, — въ томъ, что великая княжна Александра никогда не будетъ стѣснена въ вопросахъ совѣсти, касательно религіи, и такъ какъ мнѣ казалось, что ея величество этимъ довольна, то я увѣренъ и теперь, что императрица нисколько не сомнѣвается въ томъ, что я достаточно знаю священные законы, которые предписываютъ мнѣ это обязательство и всякая другая записка отъ меня становится всецѣло излишней. Густавъ Адольфъ IV, 22 сентября 1796 года“.

— Вот все, что я могу написать, — подавал раскрытым листок Моркову, а Безбородкѣ, сказалъ король и отошелъ отъ стола.

Морковъ почти выхватилъ записку изъ рукъ Безбородки и кинулся вонъ.

Безбородко медленно пошелъ за нимъ.

— Ваше величество, — заговорилъ Будбергъ, взявъ въ руки „проектъ“ общанія, оставленный на столѣ, — неужели и эта бумага такъ пугаетъ васъ? Тутъ же нѣтъ никакихъ обязательствъ... Только точно выражена ваша собственная мысль... Еще короче и прямѣе. Ни о чемъ не говорится, какъ о оводѣ совѣсти... религіи... Говорится...

— Такъ, какъ желаетъ императрица, ея митрополитъ и всѣ попы, а не такъ, какъ желаю и могу выразить это я, король Швеціи и моего народа, который тоже глубоко и горячо вѣритъ въ свой законъ.

— Но, тутъ нѣтъ обязательствъ, непріемлемыхъ для васъ, государь! Стоитъ подписать эти строки, и все будетъ устроено... Мы молимъ васъ, государь... Не ставьте въ тяжелое, въ опасное положеніе и себя, и вашу родину вмѣстѣ съ нами... Подумайте, ваше величество! — на перебой стали убѣждать юношу русскіе, окруживъ его почти со всѣхъ сторонъ.

Непривычный къ подобной настойчивости, упрямый и вспыльчивый по натурѣ, Густавъ вдругъ выпрямился, окинулъ всѣхъ властнымъ, холоднымъ взглядомъ и отчеканилъ:

— Нѣтъ! Не подпишу я ничего противнаго законамъ моей страны!

Повернулся и скрылся за дверь своей комнаты, щелкнувъ замкомъ.

Русскіе стояли, ошеломленные, растерянные.

— Какая дерзость! — только и вырвалось у Шувалова.

Молча откланявшись регенту, Штедингу, шведамъ, всѣ вышли и поспѣшили во дворецъ.

— Что-то тамъ творится? Что тамъ дѣлается?—думалъ каждый про себя.

Имъ навстрѣчу мчался снова Морковъ, посланный для послѣдней попытки.

Было уже около 10 часовъ вечера.

Два съ лишнимъ часа ждалъ весь дворъ, чѣмъ разрѣшится загадочное смятеніе.

Архіереи, священники, весь клиръ изнемогали въ своихъ блестящихъ одѣяніяхъ.

Что дѣлалось съ государыней—видѣли всѣ.

Лицо у нея сразу осунулось, постарѣло такъ сильно, что страхъ охватилъ окружающихъ. День обѣщалъ кончиться очень печально.

Не успѣли вельможи, пріѣхавшіе отъ короля, войти осторожно въ покой, гдѣ сидѣла государыня, какъ къ нимъ двинулся Зубовъ:

— Ну, что?

— Намъ не удалось. Онъ прямо безумный... Совсѣмъ съ ума сошелъ... Или настроилъ его кто-нибудь очень сильно. Узнать нельзя мальчишку, такого тихаго, спокойнаго, разсудительнаго до сихъ поръ... Что скажетъ Морковъ?

— Да, да... Я еще послалъ... Да, вотъ и онъ... Ну, что, говорите..

Морковъ, зеленый отъ смущенія, отъ страха, еле проговорилъ:

— Даже не раскрылъ дверей...

— Надо доложить государынѣ... Идемте со мной...

И Зубовъ, блѣдный, взволнованный, тихо пошелъ къ вреслу Екатерины.

Морковъ слѣдовалъ за нимъ, какъ приговоренный на плаху.

— Ваше величество... Вотъ, онъ... графъ говорить... Король подписывать ничего не желаетъ... Онъ заперся у себя.. онъ не прїѣдетъ нынче!..

Екатерина стремительно поднялась, погнувъ свою трость, раскрыла ротъ, но ни звука не вырвалось изъ пересохшей сразу гортани.

Зотовъ, очевидно стоящій на готовъ, подбѣжалъ со стаканомъ воды.

Отпивъ судорожно два-три глотка, Екатерина сдѣлала движеніе къ Моркову и хрипло, невнятно, еле говорила:

— Нѣтъ?.. Онъ... Это ты... ты все... увѣрилъ меня и всѣхъ... ты...

Тростью она ткнула въ ноги съжившагося придворнаго разъ, другой, словно хотѣла подчеркнуть свое гнѣвное, презрительное „ты“... Безбородко, желая закрыть тяжелую, дикую сцену отъ остальныхъ, кинулся между нею и Морковымъ.

Едва сдержавшись, переведя дыханіе, Екатерина только произнесла глухо:

— Ну, проучу же я этого мальчи...

Не договорила, пошатнулась. Лицо у нея покраснѣло, ротъ слегка перекосялся.

Напуганный Zubovъ и Нарышкинъ подхватили подъ руки и увели въ спальню, куда побѣжалъ и Роджерсонъ, бывшій въ числѣ свиты...

Легкій ударъ поразилъ разгнѣванную государыню.

Вернувшійся Zubovъ приказалъ всѣмъ объявить, что по нездоровью жениха обрученіе откладывается.

Всѣ разошлись, смущенные, негодующіе.

Настоящая причина быстро стала извѣстна во дворцѣ, въ цѣломъ городѣ.

Имя Zubova и Моркова не сходило съ языка у послѣдняго

обывателя столицы. Ихъ проклинали, осмѣивали, осуждали всѣ за-одно.

Винили и государыню, которая такъ неосторожно довѣрилась двумъ верхоглядамъ въ этомъ важномъ щекотливомъ вопросѣ.

Въ общей суматохѣ мало кто подумалъ о юной невѣстѣ.

Съ мертвенно-блѣднымъ, кроткимъ, недоумѣвающимъ личикомъ дошла она до своей комнаты, отведенной тутъ же, во дворцѣ.

И сразу, потокомъ хлынули слезы изъ этихъ испуганныхъ большихъ глазъ; отъ рыданій, которыя давно уже клокотали внутри, трепетала и рвалась грудь.

Ни мать, ни окружающія фрейлены, воспитательницы, сестра, никто не могъ успокоить рыдающей малютки, остановить этихъ слезъ.

А Павелъ, весь сжавшійся, съ надыбленными бровями, съ головой, ушедшей въ узкія плечи, словно собираясь сдѣлать на кого-то смертельный скачокъ, мчался одинъ въ свой мрачный, пустынный теперь совсѣмъ дворецъ!..

VII.

Послѣдніе дни.

Долго спустя послѣ полуночи, Перекусихина, Роджерсонъ, Протасова со своими племянницами, всѣ близкія къ Екатеринѣ лица хлопотали, стараясь помочь больной государынѣ, облегчить мучительныя колики, которыя всегда являлись послѣ сильныхъ потрясеній.

Наконецъ, боль успокоилась, императрица задремала. Перекусихина тоже прикурнула тутъ же на диванѣ, не раздѣваясь почти. Всѣ разошлись на покой.

Подъ утро вѣрная, старая камеристка, спавшая, какъ говорится, вполглаза, вскочила и стала прислушиваться.

Она не ошиблась: глухіе стоны неслись отъ постели больной.

Лампада неугасимая у иконы Казанской Божіей Матери слабо озаряла обширную спальню. На столикѣ, у кровати мерцалъ ночникъ.

При этомъ свѣтѣ Перекусихина увидѣла больную, которая лежала на спинѣ, сбросивъ съ себя покрывало. Бѣлая рука темнѣла на груди, вся неподвижная послѣ вчерашняго легкаго удара. Мѣсто, изъ котораго Роджерсонъ пускалъ кровь, было перевязано.

Больная стонала во снѣ, даже какъ-будто дѣлала попытки заговорить, пошевелиться, но не могла, очевидно, мучимая кошмаромъ.

Шепча молитвы, осторожно, нѣжно стала снимать Перексихина руку съ тяжело дышащей груди.

Екатерина проснулась, быстро поднялась, сѣла на кровати, озираясь съ испугомъ:

— Ты? Что тебѣ нужно? Никто не входилъ сюда? Никого не было?

Дрожа отъ холода, съ голыми плечами, а также и отъ пережитаго во снѣ страха, Екатерина пошарила правой рукой, ища, чѣмъ бы укрыться.

— Господь съ тобой, матушка моя! Кому войти! Перекрестишь, дай, я окрещу тебя, родимая... Ложись, почивай... Ишь, приснилось, видно, что... Отъ смуты, отъ боли, отъ всякаго неудовольствія... Спи, почивай...

— Приснилось? Да, правда. Мнѣ снилось, кто-то черный, безъ лица, безъ виду, подошелъ и склонился надо мной. Хочу спросить, хочу погнать—голосу нѣтъ... Кошмаръ, правда. Ты руку мнѣ сняла съ груди?... Вотъ, отъ руки и приснилось. Но я такъ хотѣла узнать, кто это такой. Второй разъ вижу этотъ тяжелый сонъ... Въ день смерти его... покойнаго государя... И, вотъ, нынче опять. Не къ добру это, Саввишна...

— Ну, добро... Утромъ разберемъ: къ добру оно, либо къ худу. А теперь усни. На бочекъ изволь лечь. Такъ... я прикрою хорошенько... И тутъ буду. Никуда до утра не уйду... Спи съ Господомъ... Мало ли что ночью привидится. А утромъ сама смѣяться изволишь ночной тревогѣ... Почивай... А то, можетъ, генерала намъ позвать? Нѣтъ? Ну, пусть онъ поживаетъ.. И ты спи, Господь съ тобою... Я посижу тутъ...

Все тише и тише бормотала свои причитанія старая вѣрная камеристка, пока не убѣдилась, что императрица уснула снова, стала спокойно и ровно дышать.

Гораздо позднѣе обыкновеннаго проснулась императрица,

но чувствуя еще слабость и тяжесть въ лѣвой половинѣ тѣла, позвала Роджерсона.

Онъ уже самъ явился и сидѣлъ въ пріемной, желая знатъ, какъ спала больная. Осмотрѣлъ ее и спросилъ:

— А принимали, ваше величество, микстуру, которую я давалъ съ вечера? Вотъ эту...

— Охъ, нѣтъ. Очень ужъ она противная. Нельзя ли обойтись на сегодня? И такъ у меня во рту...

Екатерина сдѣлала гримасу.

— Нѣтъ, невозможно! Вотъ, извольте, надо выпить...

— Если ужъ надо...

Она послушно взяла рюмку, проглотила и запила водой.

— Молодецъ!—осторожно похлопавъ по плечу больную, похвалилъ врачъ.—Богъ дастъ, все скоро пройдетъ. Такъ, легкое расстройство двигательной системы... Все пройдетъ. Сегодня извольте полежать, а завтра...

— Ну, этого я и не думаю. До вечера, пожалуй... А тамъ съѣздъ будетъ... Нынче рожденіе княгини Анны... Константинъ и то огорченъ. Всѣ расстроены. Нельзя откладывать. Что говорить станутъ: „Умираетъ государыня... Убилъ ее этотъ непріятный случай“. Этого нельзя допустить. Готова принять, что хотите, только надо вечеромъ бодрой быть. Слышите, другъ мой? Приготовьте что-нибудь... Идите съ Богомъ. И не спорьте... Слушайте меня, какъ я васъ, когда надо...

— Повинуюсь, ваше величество.

— Вотъ, теперь вы „молодецъ!..“ Идите... А мнѣ, Саввишна, генерала позови... Справлялся онъ?

— Два раза приходилъ. Поди, и сейчасъ самъ явится...

— Ну, такъ его... и Храповицкаго... и передать Шувалову, что балъ нынче въ Бѣломъ залѣ безотложно будетъ... И ничего не измѣнится, какъ впередъ назначено... И... Ну, ступай!.. Да узнай, какъ себя Александрина

чувствуетъ... Скажи: къ вечеру пусть готовится... Или, нѣтъ, генеральшу Ливенъ вели позвать... Пока—все...

Раньше другихъ приняла государыня генеральшу Ливенъ.

— Я очень рада, ваше величество, что вы изволили призвать меня и сама хотѣла просить о разрѣшеніи доложить... Ея высочество совѣмъ больна. Просить разрѣшенія не быть нынче вечеромъ на балу. Она ночь не спала, все рыдала. Глаза у нея напухли отъ слезъ... Плачетъ, бѣдняжка, и теперь... Я думаю, ваше величество...

— Пустое. Скажите ей, я прошу быть поощрѣе... Да, ей нѣтъ причины такъ горевать.. Скажите ей.. Впрочемъ, я сама напишу... Скажу одно лишь... Вѣрите, страшная, долгая ночь, 35 лѣтъ тому назадъ, ночь 12 іюля, когда моя жизнь и вся имперія стояли на картѣ, была мнѣ не такъ тяжела, какъ эта ужасная ночь!..

Съ помощью Ливенъ перейдя и сѣвъ къ столу, она написала на клочкѣ бумаги, съ трудомъ выводя буквы:

„О чемъ вы плачете? Что отложено, то не потеряно! Вытрите себѣ глаза и уши льдомъ и примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Вотъ я такъ была больна вчера. Вамъ досадно на замедленіе — вотъ и все“.

— Возьмите, передайте. Вечеромъ она должна быть на балу.. чтобы этотъ мальчишка не тѣшилъ своего самолюбія, не подумалъ, что всѣ несчастны тутъ отъ его сумасбродныхъ поступковъ. Дадите мнѣ знать, что скажетъ внучка. И какъ она себя будетъ чувствовать къ вечеру. Ступайте. Берегите малютку. Но не надо давать ей жалѣть себя.. Это хуже всего... Съ Богомъ!..

Печаленъ былъ этотъ балъ, который состоялся вечеромъ.

Виновница торжества, веселая, рѣзвая обыкновенно, великая княгиня Анна Федоровна совѣмъ не желала тан-

довать. Даже сорванецъ Константинъ, мужъ новорожденной, — сумрачный, молчаливый, какъ тѣнь, слѣдовалъ повсюду за своимъ старшимъ братомъ, Александромъ, который вмѣстѣ съ Елисаветой старался хотя сколько-нибудь придать надлежащій видъ этому вечеру.

Неожиданно появился и король, но безъ регента.

Всѣ были поражены. Его встрѣтили церемонными, сухими поклонами. Провожали тяжелыми, враждебными взглядами. Мингіе знали о сильной ссорѣ, которая произошла, какъ разъ въ этотъ день между дядей и племянникомъ.

Весь день вчера и сегодня они сидѣли по своимъ комнатамъ, тамъ обѣдали и завтракали, врозь другъ отъ друга.

А вечеромъ, когда король сталъ собираться на балъ, дядя пришелъ къ нему, дѣлая послѣднюю попытку.

— Вы думаете согласиться съ желаніемъ императрицы? — спросилъ регентъ.

— И не думаю даже. Просто, я былъ приглашенъ и считаю нужнымъ пойти...

— Но, это же безразсудно. И государыня, и дворъ сочтутъ это за глумленіе. Такъ поступить, какъ вы поступили вчера, было слишкомъ неосторожно. Теперь на меня упали вражда и нареканія... Мнѣ прямо сказали: „Не успѣемъ мы вернуться домой, какъ русскіе войска вступятъ въ предѣлы Швеціи“... Вы, конечно, тоже знаете... И если собираетесь поправить вашу вчерашнюю оплошность... Конечно, молодость извиняетъ ошибки. Но можно ли было такъ упрямо?.. Такъ рѣзко... Когда императрица пошла на уступки, перестала требовать отдѣльнаго богослуженія. Только желала письменной поруки.. въ томъ видѣ, какъ ей казалось, вѣрнѣе... Подумайте, даже ваша записка обязывала васъ, что бы вы ни думали, какъ бы ни надѣялись

потомъ овладѣть волей будущей жены... И если теперь вы рѣшили...

— Пойти опять, обманывать, лукавить? Нѣтъ. Мнѣ надоѣло... Я исполню долгъ вѣжливости. Это во-первыхъ... А, затѣмъ, чтобы не сказали, будто я струсиль... испугался ихъ двора, ихъ гордой, деспотичной старухи, такой мягкой въ рѣчахъ, такой непреклонной въ своихъ желаніяхъ и планахъ. Шускай распоряжается своими холопами, рабами, увѣшенными первыми орденами имперіи, сверкающими брилліантами на ея портретахъ, которыхъ такъ много успѣла она раздарить за 30 лѣтъ власти... Швеція наша — маленькая страна... Но я — король, который не боится никого въ мірѣ, кромѣ небесъ! И я не склонюсь передъ этой старой...

Юноша не договорилъ, удержанный остаткомъ уваженія, какое сумѣла внушить ему великая женщина, хотя и дающая много поводовъ для осужденія низкимъ умамъ.

— Вотъ вы какъ заговорили, Густавъ! Долго молчали, даже когда отъ васъ ждали мнѣній и отвѣтовъ.. А теперь... Ведете къ войнѣ родину, когда она не готова... губите себя, меня безразсуднымъ упорствомъ... И такія рѣчи! Наконецъ, я долженъ тоже сказать. Не забываете ли вы, съ кѣмъ говорите?

— О, нѣтъ, знаю... — глядя съ какимъ-то особымъ, сдержанно-злымъ и презрительнымъ выраженіемъ на регента, быстро возразилъ король: знаю — вы — мой дядя! Регентъ королевства... Но, — вдругъ выпрямляясь во весь ростъ, какъ на торжественномъ приѣмѣ, началъ онъ отчеканивать звонкимъ, напряженнымъ голосомъ, — должны же знать и вы, что черезъ три недѣли я самъ буду королемъ!

Какой-то хриплый, подавленный звукъ могъ только сорваться съ крѣпко-стиснутыхъ губъ, выбитаго изъ колен регента. Онъ весь всколыхнулся, дернулъ книзу сжатыми

булаками и, не говоря ни слова, быстро вышелъ изъ комнаты, чуть не стодьнувшись съ сосѣднемъ покоѣмъ съ Штединггомъ, который былъ свидѣтелемъ бурной сцены, незамѣченный никѣмъ.

Явившись во дворецъ раньше короля, Штедингъ и разсказалъ обо всемъ Зубову, который сумѣлъ золотомъ привязать къ себѣ шведа.

И черезъ полчаса, къ появленію юноши, эта сцена уже переходила изъ устъ въ уста.

Но, все-таки, приличіе и долгъ гостепріимства удержали тѣхъ, кто готовъ былъ болѣе рѣзко высказать свое негодованіе Густаву. Въ то же время не знали, какъ приметъ его сама императрица, о появленіи которой уже повѣстили камеръ-пажи.

Она вошла, нѣсколько блѣднѣе, съ болѣе усталымъ и осунувшимся лицомъ, чѣмъ замѣчалось въ послѣдніе дни, когда радость молодила Екатерину.

Но держалась она спокойно, бодро. Голова была поднята и взоръ милостивъ, какъ всегда.

Король поспѣшилъ ей навстрѣчу и особенно низко, почтительнѣе обычнаго, отдалъ поклонъ.

Спокойно, безъ малѣйшаго признака недружелюбія, но холодно привѣтствовала гостя императрица. Они стояли поодаль ото всѣхъ. Дворъ развернулся по сторонамъ, ожидая, пока государыня совершитъ первый обходъ. Только Зубовъ стоялъ въ полушагѣ отъ нея.

И до чутко напряженнаго слуха лицъ, близко стоящихъ, стали долетать негромкія фразы, которыми обмѣнялись старая государыня и юный будущій король, такъ жестоко оскорбившій въ Екатеринѣ женщину, мать, хозяйку, ласково принявшую гостей, повелительницу могучей имперіи, избалованную успѣхами и побѣдами въ теченіе 35 долгихъ лѣтъ.

— Рада видѣть! Появленіе ваше нынче здѣсь служить добрымъ знакомъ. Такъ ли я понимаю, сирѣ?

— Я долженъ былъ явиться. Хотѣлъ выразить вамъ свое уваженіе...—смущенно заговорилъ юноша, хотя передъ этимъ и готовилъ себя быть холоднымъ и спокойнымъ, какъ эта старая повелительница.—Счастливъ, что слухи, дошедшіе до меня о нездоровьѣ вашего величества, оказались преувеличены... даже ошибочны...

— О, да, благодареніе Богу, я здорова. Мнѣ нельзя поддаваться недугамъ и ударамъ, какъ бы порой тяжелы и незаслуженны они ни были, какъ бы неожиданно не посылала ихъ судьба. Въ моихъ рукахъ жизнь и счастье многихъ милліоновъ людей, пространство, занимающее четвертую часть обитаемой земли... Я всегда должна быть на стражѣ, охранять друзей, карать враговъ, сирѣ. Такое мое ремесло, не безъ успѣха выполняемое уже больше 30 лѣтъ... Дай Богъ и вамъ честно править своей державой.

Этотъ полуукоръ, полуугроза была выражена любезнымъ, мягкимъ тономъ, но тихіе звуки рѣчи отъ этого казались еще важнѣе, еще значительнѣй.

— Я хотѣлъ также увѣрить ваше величество, что не желалъ, не думалъ причинить обиду... или... что мое вчерашнее рѣшеніе...

— А, вы говорите о вчерашнемъ вашемъ рѣшеніи? Вы желаете возвратиться къ нему? Въ добрый часъ. Но, конечно, не здѣсь, на глазахъ этихъ чужихъ людей, когда столько ушей насторожилось, ловятъ наши слова, наши взгляды... Я вамъ дамъ знать... мы поговоримъ... Я сама думала, желала этого... Я дамъ вамъ знать. Пока танцуйте, веселитесь. Рада васъ видѣть..

Легкій наклонъ головы, и императрица дальше продолжаетъ свой обходъ.

Зубовъ тоже сухо, холодно отдалъ поклонъ юношѣ и прошелъ за государыней.

Ледяной стѣной съ этой минуты почувствовалъ себя окруженнымъ король.

Всѣ явно избѣгали его. Только новорожденная, молоденькая, скучающая Анна Федоровна подала ему руку для танца. Но мало было другихъ паръ. И танцы имѣли видъ какой-то по наряду отбываемой повинности.

Увидя великаго князя Александра, который и теперь умѣлъ сохранить свой ясный, спокойный видъ, рѣзко отличаемый отъ общаго выраженія непріязни и угрюмости, король быстро подошелъ къ нему.

Такъ же ровно, спокойно, любезно, какъ всегда, встрѣтилъ юношу его сверстникъ, старшій всего двумя годами, Александръ Павловичъ.

Послѣ перваго обмѣна привѣтствіями, король съ необычайной любезностью заговорилъ:

— Я сейчасъ бесѣдовалъ съ императрицей. И такъ радъ, что она чувствуетъ себя хорошо. Признаюсь, рѣдко случалось встрѣчать подобную силу духа, величіе, мудрость и у мужчинъ, не только у женщинъ, у слабаго пола, какъ ихъ зовутъ.

— Такія времена, ваше величество. Бабушка государыня часто изволить говорить, что мы живемъ въ желѣзномъ вѣкѣ. Мужчины или слишкомъ грубы и бездушны, не щадятъ самыхъ священныхъ правъ души и сердца чело-вѣческаго, либо таковы, что не стоятъ самой низкой женщины по недержанію священнаго слова чести, обѣтовъ дружбы и любви. Эти люди мѣняють свою ненависть и пріязнь чаще, чѣмъ ваше величество... свои перчатки. И въ такую пору, говоритъ бабушка, женщины должны давать мужчинамъ примѣры высокаго духа и мудрости, Какое мнѣніе вашего величества на этотъ счетъ?

Круглыми, удивленными глазами поглядѣлъ Густавъ въ глаза Александру.

„Что это такое? Прямой вызовъ, пощечина, брошенная въ лицо, или случайная сентенція, сказанная такъ, къ слову?“

Александръ глядѣлъ ясно, спокойно, съ легкой любезной улыбкой на устахъ, какъ обычно встрѣчаютъ и говорятъ хозяева съ почетными гостями.

— Я больше солдатъ, чѣмъ философъ,—сообразилъ, наконецъ, свой отвѣтъ юноша:—живу, какъ подсказываетъ мнѣ мое сердце и велить Господь. И былъ лишень такой мудрой наставницы, какую ваше высочество имѣеть въ вашей великой бабушкѣ. Но она, конечно, хорошо знаетъ свою страну и права въ своемъ мнѣніи. У насъ оно нѣсколько иначе. Если ваше высочество когда-либо пожалуете ко мнѣ, окажете эту честь, познакомитесь съ моимъ маленькимъ королевствомъ, вы увидите, что тамъ мужчины и съ оружіемъ въ рукахъ, и съ кубкомъ умѣютъ оставаться достойными своего пола!..

И съ любезной улыбкой раскланялись снова и разошлись эти два сверстника, оставившіе потомъ немалый слѣдъ въ исторіи своихъ народовъ.

Черезъ полчаса, не видавъ своей невѣсты, которая была совсѣмъ больна, король уѣхалъ съ этого печальнаго бала, особенно любезно раскланявшись со всѣми.

А до 20 сентября, до дня рожденія Павла Петровича, по расписанію назначено было еще три такихъ печальныхъ праздника, и Екатерина приказала ихъ не отмѣнять.

На 13 сентября назначено было освященіе часовни въ Таврическомъ дворцѣ.

Безъ всякой свиты, вдвоемъ съ Зубовымъ отправилась туда императрица.

— Моркова вызови еще,—сказала она фавориту:—онъ

напуталь. Пусть придумаетъ, какъ помочь въ дѣлѣ... шелыганъ рябой... вертлявый глупецъ. Что натворилъ!.. Да тамъ соберутся архіереи, митрополитъ. Потолкуемъ еще съ ними. Можетъ, они и благословятъ ради устройства дѣла... скажутъ, что можно внучѣ исполнить желаніе жениха... Богъ—одинъ... А если попы, похвалятъ, причину дадутъ, и народъ за ними говорить будетъ... Передъ разговоромъ съ женихомъ нашимъ надо все наготовѣ имѣть. Я думаю, онъ и самъ настроенъ. Не отъ себя что... Ну, да увидимъ. Такъ, Моркова зови.

Долго длилось совѣщаніе съ духовнымъ клиромъ. Зубовъ съ Морковымъ и сама Екатерина толковала съ архіереями, съ митрополитомъ. Но тѣ очень почтительно, уклончиво, но тѣмъ упорнѣе не брали на себя отвѣтственности за послѣдствія, какія произойдутъ, если Александра перейдетъ въ лютеранство.

— Богъ пусть разрѣшаетъ великую княжну да ваше императорское величество, какъ глава семьи, глава царства, церкви всей госпожа по дѣламъ мірскихъ. Это—дѣло мірское, политическое, не церковное. Намъ и не рѣшать его!—согласно отвѣчали попы.

Этотъ отвѣтъ звучалъ, какъ полное осужденіе. А государыня понимала, что всего опаснѣе ей задѣвать духовенство русское.

— Бояръ нѣтъ нынѣ, которыхъ покойная Елизавета императрица опасалась такъ. Ножи у нихъ притуплены,—часто говорила она:—но попы, пожалуй, нынѣ сильнѣе старыхъ бояръ въ народѣ.

И возможность перехода княжны въ лютеранство была окончательно отвергнута.

Поздно вечеромъ возвратилась въ Зимній дворецъ государыня и, не принимая никого, усталая, разбитая, полубольная, ушла на покой...

Только Зубовъ еще долго оставался у нея. Все шель разговоръ: какъ поступить? О чемъ говорить съ королемъ, которому было на завтра назначено свиданіе безъ постороннихъ свидѣтелей? Какое принять окончательное рѣшеніе?

— А что если, — нерѣшительно началъ Зубовъ, послѣ продолжительнаго молчанія, — что если... задержать ихъ обоихъ здѣсь... Нанесенное съ ихъ стороны неслыханное оскорбленіе и для частнаго лица непереносимо... Тѣмъ болѣе для вашего величества... для имени великой княжны... для чести имперіи и рода... И, только подписавъ прямое обязательство, пускай ѣдутъ домой и оттуда шлютъ за невѣстой безъ проволочки... Что, если такъ, матушка?

Покачивая головой, какъ на неразумнаго ребенка, поглядѣла Екатерина на своего любовника.

— Замѣчаю, Платонъ, у тебя отъ усталости мысли стали блуждать. Такія приходятъ на умъ, что и пускать ихъ не надо, и выражать не стоитъ. Мы вышли изъ вѣковъ, когда государи другихъ въ плѣну томили, на выкупъ отпускали, клятвы силой вынуждали у нихъ. Ахъ ты, мой палладинъ давнихъ вѣковъ. Новое время, нынѣ новые пути для царей и народовъ настали... Ступай, отдохни. Утро вечера мудренѣе. Передъ прибытіемъ королька-мальчишки дерзкаго еще мы потолкуемъ съ тобою.

— Да, еще, матушка, я сказать не поспѣлъ раннѣй: дядя... регентъ видѣтъ тебя просится... Нужда, говорить, какая-то. Что, не сказывалъ. Тебѣ прямо желаетъ...

— Этоть... лукавый шведъ косоглазый. Вотъ, кого не люблю... Ну, а принять надо. Можетъ, и онъ на пользу послужить. Трудное время пришло. Я, государыня російская, думать должна, ночи не спать... муку терпѣть и недугомъ маяться... все изъ-за мальчишки, королька, у котораго и то, какъ въ иной губеріи нашей больше паберется... Испытывать желаетъ Судьба. Надо покорствоваться... Пустимъ

завтра дядю передъ племянникомъ. Со всей семейкой по-толкуемъ... Что будетъ? Иди съ Богомъ.

Ушелъ фаворитъ. Но долго еще не уснула повелительница.

Полулежа на постели, глядитъ она прямо передъ собою. Холодныя, горькія, рѣдкія, старческія слезы выкапываются изъ потускнѣлыхъ сейчасъ, воспаленныхъ глазъ ея.

Время ушло. Силы ушли. Послѣ столькихъ лѣтъ удачи и блеска — такой ударъ... И отъ кого?.. Неужели начинается расплата? За что? За невольный грѣхъ, за кровь, пролитую такъ жестоко, но безъ ея повелѣнія... Безъ прямого приказа... Правда, они, эти вѣрные ей люди, тамъ, въ Ропшѣ, угадали ея невысказанныя мысли, предупредили затаенныя желанія.

Но развѣ за мысли бываетъ возмездіе? Развѣ караетъ за невольныя, темныя желанія грозная Судьба? Написано, правда, объ этомъ. Но мало ли писали чего глуше люди въ своихъ книгахъ?.. Дѣла вызываютъ отпоръ, влекутъ за собою всякія послѣдствія. А мысли, желанія? Неужели только для того Рокъ далъ ей половину жизни, долгихъ 35 лѣтъ процарствовать со славой, прожить такъ хорошо, чтобы наканунѣ заката, въ послѣдніе часы тѣмъ тяжелѣй былъ этотъ незаслуженный, тяжкій ударъ?

Можетъ быть!

Если бы 20 или 25 лѣтъ тому назадъ какой-нибудь заговоръ даже лишилъ ее жизни, бѣдная принцесса цербстская тогда еще слишкомъ прочно сидѣла въ русской государынѣ, Екатеринѣ Второй. И это было бы почти натурально: овладѣла случайно престоломъ, повеличалась на немъ, и новый удачникъ снялъ съ трона мимолетную повелительницу.

Но прошло славныхъ 35 лѣтъ. Екатерина Великая не помнить, забыла о блѣдной, незначительной нѣмецкой принцессѣ Софіи, какъ не помнить прекрасная бабочка той

темной пустой оболочки, изъ которой вышла, въ которой долго лежала куколкою, живая, въ живомъ гробу...

И неужели должна Екатерина Великая тяжело расплатиться за невольный грѣхъ, за думу затаенную, которая трепетала въ смятенной груди принцессы черботкой, силой ночного заговора возсѣвшей на россійскій престолъ?

Нѣтъ, не должно этого быть!..

Но это совершилось... Или еще можно все поправить?

Думаетъ Екатерина. Катятся медленно холодныя слезы...

— Утро вечера мудренѣе,—повторяетъ она и тушитъ нагорѣвшую одинокую свѣчу, опускаетъ на остывшую подушку воспаленную, усталую голову, сѣдина которой лучше пудры сейчасъ обрамляетъ блѣдное лицо...

Съ дѣланной улыбкой на вытянутомъ лицѣ, сверля косыми глазами императрицу, сидитъ передъ нею герцогъ Зюдерманландскій, регентъ шведскаго королевства, какъ нашколившій мальчишка, какъ проворовавшійся управитель передъ госпожей.

Храбрость свою въ бояхъ регентъ доказалъ во время послѣдней шведской войны съ Россіей, когда благоразумно держался со своимъ фрегатомъ постоянно въ резервѣ и первый подавалъ знакъ къ отступленію.

Теперь, очевидно, въ дипломатической передрагѣ, спутавъ всѣхъ по придворной тактикѣ, онъ ошибся немного въ характерѣ племянника, вызвалъ взрывъ раньше, чѣмъ самъ того ожидалъ, и совсѣмъ растерялся отъ явно грозящей опасности.

Ему ужъ сообщили о планахъ Зубова: держать въ плѣну дядю и короля до минуты, пока все не будетъ сдѣлано по желанію императрицы. Онъ не знаетъ, что Екатерина отвергла такую грубую мѣру. И теперь извивается ужомъ,

стараясь какъ-нибудь себя обезопасить. А, можетъ быть, кто знаетъ: если умѣло повести разговоръ... кое-что и перепадетъ можетъ ему на „бѣдность“... Двое тягаются, третьему радость! Онъ хорошо знаетъ эту старую латинскую поговорку, опытный придворный интриганъ.

И плавно, вкрадчиво, почти вдохновенно льется его рѣчь, осторожная и прерывистая вначалѣ.

— Я совершенно потерялъ голову, ваше величество!— переплетая правду съ ложью, говоритъ опытный герцогъ, поглядывая и на государыню, и на Зубова, который вдали у стола сидитъ, какъ единственный свидѣтель этого свиданія:—Я ошеломленъ... я... Я положительно поссорился вчера съ этимъ безумнымъ юношей... Это не моя кровь! Это не нашъ. У насъ въ роду были отважные, безразсудно-смѣлые люди... Но такихъ не бывало. Право, теперь готовъ повѣрить всѣмъ дворцовымъ сплетнямъ, какія ходили насчетъ рожденія моего милаго племянничка. . Ужъ можно ли его и признать мнѣ сво...

Но тутъ регентъ вдругъ осѣкся.

Погладѣвъ на эту спокойную съ виду прямо сидящую передъ нимъ старуху, герцогъ вспомнилъ, что и про нее ходило много очень серьезныхъ толковъ еще при жизни мужа. Что самъ Петръ думалъ признать Павла незаконнымъ, рожденнымъ отъ Салтыкова, чтобы имѣлось основаніе лишить его наслѣдства, развестись съ женой и сдѣлать императрицей толстую, рабую, наглуую Лизу Воронцову.

Сейчасъ же, мѣняя рѣчь, шведъ ударился въ чувствительный тонъ.

Взглядъ устремился на сидящую передъ нимъ старуху, съ желтой, дряблой кожей на лицѣ, съ краснымъ пятномъ отъ застоя крови на щекѣ, съ глазами, обведенными черными тѣнями, съ мѣшками, какихъ совсѣмъ еще не было два дня назадъ; регентъ вспомнилъ лицо Екатерины, такое свѣжее,

веселое, смѣющееся, почти молодое, съ которымъ она слушала Штедингга, говорящаго въ качествѣ свата отъ лица шведскаго короля...

И почти съ искреннымъ участіемъ онъ заговорилъ:

— Сердце разрывается у меня, ваше величество... Я не мальчикъ. Я самъ—отецъ и понимаю, что можетъ пережить любящее сердце, когда...

— Вѣрю, вѣрю. Что же вы хотѣли, собственно, намъ сказать, герцогъ?—спокойно, сидя какъ изваяніе, прервала его изліяніе императрица.

— Я пришелъ просить у васъ защиты, государыня. Теперь, когда я прямо всталъ на сторону вашего величества и справедливости, этотъ неукротимый юноша будетъ моимъ врагомъ. Онъ не проститъ мнѣ... Для него развѣ значить что-нибудь моя сѣдина, мое положеніе, какъ перваго въ королевствѣ сановника, какъ его родного дяди? О, вы не знаете, ваше величество, каковъ онъ! Собственно, небо спасло внучку вашего величества отъ горькихъ испытаній... Быть женою человѣка упрямаго, напичканнаго своей религіей, какъ этотъ диванъ волосами... Всегда у него на первомъ планѣ какія-то основныя понятія морали и чести, когда нужно думать о серьезныхъ вещахъ и жить, какъ всѣ другіе живутъ... Онъ, несмотря на всю свою несдержанность, самый холодный, безчувственный, даже безстрастный юноша, какихъ я знаю, какихъ видѣлъ за всю свою жизнь! Вотъ, мѣсяць онъ пробылъ у вашего величества. А смѣялся онъ когда-нибудь, восторгался, былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ, раздосадованъ? Нѣтъ... Всегда корчилъ изъ себя короля въ тронной залѣ. Онъ и спать ложился съ этимъ видомъ, глупый мальчишка, влюбленный въ свой санъ... Думаетъ подражать Карлу XII, а подражаетъ плохимъ комедіантамъ изъ театральной пьесы... Судите же сами, ваше величество: можетъ ли быть счастлива съ такимъ мужемъ дѣвушка

нѣжная и очаровательная, какъ ваша прелестная княжна?! Вамъ лучше другихъ доступно это знать.

— Благодарна за такое полное, хотя, признаюсь, немного и запоздалое описаніе юноши, котораго я думала взять себѣ въ зятя. Вы словно рѣшили позолотить пилюлю... Говорятъ, люди мѣняются въ брагѣ. Но это дѣло другое. Что еще скажете, герцогъ?

— Теперь ужъ послѣднее. Мнѣ хотѣлось только выразить всю мою преданность вашему величеству. Клянусь своей жизнью, благомъ моей семьи: служить вашему величеству почту за высшую честь... И если я могу быть чѣмъ полезенъ...

— Чѣмъ же? Однимъ только. Но вы говорите...

— О, да. Это именно выше моихъ силъ. Я попробовалъ, какъ могъ. И послѣдствія вамъ извѣстны. Я боялся, что онъ убьетъ меня, этотъ бѣшенный сумасбродъ... Вотъ почему и рѣшаюсь теперь же просить... Если я вынужденъ буду искать убѣжища при дворѣ русской императрицы... Неужели она мнѣ откажетъ въ этомъ за вину чуждую мнѣ, за чужой грѣхъ?..

— Ахъ, вотъ что? Вы даже полагаете, ваше высочество?..

— О, да... Если только Густавъ вернется невредимъ къ себѣ... Хотя, долженъ сознаться, только такая великая женщина, какъ Екатерина, можетъ отпустить спокойно своего обидчика...

— Позвольте, вы о чемъ говорите? Вы начали о себѣ, о томъ...

— Что, можетъ быть, явлюсь просить убѣжища здѣсь, гдѣ находятъ его, всѣ гонимыя добрыя души? Именно, ваше величество. И даже полагаю, что сумѣю чѣмъ-нибудь отблагодарить за пріютъ... Вся Финляндія еще въ броженіи... Часть тутъ, часть тамъ... Мое имя, моя дружба со швед-

скимъ дворомъ, родство, положеніе, дають мнѣ право слить въ одно всѣ земли отъ Выборга до Варанга-фьорда, до Гапарунда, до Торнео рѣки... И это обширное, новое финляндское княжество подъ сѣбною россійской короны могло бы на вѣчныя времена служить надежнымъ оплотомъ землѣ вашего величества отъ всякихъ неожиданныхъ вторженій съ крайняго сѣвера! Финляндцы—честный, надежный, преданный народъ, до конца служащій своимъ государямъ, если дадутъ имъ добровольную присягу. А они ее дадутъ вамъ, государыня. Ручаюсь за это.

Сказаль, умолеъ и смотритъ: какое впечатлѣніе произвели его слова на эту вѣчную авантюристку, иткательницу приключеній и добычи, особенно легкой, не стоящей крови и денегъ. Съ этой стороны давно разгадалъ Екатерину хитрый шведъ.

И онъ не ошибся.

Планъ, хотя и смѣлый, въ основѣ вѣроломный—возможность поставить дядю-швела противъ шведскаго короля—но планъ возможный пробудилъ вниманіе государыни. Она сдѣлала движеніе, похожее на трепетаніе гальванизированнаго трупа. Отяжелѣлыя вѣки шире пріоткрылись. Губы, полуоткрытыя, сжались плотнѣе, задвигалась медленно челюсть, словно Екатерина что-то тихо старалась прожевать.

Насторожился и Зубовъ, какъ гончая, почувывая новый, свѣжій слѣдъ лакомой дичи: снова авантюра, бутафорская война, присоединеніе земель... Стало-быть, снова ему первому потокъ наградъ, звонкихъ, тяжеловѣсныхъ червонцевъ, чиновъ, титуловъ, земель и человѣческихъ крестьянскихъ душъ...

А жадность фаворита, казалось, росла по мѣрѣ того, какъ онъ былъ осыпанъ дарами и наградами отъ своей старухи покровительницы...

— Предложеніе весьма серьезное, ваше высочество,—го-

раздо мягче, любезнѣе прежняго заговорила Екатерина и даже сдѣлала попытку въ заученной, ласковой улыбкѣ открыть свои крѣпкіе, бѣлые зубы.—Вы понимаете: о немъ надо подумать...—Генераль,—вдругъ обратилась она къ Зубову, по-русски,—подойдите ближе. Слыхали, что предлагаетъ герцогъ? Это — мысль неплохая, весьма здравая и крайне полезная для насъ... даже въ сію минуту...

Затѣмъ, снова по-французски продолжала, обращаясь къ регенту:—я подумаю. Поговорю съ моими министрами... А пока, не вдаваясь во что дальнѣйшее,—объщаю вамъ, что всегда будете приняты при моемъ дворѣ.. При жизни моей... При моемъ наслѣдникѣ Александрѣ...

— При?.. Вы изволили сказать? Я ослышался?..

— Нѣтъ, именно, при внукѣ, Александрѣ... Я не скрываю. За сына—ручаться не могу. Онъ идетъ особнымъ путемъ. Его воля. Моя воля—будетъ объявлена въ свое время... Такъ вотъ, пока все, что могу вамъ сказать, герцогъ. Видите, за прямое слово—я всегда плачу тѣмъ же. Еще имѣете что сообщить?

— Теперь все, ваше величество! Заравнѣ благодарю васъ... горячо благодарю за данное мнѣ разрѣшеніе... И снова прошу вѣрить глубокой преданности моей и готовности служить величію Великой императрицы..

— Приходится вѣрить... хоть и трудно на старости вѣрить чему-нибудь... жизнь сама измѣняетъ... Вотъ и вѣришь меньше, чѣмъ раньше это было. Повторяю: жду васъ, какъ пріятнаго гостя... Всегда...

Съ новыми поклонами, съ новыми увѣреніями разстался съ Екатериной хитрый, изворотливый шведъ...

— Что же, какъ бы размышляя вслухъ, проговорила послѣ его ухода Екатерина:—ежели послужить намъ проныра въ этомъ дѣлѣ, можно будетъ потѣшить его на время финляндской герцогской шапкою... А тамъ, пожалуй, най-

демъ и болѣе пригоднаго ему замѣстителя? Не правда-ли, генераль?

„Генераль“ — вдругъ ставшій мечтательнымъ, словно очарованный чѣмъ-то,—молча кивнулъ головой, поднялъ и нѣжно поцѣловалъ дряблую сейчасъ, но бѣлую, выхолонную руку...

И оба они смотрѣли туда, гдѣ за дверью скрылся шведскій вельможа, готовый цѣной предательства купить себѣ нѣсколько больше власти и жалкихъ внѣшнихъ благъ на землѣ...

А черезъ полчаса на томъ же креслѣ сидѣлъ король Густавъ.

Теперь не было замѣтно смущенія ни въ манерахъ, ни въ звукахъ голоса юноши. Только глаза выдавали его за-таенное, глубокое волненіе.

— Ваше величество, благодареніе Богу, хорошо себя чувствуете нынче... Я искренно радъ!

— Готова вѣрить отъ души. Вы еще такъ молоды, нельзя допустить, чтобы вы могли желать кому-либо сознательно зла, какъ о васъ толкуютъ дурные люди...

— Мой дядя? Онъ былъ у васъ... Мнѣ сказали. Онъ же самъ такъ много мѣшалъ во всемъ... И онъ посмѣлъ...

— Зачѣмъ такъ посиѣшно, сирь? Вашъ дядя приходилъ съ миромъ. Просилъ при случаѣ смягчить то, что случилось у васъ... Но я не для этого просила прійти ваше величество. Генераль,—вы можете потолковать съ господиномъ Штедингемъ; а я поговорю съ его величествомъ.

Зубовъ, Штедингъ и одинъ изъ совѣтниковъ посольства, пришедшіе за королемъ,—отошли въ дальній конецъ комнаты. Осторожно вошедшій Морковъ, котораго призвалъ Зубовъ,—присоединился къ нимъ.

А Екатерина прямо обратилась къ королю:

— Скажите, сирь, могли бы вы мнѣ открыто и прямо

объявить: что вынудило васъ къ поступку... конечно, не время здѣсь опредѣлять его... къ тому, что произошло?

— Не какъ государыня спрашиваю васъ... Какъ женщина, какъ старая бабушка той несчастной малютки, кого тяжелѣе всѣхъ коснулся ударъ судьбы... Вы можете не отвѣчать мнѣ. Но если пожелаете, — жду только правды.

— О, ничего иного вы не могли и ждать, государыня, — порывисто, но избѣгая поглядѣть въ лицо старухѣ, — отвѣтилъ король: — я скажу все, что у меня на душѣ... Какъ-то странно оно вышло. Обо всемъ были подробные разговоры цѣлый мѣсяцъ... О малѣйшихъ условіяхъ. А о религіи, о самомъ главномъ, — такъ мимоходомъ, слегка... Я думалъ, вопроса не можетъ возникать... Одна вѣра у насъ: въ Господа-Искупителя, Христа. Мудрая, великая государыня, другъ философовъ, сама — мыслительница, давшая законы миллионамъ людей, — должна понять, что нѣтъ стыда и грѣха — принять женѣ обряды, которыхъ держится мужъ, какіе приняты его народомъ... Если ваше величество, ставъ супругой принца греческой вѣры, приняли его обрядъ, — въ чемъ позоръ для внучки вашей вернуться ради мужа къ вѣрѣ вашихъ вредковъ? Такъ и думалъ, государыня. И думалъ еще: если здѣсь, въ Россіи, народъ желаетъ видѣть государыню въ одной вѣрѣ съ собой, то и въ моей Швеціи, мой вѣрный, добрый народъ въ правѣ желать и требовать того же отъ своей королевы... Насъ меньше, чѣмъ вашихъ подданныхъ. Но вѣрны они трону такъ же какъ и ваши русскіе вамъ... Можно ли обижать ихъ? И какое дѣло русскому народу, что принцесса, далеко ушедшая отъ нихъ, — чтитъ Создателя міра такъ, какъ чтитъ ея супругъ и король... Вотъ что думалось мнѣ...

— Я перебую васъ. Вашъ народъ, сирѣчь, — много просвѣщеннѣй, умнѣе моего. Самый обрядъ его вѣры — говоритъ о томъ... Видите, я не лицомъ въ лицо, какъ передъ русскими,

моими подданными... Народъ русскій — дитя въ вѣрѣ своей... А ребенка нельзя обидѣть въ этомъ священномъ дѣлѣ, сирѣ. Онъ можетъ стать опаснымъ. Вы понимаете меня?

— Понимаю, государыня. Но помню и о другомъ, о законахъ моей страны. Они тамъ выше всего. Выше меня, короля... Если бы я даже захотѣлъ... Конечно, самъ я не сталъ бы стѣнать совѣсти моей супруги. Въ своихъ покояхъ—она могла молиться и вѣрить, какъ желаетъ. Тутъ—она хозяйка... Но для виду... Уважая законы... Я о томъ говорилъ княжнѣ. И вотъ еще одно, чуть ли не главное, что вынудило меня поступить, скажу, — рѣшительнѣе, чѣмъ хотѣлъ бы и я самъ... Я говорилъ съ княжною. Я спросилъ ее: пожелаетъ ли она принять вѣру, которую исповѣдую я, ея будущій супругъ? И княжна охотно согласилась... И руку мнѣ подала на томъ и я...

— Внушка?! Александрина согласилась? Дала вамъ слово? Да быть не можетъ. Да... Простите, въ словахъ вашихъ я не сомнѣваюсь. Но прямо говорю: тутъ вышло что-то непонятное. Не могла она. Ей ли не знать, какъ строго отецъ смотритъ на дѣло вѣры? Какъ я ее учила? Какъ все говорили ей... Нѣтъ, все не то... Словомъ, быть того не могло. Я узнаю... Выяснить надо это... Нынче же узнаю... А теперь прямо говорю вамъ: постараемся поправить бѣду. Вѣрьте, вашъ народъ не спроситъ, какъ молится его королева. У васъ много дѣлъ и безъ того для народа. И если все уладится, вы сами должны знать, какого друга увидите во мнѣ... И что можетъ стоять моя дружба!

— Мнѣ трудно отвѣчать. Я благодаренъ... Очень. Но, простите: по силѣ нашихъ законовъ уступить не могу! Если не народъ, такъ дворянство возстанетъ противъ нарушенія древнихъ королевскихъ правъ... Одно готовъ обѣщать... Вотъ, скоро, въ день моего совершеннолѣтня соберутся гене-

ральные штаты. Въ ихъ власти мѣнять основныя узаконенія страны... Больше ни у кого! И я буду самъ просить... Прямо скажу: я люблю княжну, какъ умѣю... И хочу видѣть ее своей женой... Я буду хлопотать. Увѣренъ, что депутаты не откажутъ въ первой просьбѣ своему королю... И тогда... безъ волненій, безъ мятежа, возможнаго въ противномъ случаѣ, я предоставлю полную свободу моей будущей женѣ, пришлю почетныхъ пословъ за королевой Швеціи.

— Вы опасаетесь даже волненій, мятежа? Положимъ, правда... Враги у васъ есть... Опасные, очень близкіе къ вамъ... По совѣсти должна сказать, что опасаться вы должны. Даже — родного дяди... Это — между нами, правда, сирь?

— О, ваше величество, влянусь...

— Не надо. Я вѣрю... Но усмирить мятежь—легко... Что еще тамъ за генеральные штаты... Якобинство! Мартинизмъ. Помните, господинъ Густавъ: вы король Божьей милостью, силой меча и вѣкового наслѣдья... И непристойно вамъ гнуть голову передъ чернью, какъ я не гну своей старой головы передъ темной толпой...

Едва удержался юноша указать самодержавной повелительницѣ, что только желаніемъ угодить своему народу и вызвала она тяжелый разладъ, который силой войскъ собирается уладить теперь. Но онъ сказалъ только:

— Это возможно, согласенъ, ваше величество. Но какъ я введу чужіе полки въ родной домъ? Какъ поведу ихъ противъ своего народа? Простите, я понимаю: желаніе добра для меня — подсказало вашему величеству такую мысль... Но я присягалъ законамъ моей страны... И чтобы тамъ ни случилось останусь имъ вѣренъ! Король не только присягу, данную имъ, — онъ долженъ свято соблюдать каждое свое обѣщаніе, или не давать его. Конечно, государыня,

вы сами такъ думали и поступали всегда. Могу ли я, едва вступя на тронъ, поступить иначе?

Тяжелой ироніей прозвучалъ послѣдній вопросъ. Тѣмъ болѣе тяжелой, что юноша не желалъ обидѣть старой измученной женщины, такъ часто и явно мѣнявшей свои слова и нарушавшей обѣщанія, данныя въ качествѣ государыни...

Екатерина видѣла, что король не намѣренно бросилъ ей въ лицо острый укоръ, но поняла, что дальше имъ не о чемъ говорить. Сдѣлавъ знакъ Зубову, который слыша повышенный тонъ рѣчей короля, уже стоялъ тутъ близко, насторожѣ, императрица оперлась на руку фаворита, величаво кивнула головой королю, его шведамъ и вышла изъ покоя, не говоря ни слова...

* * *

Прошло всего пять дней съ печальной минуты несостоявшаго обрученія.

Какъ ни перемогалась государыня, справиться легко съ собою и со своимъ недугомъ не могла. Съ каждымъ днемъ все мучительнѣе ей было думать, что юноша, принятый ею, какъ самый близкій человекъ, видѣвшій съ ея стороны искреннія проявленія расположенія и дружбы,— такъ унижилъ и оскорбилъ ее, окруженную глубокимъ, заслуженнымъ послѣ многихъ лѣтъ, уваженіемъ не только дома, но и за предѣлами имперіи...

И эта обида, душевная тревога, которая овладѣла императрицей, усиливала ея слабость, ея тѣлесную хворь.

Правда, Роджерсонъ указывалъ еще на одну причину нездоровья.

На ногахъ у государыни открылись было язвы, слѣдствіе застарѣлаго недуга. Выдѣленія этихъ язвъ помогали

тѣлу очищаться отъ всѣхъ нездоровыхъ началъ. Но Екатеринѣ хотѣлось отъ нихъ избавиться.

На помощь пришелъ грекъ, Ламбро-Кацціони. Прежде— корсаръ, потомъ—волонтеръ русскихъ войскъ, помогавшій флоту въ борьбѣ съ турецкими галерами, онъ очутился при дворѣ не то шуткомъ Екатерины, не то прихвостнемъ фаворита, но „своимъ человѣкомъ“...

Узнавъ отъ Зубова о больныхъ ногахъ государыни, онъ увѣрилъ, что язвы закроются, стоитъ лишь брать ножныя ванны изъ холодной, морской воды.

Опытъ былъ сдѣланъ, удался, язвы закрылись. Но теперь усилились приливы крови къ головѣ, которые особенно беспокоили и Роджерсона, и державную больную. Но на всѣ доводы англичанина она упрямо отвѣчала:

— Все пустое. Вамъ непріятно, что нашелся еще человѣкъ, кое-что понимающій въ медицинѣ... Онъ мнѣ помогъ. Не нападайте на бѣднаго грека... Помогите и мнѣ такъ же скоро и хорошо. Вотъ, я вамъ скажу спасибо..

Такимъ образомъ, много причинъ вліяло на волю и на тѣло государыни, причиняя ей страданія, лишая возможности силой духа преодолѣть недугъ...

Печальная, полная тяжелыхъ предчувствій, часами лежала на своемъ любимомъ канапѣ Екатерина и картина одна мрачнѣе другой проносились передъ утомленнымъ взоромъ старой правительницы...

Теперь, при ея жизни — начался рядъ неудачъ... Что же будетъ, когда ея не станетъ, когда взойдетъ на тронъ этотъ несчастный, больной умомъ, искалѣченный духомъ, человѣкъ, ея родной сынъ, но такой далекій, чужой для Екатерины?!

— Нѣтъ, быть того не должно, и не будетъ!

Придя къ рѣшенію, императрица обратилась къ своей

шутихъ, Матренѣ Даниловнѣ, которая, сидя у ногъ больной, сюсюкала торопливо, передавая все толки и сплетни, ходящія по городу послѣ отмѣненнаго обрученія:

— Ну, спасибо, Даниловна. Цѣлый ворохъ вѣстей нанесла. Ступай пока, съ Богомъ, Захара кликни сюда...

Шутиха ушла, явился камердинеръ.

— Если Александръ у себя, ко мнѣ попроси его высочество... Да, свѣтъ мнѣ въ глаза... Передвинь канделябру... Такъ... Иди...

Встревоженный необычнымъ приглашеніемъ въ неурочное время, быстро явился Александръ.

Онъ чувствовалъ, что сердце сильно билось у него въ груди, уши горѣли, кровь прилила къ щекамъ.

Даже бабушка обратила вниманіе на это.

— Я спѣшилъ къ вамъ, дорогая бабушка, оттого, должно-быть, и раскраснѣлся... Какъ изволите себя чувствовать нынче?

Спрашиваетъ и самъ взглядывается въ бабушку.

Лицо ея въ тѣни, только на бѣлыя, красивыя руки падаетъ свѣтъ.

Руки эти всегда дѣятельныя, теперь безпомощно лежать вдоль тѣла. Особенно мертвенный видъ имѣетъ лѣвая рука, недавно пораженная ударомъ... Глядитъ на нее внукъ, кровь отливаетъ отъ лица, отъ головы. Ему становится какъ-то холодно, словно въ склепѣ... Но юный князь старается не показать больной государынѣ своей тревоги. Глаза его смотрятъ ясно, прямо въ потускнѣлые глаза бабушки. Губы пытаются изобразить почтительно-радостную улыбку:

— Сдается, лучше вамъ нынче, благодареніе Господу... Какъ это пріятно.

— Лучше ты думаешь, мой другъ? Ну, пусть такъ...

Теперь такъ много надо силы... Хотя бы на краткое время... Устроить все... А тамъ...

— Бабушка... ваше величество!..

— Пустое! Что тревожишь себя, мое дитя? Слава Богу, пожила на свѣтѣ... Всего узнала—дурного и хорошаго. Пора и честь знать... Вонъ и то... не только чужіе, свои твердятъ: чужой-де вѣкъ живу, ихній заѣдаю...

— Ваше величество, неужели вы полагаете, можетъ кто подумать?... Кто бы посмѣлъ...

— Ахъ, дитя мое, а ты думаешь, я повѣрю, будто не знаешь, о комъ мои слова... Я не желаю ставить тебя судьемъ между отцомъ и бабкой... Боже сохрани. Но теперь такая минута пришла, что объ этомъ поговорить надо и... все дѣло порѣшить. Ты не мальчикъ уже... Самъ видѣть можешь и понимать...

Видитъ и понимаетъ Александръ. Но даже цвѣтные круги, огненные искры замельками у него въ глазахъ... Онъ давно ожидалъ... и окружающіе, близкіе къ нему люди говорили о томъ... И сама Екатерина не стѣсняясь толковала со многими о важномъ дѣлѣ, которое даже не тайна и для широкой публики столицы... объ этомъ говорятъ и по царству..

Не сына, внука желаетъ видѣть послѣ себя на тронѣ императрица. По „праву воли монаршей“, по существующему основному закону имперіи, государыня вправѣ сама назначить, кому занять престолъ послѣ ея смерти. Но не думалъ внукъ, что это такъ скоро придется обсуждать, что ему придется принять участіе въ рѣшеніи.

Многое унаслѣдовалъ онъ отъ бабушки. Въ томъ числѣ и боязнь всякихъ рѣшительныхъ объясненій, желаніе—отдалить насколько возможно неприятную минуту, если бы даже наступленіе ея было неизбежно само по себѣ.

— Лучше позже, чѣмъ раньше совершится неприятное... А тутъ еще и опасное грозитъ...

Александръ знаетъ характеръ отца, бѣшеный, неукротимый..

Только передъ Екатериной, какъ передъ матерью, какъ передъ всевластной государыней смиряется онъ, да и то не всегда.. А если сынъ станетъ ему поперекъ пути?.. Павелъ не постѣнится, не остановится передъ самыми рѣшительными средствами, опираясь на свое положеніе, на свой авторитетъ отца и старшаго въ родѣ..

Словомъ, къ полузабытой, но такой тяжелой Ропшинской трагедіи грозитъ примѣшаться новая..

А юный князь совсѣмъ не любитель трагедіи, особенно въ собственной жизни. Но онъ знаетъ и бабушку. Она такъ мягка, такъ уступчива, податлива на желанія ея окружающихъ, пока это не противорѣчитъ ея собственнымъ желаніямъ и планамъ. Если же что рѣшила, то сумѣетъ довести дѣло до конца, не стѣняясь никакой жертвой, прибѣгая къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Хорошо это знаетъ Александръ. Видитъ, что рѣшительная минута настала. И неодолимый, отчасти физическій страхъ овладѣлъ юнымъ княземъ.

Легкая дурнота покрыла блѣдностью пылающее раньше лицо. Капли пота выступили на вискахъ, на лбу.

Юноша сидитъ весь на свѣту, все замѣтила императрица, но не показала виду.

Ласково продолжаетъ:

— Скажи, мой другъ, за эти дни мама ничего не говорила тебѣ особенно важнаго.. Что бы касалось именно тебя? Можетъ быть, по секрету? Ничего, скажи. Я тебя не выдамъ, вѣрь мнѣ. Знаешь: никто, даже мать и отецъ не любить тебя сильнѣе, чѣмъ твоя старая бабушка. Помнишь, какъ мы дружно жили съ тобою... столько лѣтъ. Пока ты старше не сталъ... не женился... Теперь, правда, и отецъ отымаетъ у тебя не мало времени, муштруетъ. Изъ наслѣд-

ника трона капрала какого-то, право, сдѣлать желаетъ... Лучшаго нѣтъ на умѣ у его высочества... Богъ съ нимъ... Но мы съ тобой можемъ столковаться прямо, откровенно, не правда ли?.. Особенно, въ такихъ важныхъ вещахъ, какъ сейчасъ обсудить надо...

— Во всемъ, ваше величество. Самую жизнью готовъ я доказать: какъ много преданъ вамъ и готовъ выполнить священную волю вашу...

— Проще лучше давай говорить съ тобой, Александръ. Такъ, какъ же? Отъ матери что-либо слыхалъ?

— Нѣтъ...

— И ни отъ отца?..

— Нѣтъ, милая бабушка...

— Вотъ! Значитъ, сумѣла промолчать хотя передъ нимъ... И за то спасибо. Узнай онъ, не удержался бы... схватился бы ужъ съ тобой... Да и мнѣ покоя не далъ бы... особенно, видя, что въ гробъ глядитъ старуха... мать родная...

— Ваше величество... бабушка, милая...

— Успокойся. Будь мужчиной. Слушай, что хочу сказать. Время всему на свѣтѣ. Ты знаешь, какъ ни крѣпка я... но 67 лѣтъ живетъ на свѣтѣ это старое тѣло... Покоя просить... Вонъ, слыхала я, ты самъ мечталъ порою уйти отъ трона, отъ меня, ото всѣхъ... Честнымъ гражданиномъ, въ тиши, въ безвѣстности вкушать покой приватной, счастливой жизни... Не смущайся, дитя. Это—прекрасная, высокія мечты... Скажу тебѣ одному: и я не разъ мечтала о томъ же... Но не дѣлилась ни съ кѣмъ этими чистыми и дѣтскими, неразумными грезами. Да, неразумными. Ты и я иначе должны мечтать, стоя на той высотѣ, куда опредѣлила насъ судьба. Другимъ дать счастье—вотъ то, о чемъ имѣемъ право мы мечтать съ тобою... Другимъ, многимъ милліонамъ людей даровать миръ и покой, хотя бы

цѣною своей жизни и своего счастья,—вотъ долгъ нашъ!.. И такъ я старалась воспитать тебя... чтобы, вручить тебѣ державу, знать, что моя Россія счастлива подъ твоимъ правленіемъ...

— Государыня, ваше величество...

— Постой, дай договорить. Навѣрное ты слышаль, самъ видишь, понимаешь, кого я готовлю въ преемники себѣ... Я не хочу ставить сына въ противники отцу.. повторяю, не судья ты ему... Но отвѣчай, какъ передъ Богомъ: думаешь ли, что мой народъ, твой народъ—будетъ счастливъ подъ скипетромъ моего сына? Молчишь, опускаешь взглядъ. Довольно мнѣ и такого отвѣта...

— Но, ваше величество, дорогая бабушка, позвольте мнѣ...

— Нѣтъ еще, погоди. Дай досказать. Я пыталась столковаться съ твоей матушкой, съ великой княгиней. Пока еще сынъ мой не у власти,—она имѣетъ вліяніе на отца.. и большое, знаю... Но онъ хитеръ. Это все до поры, пока сила не въ его рукахъ. Тогда все пропадетъ. И теперь ужъ нѣтъ порою удержу моему сыну... А тогда... Я стараюсь не думать... Мнѣ жаль тѣхъ, кто столько лѣтъ жилъ спокойно подъ моей державой... Мнѣ жаль его...—негромко договорила Екатерина, словно видя передъ собою что-то очень печальное.

Вздрогнувъ и Александръ, словно услышалъ зловѣщее предостереженіе.

— Видишь ли,—снова, живѣе заговорила государыня,—отчасти и не худо было бы для тебя, если узнаютъ люди: каковъ на дѣлѣ будетъ мой сынъ повелителемъ... Но не надо дѣлать такихъ тяжелыхъ опытовъ... и опасныхъ для многихъ. Вотъ почему я рѣшилась на послѣднее. Не волнуйся, мой другъ. Тамъ на столѣ лежитъ пакетъ. Дай его сюда. Этотъ самый. Сейчасъ я очень слаба. Нельзя скры-

вать отъ тебя того, чего не знаютъ пока и не должны знать другіе: жить мнѣ осталось очень мало. Только потому я и рѣшаюсь подвергнуть тяжелому испытанію твою кроткую душу... Возьми, прочитай одинъ, что тамъ найдешь. Копія нѣкоторыхъ важныхъ бумагъ. Мое распоряженіе посмертное. Подписано, какъ увидишь, сильнѣйшими моими друзьями и сотрудниками, особенно съ военной стороны: Суворовъ, Румянцевъ согласились со мною.. И тутъ же поясненіе общее. Но, прошу, приказываю тебѣ: ни съ кѣмъ не дѣлись тайной. Особливо не говори отцу, чтобы не вышло для меня лишнихъ заботъ, докукъ и неприятности. Видишь, я и такъ слишкомъ слаба... Пожалѣй свою бабушку... Обѣщаешь?

— Ваше величество, приказывайте. Всю кровь пролью для исполненія вашей воли.

— Благодарю. Вѣрю. Трудно мнѣ сейчасъ говорить, но я должна еще... Не будь вокругъ отца такихъ дурныхъ людей, такихъ грубыхъ... Этотъ Кутайсовъ, Аракчеевъ-глупецъ, на обезьяну болѣе похожій...

— Онъ очень плохой и низкій, и жестокій человекъ, ваше величество. Его можно опасаться ради того, какъ умѣетъ этотъ... пронира направлять волю батюшки.

— Видишь, ты и самъ понимаешь... Не отецъ твой, эти хамы, изверги, людей губители овладѣютъ царствомъ послѣ меня, если бы... Но поглядимъ, что дастъ Господь... Прочти, обдумай, дай мнѣ скорѣе отвѣтъ. Я рѣшила, такъ и знай. Но все же хочу слышать, что самъ ты скажешь. И помни: взойдя на тронъ, надо забыть себя, если не хочешь, чтобы проклятія покрывали твое имя и при жизни, и по смерти! Иди съ Богомъ, мое дитя. Да будь бодрѣ. Пора стать мужемъ, не отрокомъ, какъ ты былъ до сихъ поръ!.. Дай, я поцѣлую тебя... Господь съ тобою!..



Князь Платонъ Александровичъ ЗУБОВЪ.



Король польскій Станиславъ Понятовскій

Долго не рѣшался открыть пакета и прочесть бумаги Александръ, придя къ себѣ. А прочитавъ, еще дольше сидѣлъ неподвижный, блѣдный, переживая мученія страха и жалости за себя, за своего отца.

Потомъ вскочилъ, началъ шагать по кабинету, сжимая порою голову, виски ладонями, стараясь унять обычную боль, которая сразу поднялась и мѣшала мыслить, даже смотрѣть на свѣтъ.

— Можетъ быть, бабушка и права... Даже навѣрное... Отецъ не сумѣетъ такъ ловко править людьми, какъ удавалось ей. Но многое дурно и въ ея дѣлахъ. Можетъ ли сынъ вступить въ заговоръ противъ отца даже съ самыми благими цѣлями? Наконецъ, что скажутъ люди, что подумаютъ другіе государи? Сынъ лишилъ трона родного отца! Въ императрицѣ говорить политическій расчетъ, государственный опытъ, а то и просто желаніе, чтобы по ея смерти дѣло шло по-старому. Съ ней спорить нельзя. Правда, смерть ея очень близка... Это лицо... эти безсильныя блѣдныя руки... Но и служить добровольно такимъ планамъ мѣшаетъ сердце, сыновній долгъ... Что дѣлать? Кого спросить? Лагарпа уже нѣтъ.... Никого нѣтъ. Пустыню создали и вокругъ него, Александра... И бабушка, и отецъ опасаются, чтобы кто-нибудь не вліялъ сильно на юношу, пользуясь его податливостью... Это—большѣ внѣшняя податливость. Онъ такъ еще мало знаетъ жизнь и людей. Онъ остороженъ по природѣ. Самолюбивъ. Полонъ возвышенныхъ идей, завѣщанныхъ удаленнымъ „гражданиномъ свободной Швейцарской республики“, Лагарпомъ... Но чего онъ желаетъ, онъ, подобно бабушкѣ, умѣетъ сильно желать. Пока онъ слабъ, и приходится достигать цѣли окольными путями. Очень надо оберегать и собственную безопасность и лучшія чувства души...

Какъ же поступить? Что дѣлать теперь?

Вдруг молніей мелькнула простая, такая естественная мысль:

„Онъ же мой отецъ... Надо ему сказать... Съ нимъ поговорить“. Но и это трудно сдѣлать безъ предварительныхъ предосторожностей... Найдеть на Павла его обычный припадокъ раздраженія... Онъ оскорбитъ, не пойметъ...

Надо приготовить...

И Александръ, призвавъ своего бывшего воспитателя, генерала Протасова, который постоянно старался сблизить отца съ сыномъ, объяснилъ ему въ общихъ чертахъ положеніе дѣла, задалъ вопросъ:

— Какъ поступить теперь?

Прямой, старозавѣтный „дядька“ отвѣтилъ, какъ и ждалъ Александръ:

— Надо обо всемъ доложить его высочеству, батюшкѣ вашему.

— Я не рѣшаюсь сразу, самъ... Предупредите его высочество, прошу васъ...

Старый пестунъ съ удовольствіемъ взялся исполнить порученіе.

* * *

Закинувъ руки за спину, стоитъ передъ сыномъ Павелъ.

Онъ блѣденъ, глаза выкатываются отъ гнѣва изъ орбитъ. Порывистое пыхтѣніе вмѣсто словъ вырывается изъ груди.

— Ххо... ххоо!.. Вотъ какъ. Все рѣшено. Я давно зналъ. Но не надѣялся на столь прямое поношеніе. Всякія шиканы переносить приходилось. А ужъ это — сверхъ терпѣнія! И вы, ваше высочество, сынъ мой, — вы слушали спокойно... И не отвѣтствовали, какъ подобаетъ моему сыну, по долгу священному, по присягѣ и служебному арти-

буду, какъ я доселѣ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола и присяга о томъ для всѣхъ священна, всѣмъ обязательна, сыновьямъ моимъ и паче того... А вы?..

— Ваше высочество...

— Молчать и слушать, когда говорятъ старшіе! Не пойму, зачѣмъ мнѣ отъ васъ извѣщеніе послѣдовало. Или отъ меня ждали похвалы и утвержденія низостямъ, которыя матушкой моей задуманы по наущенію ея подлыхъ придворныхъ льстецовъ и клеветовъ... Съ коими и вы, сынъ мой, дружбу ведете, впрочемъ! Да-съ, я знаю то.

— Ваше высочество, осмѣлюсь увѣрить, что нисколько дружбы и расположенія къ тѣмъ людямъ не питаю. И могутъ ли эти лица, какъ Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, Мятлевъ, либо Салтыковъ, которыхъ и лакеями у себя имѣть не желалъ бы, могутъ ли они искреннимъ расположеніемъ пользоваться отъ честныхъ людей, къ коимъ и себя причисляю? Ихъ сила теперь. И, оберегая себя, васъ, государь, стараюсь не высказывать своего къ нимъ презрѣнія...

— Ну, положимъ, это вѣрно. Правда, я погорячился. Очень печальна вѣсть, съ которой вы пришли, о которой говорилъ старикъ Протасовъ. Онъ да Аракчеевъ — вотъ истинные друзья мои. И ваши, сынъ мой. Помните то.

Обратясь къ Аракчееву, сутулая, высокая и неувлужая фигура котораго темнѣла въ дальнемъ углу слабо освѣщеннаго покоя, Павелъ поманилъ своего вѣрнаго помощника:

— Подойди. Отъ тебя нѣтъ и не имѣю я тайнъ. Не долженъ имѣть ихъ и сынъ мой, наслѣдникъ мой! — съ удареніемъ проговорилъ Павелъ.

Не выдавъ ничѣмъ своего внутренняго недовольства, съ обычнымъ ласковымъ лицомъ и яснымъ взоромъ протянулъ Александръ руку Аракчееву:

— Какъ радъ я, что могу видѣть истиннаго друга, хотя бы одного, себѣ и его высочеству, среди окружающихъ насъ! Прошу не отринуть мою дружбу, Алексѣй Андреевичъ!

Грубое, невыразительное лицо будущаго диктатора - лакея все ослабилось, приняло умиленно-растроганный видъ. Даже всхлипыванія послышались въ скрипучемъ, хрипломъ голосѣ, когда онъ, согнувшись пополамъ, бережно касаясь руки Александра, проговоръ:

— Ваше высочество! Духу не хватаетъ выразить! Богъ видитъ сердце... Вы узнаете вскорѣ преданность раба своего!

— Довольно болтовни. Къ дѣлу. Чего же вы желаете, ваше высочество? Зачѣмъ, собственно, желали видѣть меня?

— Спросить, какъ посоветуете, какъ прикажете поступить въ столь трудномъ положеніи. Долгомъ счелъ открыть вамъ душу и то, что задумано... И представить бумаги, врученныя мнѣ, ваше высочество.

— Видѣлъ... Прочелъ! Великолѣпно! Мать родная, эта старая... грѣшная женщина... Она могла!.. Но что же мнѣ остается? Что долженъ дѣлать? Вы скажите, ваше высочество? Я убѣдился, сердце и душа чисты остались въ моемъ сынѣ, благодареніе Богу. Пожалуй, даже и хорошо, что не воспротивились вы сразу такимъ низкимъ планамъ. Что-либо худшее могла предпринять тогда эта старая, хитрая пра... правительница, матушка моя!.. Чужого принца могла бы призвать, лишь бы не меня... О, я знаю, она все можетъ... Какъ же быть?

Вдругъ, глядя въ глаза сыну, онъ спросилъ:

— А вы тутъ стоите не съ тѣмъ, чтобы вызнать что-либо? и потомъ..

— Ваше высочество!..

— Ну, не волнуйтесь, не оскорбляйтесь. Я вашъ отецъ, прошу не забывать... Я — государь вашъ въ будущемъ, по законамъ людскимъ и Божьимъ... И хочу провѣрить, насколько искренни ваши намѣренія и слова. Слушайте меня!

Принявъ совѣтъ особую осанку, стараясь быть величественнѣе, торжественнымъ тономъ Павелъ произнесъ:

— Готовы ли принять теперь же присягу на вѣрность мнѣ, вашему государю и отцу, когда Богъ призоветъ нашу добрѣйшую государыню, такъ любящую своего внука?

Выпуклые, сверкающіе глаза отца сверлятъ лицо сына, будто въ душу хотятъ заглянуть.

Александръ словно увидѣлъ передъ собой новый, неожиданный, но очень пріятный исходъ. Присяга! Это сниметъ съ его души и совѣсти отвѣтственность за все дальнѣйшее. Онъ можетъ тогда оставаться спокойнымъ зрителемъ, что бы ни случилось потомъ... Пусть другіе, ретивые актеры этой трагикомедіи лютуютъ слезы и кровь, радуются и рыдаютъ, какъ имъ угодно!

Онъ, Александръ, связанный присягой, но и освобожденный ею отъ необходимости выступать и дѣйствовать самостоятельно, можетъ занять мѣсто въ первомъ ряду, созерцать, аплодировать, шикать... Только не играть... А это все, что ему пріятно и желательно въ мірѣ...

Съ просвѣтленнымъ лицомъ, искренно, живо отозвался сынъ на предложеніе отца:

— Когда угодно готовъ присягнуть, ваше высочество...

— Да?! Прекрасно. Теперь вижу, вѣрю. И онъ, Константинъ... Его зови, Алексѣй Андреичъ! И будешь свидѣтелемъ... И его зови!.. Но пока, мой сынъ, храните тайну. И не спорьте съ больной старухой, чтобы она еще чего худшаго не придумала... Понимаете, ваше высочество?!..

— Слушаю, ваше величество...

— Величес... Да, да! Съ этой минуты я для васъ— ваше величество, вы правы... Разъ присяга принята вами будетъ... вы правы... Ха-ха-ха... На зло всѣмъ... и ей, этой... старой, хитрой матушкѣ моей, императрицѣ Екатерѣ... „великой“... Ха-ха-ха... Все-таки, я величество, и никто другой...

* * *

24 сентября, черезъ недѣлю послѣ бесѣды съ отцомъ и присяги, Екатерина получила отъ старшаго внука письмо слѣдующаго содержания:

„Ваше Императорское Величество!

Я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за довѣріе, какимъ Ваше Величество изволили почтить меня, и за ту доброту, съ какою изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что, судя по моему усердію заслужить неоцѣненное благоволеніе Ваше, Ваше Величество убѣдитесь, насколько сильно я чувствую значеніе милости, мнѣ оказанной.

Дѣйствительно, даже своею кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что вы соблагородили уже и еще желаете сдѣлать для меня. Бумаги эти съ полною очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя Вашему Величеству благоугодно было сообщить мнѣ и которыя, если позволено будетъ мнѣ высказаться, какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства моей живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самую неизмѣнную преданностью

Вашего Императорскаго Величества всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ

Александръ“.

„Ну, вотъ и хорошо! — подумала Екатерина, глядя на ровныя, четкія строки письма. — Немножко холодно. Но дѣло такое, что нѣжности тутъ были бы не къ лицу. У мальчика есть тактъ. И какъ онъ мило пишетъ. Интересно, кто поправлялъ ему слогъ. Лагарпа нѣтъ... Вѣрно, Чарторыйскій.. Но, теперь, главное сдѣлано! Хвала Небу!“

И она долго вглядывалась въ текстъ письма... По-французски князь писалъ тоньше и связнѣе, чѣмъ по-русски. Даже на ея собственный почеркъ похожъ почеркъ внука...

Если бы и правленіе его было похоже по удачамъ на ея царствованіе...

„Тогда счастлива будетъ воистину Россія“ — со вздохомъ подумала Екатерина.

Но до получения этого пріятнаго письма, въ правдивости котораго и не подумала усомниться старая государыня, не мало тяжелыхъ минуты пришлось ей пережить за нѣсколько дней...

* * *

На 20 сентября, какъ разъ въ день рожденія цесаревича Павла, назначенъ былъ отъѣздъ короля и герцога со свитой.

Но за три дня передъ этимъ, для прекращенія лишнихъ толковъ и сохраненія приличій „женихъ“ и „невѣста“ обмѣнялись подарками, и было оглашено, что все обстоитъ благополучно. Предложеніе Густава-Адольфа относительно совѣщанія съ „генеральными штатами“ было какъ-будто принято въ серъезъ и пущено въ большую публику.

Сватовство, какъ оповѣстили столицу, состоялось. Но вопросъ о греческой вѣрѣ невѣсты заставляегь отложить дѣло на два мѣсяца, и, конечно, будетъ рѣшенъ генераль-

ными штатами благопріятно, въ виду прежнихъ обычаевъ и примѣровъ

Общество сдѣлало видъ, что вѣритъ этой благовидной отсрочкѣ. Но имя княжны Александры было у всѣхъ на губахъ, и приносили его съ нѣжнымъ сожалѣніемъ и участіемъ даже тѣ, кто никогда не видѣлъ малютки...

Красивы и богаты были подарки жениха. Онъ вспомнилъ, какіе камни любитъ его „невѣста“. Крупные сапфиры, прозрачныя лучшей воды изумруды сверкали въ тонкой художественной оправѣ на темномъ бархатѣ тяжелыхъ, большихъ футляровъ.

Крѣпко сжала зубы, крѣпилась дѣвушка, когда ей принесли подарки навсегда уѣзжающаго жениха. Не хотѣлось ей при чужихъ, постороннихъ людяхъ обнаружить своего горя.

Но едва ушли чужіе, она только сказала съ мольбой:
— Уберите... унесите, скорѣе унесите это...

И снова долгія, неудержимыя, истерическія рыданія потрясали молодое, нѣжное тѣло покинутой еще до брака, бѣдной малютки-невѣсты.

Какъ ни странно, но въ мрачныхъ стѣнахъ павловскихъ дворцовъ, рядомъ съ дворцомъ Екатерины, гдѣ прежде необузданное, безстыдное распутство русскихъ вельможъ и ихъ женъ, смѣшанное съ тонкимъ, циничнымъ, развратомъ, занесеннымъ тысячами благородныхъ и художественныхъ эмигрантовъ съ береговъ Сены, — въ этомъ омутѣ уцѣлѣла такая чистая, дѣтская душа. Словно голубой цвѣтокъ среди гнилого, глубокаго болота, расцвѣла княжна, еще не успѣла узнать жизнь и была уже раздавлена, измята руками честолюбцевъ и глупцовъ, которые не подумали, какъ тяжело будетъ расплачиваться чистой душѣ за ихъ ошибки и грѣхи...

Въ день рожденія цесаревича Павла императрица поднялась съ постели позже обычнаго времени.

Неудачи приходятъ всегда чередою: мелкія слѣдомъ за крупными.

Два дня тому назадъ, желая принять ванну, Екатерина, чтобы не беспокоить никого, осторожно, медленно двинулась къ лѣстницѣ, ведущей внизъ, гдѣ ждали прислужницы, обычно помогающія ей при мытьѣ.

Также осторожно, чувствуя, какъ слабы и невѣрны ея шаги, стала спускаться она по первой, небольшой лѣстницѣ, вдругъ остунилась и покатилась внизъ до самой площадки, хватаясь дрожащими руками по сторонамъ и не находя точки опоры.

Легкій крикъ, шумъ паденія долетѣлъ до слуха Захара, который сидѣлъ въ сосѣдней прихожей. Онъ кинулся, едва могъ поднять грузное тѣло Екатерины и довелъ ее, тихо стонушую, до постели.

— Не говори генералу... никому... Что, лицо ушиблено? Знака нѣтъ? И хорошо... Роджерсона позо...

Она не договорила; погрузилась въ легкое безпамятство.

Но сильное старое тѣло справилось и съ этимъ довольно легко. Пришлось пустить кровь опять; нѣсколько синихъ подтековъ осталось на боку и на груди.

А черезъ два дня Екатерина уже работала и принимала министровъ, сидѣла за картами остатокъ вечера, какъ всегда.

Въ день рожденія Павла снова вернулась досадная немощь къ Екатеринѣ.

— Знаешь, Саввишна, — обратилась она къ вѣрной старой служанкѣ, мѣняя утренній капотъ на дневное обычное платье: — что-либо особенное нынче произойти должно. Покойную государыню видѣла я во снѣ... и матушку свою...

И его... мужа... Все мнѣ теперь снится онъ. Иной разъ боюсь, право, въ темный уголь поглядѣть къ вечеру. Вдругъ привидится отъ разстройства моего? Что станеть со мною? Только, гляди, строго приказываю: не проболтайся. Смѣяться стануть надо мной, что о такихъ глупостяхъ думаю. Сама вѣкъ надо всѣмъ этимъ шучивала. А, вотъ, подь старость вышло...

— Извѣстное дѣло, подь старость всякій человѣкъ умнѣе становится. Чего раньше не зналъ, то понимать можетъ, матушка.

— Вотъ какъ... А ты, видно, никогда не состаришься, если по-твоему правда....

— Ну, какъ не старѣть? Это тебѣ Богъ вѣку и красоты даетъ... А мы?.. О-охъ... Дожить бы скорѣе—и на покой. Тебя вотъ только жаль оставить. Кто тебя беречь, служить станеть?

— Некому, вѣрно. Правда твоя, старая ты ворчунья... Да, вотъ, гляди... Я не мимо сказала... Гляди,—волнуюсь, даже блѣднѣя быстро заговорила императрица, направляясь къ окну: — что это? Туча... Сразу набѣжала... Молнія свѣтитъ... Какъ сильно... Громъ!.. Слышишь, громъ... Генерала позови... Не уходи сама. Зотовъ пусть, а нѣтъ Захара—Тюльпину скажи. Сама останься...

— Матушки! Въ жисть грозы не баивалась. А тутъ, гляди,—заворчала, выходя, Перекусихина, распорядилась и сейчасъ же вернулась, оправила неугасимую лампаду передь образомъ, продолжая ворчать:

— Что нашло? Что припало? Господи! Хоть съ уголька опрыскивай, одно и есть...

— Довольно... ужъ все прошло... неожиданно такъ, вотъ и смутило меня. Я ничего неожиданнаго не переносу. Знаешь, старая. А грозы не боюсь. Дивно только... Чудо прямое... Стой, стой... Дай припомнить... Такъ и есть,—

снова блѣднѣя, опускаясь въ кресло у окна отъ внезапной слабости, забормотала Екатерина.

— Что съ тобою, матушка? Али доктура снова звать?.. — встревоженно спросила Перекусихина.

Голосъ Зубова, вошедшаго въ эту минуту, прозвучалъ, какъ эхо:

— Что съ тобою, матушка государыня? Роджерсона надо звать?..

— Ахъ, ты? Идите, идите, генераль... Пустое. Слабость небольшая. А эта дура уже тревогу готова поднять. Видите: гроза... Я говорю: въ такую позднюю осеннюю пору... Я говорю, — Екатерина какъ-то странно улыбнулась, словно насилуя себя: — говорю, что вспомнила...

— Что вспомнила, матушка? Не тревожьте меня, ваше величество! Вонъ, на васъ лица нѣтъ... Иди, скажи, врача позвали бы, Марья Саввишна, прошу тебя...

— Иду, иду, батюшка Платонъ Александровичъ... А вы вотъ спросите ее: что вспомнила? Можетъ, вздоръ какой.. А себя, другихъ тревожить... Вспомнила!

Ворча, ушла камеристка.

— Давно ужъ это. Но я не забыла... Сорокъ, почитай, лѣтъ тому назадъ.. Какъ пришло время государынѣ Елисаветѣ кончаться... въ тотъ самый годъ.. тоже гроза поздней осенью грянула... Вотъ, вотъ, такая же сильная... И деревья трепались по вѣтру, и стонало въ пареѣ... И дождь хлесталъ... А молніи... Вотъ, вотъ, какъ эти... Помилуй, Господи... Какъ близко ударило... Грохотъ какой...

Она полузакрyla руками свои глаза.

Зубовъ долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы преодолѣть невольный страхъ, навѣянный воспоминаніями Екатерины, сильнымъ блескомъ молніи и грохотомъ громоваго раската, такъ некстати грянуваго въ этотъ мигъ.

Но онъ сейчасъ же громко, хотя наполовину вынужденно, расхохотался:

— Ваше величество... ужли-жь вы забыли опыты скромнаго друга вашего съ этимъ электрическимъ спектаклемъ, который сейчасъ столь пугаетъ вашу разстроенную душу? Не желаю покидать вашего величества. Не уйду отъ тебя, матушка. А то бы можно спустить мой змѣй золоченый. Вотъ бы искръ принесло. Что осенью гроза, тоже понятно. Лѣто позднее стояло, жаркое. Осень — теплая необычно. И собралось довольно зарядовъ въ облакахъ наверху и въ землѣ. Вотъ и чудо все. Быть можетъ, такъ оно случилось и въ годъ смерти той покойной государыни.

— Такъ явилось оно и въ годъ смерти твоей государыни, — грустнымъ, значительнымъ тономъ произнесла императрица, не отводя глазъ отъ окна, за которымъ бушевала гроза и буря.

— Что вы, что вы, матушка, ваше величество! — началъ было Зубовъ, но затихъ и тоже перевелъ глаза отъ нея туда, за окно.

Ему вдругъ показалось при блескѣ яркой молніи, въ грозовой полутьмѣ, которая наполняла теперь покои, что лицо императрицы совсѣмъ какъ у мертвеца...

А Екатерина продолжала спокойно, значительно:

— Сколько бы не было у матерей дѣтей, внучать, правнуковъ... Ей самаго малаго, самаго далекаго жаль, если уходитъ онъ. Понимаетъ, что смерть свое беретъ, а все жаль! Мы — дѣти великой природы... Она рождаетъ... и губить насъ... А, можетъ, ей тоже жаль?... И рыдаетъ она...

Большое, многолюдное собраніе у „новорожденнаго“, у цесаревича Павла.

Двери настѣжь повсюду, видны ряды по-праздничному убранныхъ покоевъ, заставленныхъ цвѣтами, деревьями въ кадкахъ, со старинной, богатой мебелью, освобожденной отъ чехловъ, какими аккуратная, по-нѣмецки, Марія Федоровна велить покрывать ее всегда.

Императрица съ семьей, окруженная самыми близкими людьми, сидитъ въ уютной гостиной.

Сегодня въ домѣ праздникъ, который привыкли справлять радостно.

А всѣ сидятъ теперь въ черномъ, только бѣлыя перчатки наглыми, рѣзкими пятнами выдѣляются на фонѣ черныхъ матерій, черныхъ вуалей, спадающихъ съ головы у дамъ... При дворѣ трауръ по королевѣ Португальской, близкой родственницѣ императрицы. И бѣлыя траурныя перчатки на черномъ фонѣ гладкихъ нарядовъ выдѣляются, напоминая бѣлый оскаль рѣдкихъ зубовъ въ черной пасти оголеннаго черепа...

— Совсѣмъ нѣмецкія похороны, — съ улыбкой оглядѣвшись, замѣчаетъ императрица: — тамъ тоже принято такъ сидѣть, въ бѣлыхъ перчаткахъ при черномъ нарядѣ...

Всѣ улыбаются.

Невеселая, горькая улыбка у всѣхъ. Лучше бы они плакали...

Обширный театральныи залъ отведенъ для ужина.

Какъ бывали веселы здѣсь эти ужины порой... Особенно въ небольшихъ ложахъ, гдѣ, ради тѣсноты, тоже накрывались отдѣльные столики на три - четыре куверта. Обычно молодежь забиралась своими кружками въ уютныя ложи...

Тосты, смѣхъ, веселье, влюбленный шопотъ подъ шумокъ...

Даже и во дворцѣ у Павла не можетъ безъ этого шопота, лепета прожить веселая молодежь.

А сейчасъ не то у всѣхъ на умѣ.

Король уѣзжаетъ... Какъ блѣдна Александрина... Павелъ держится поодоль ото всѣхъ, въ тѣни, какъ будто стыдится окружающихъ, желаетъ избѣжать и сочувственныхъ взоровъ, такъ же какъ и насмѣшливыхъ, бросаемыхъ ему вслѣдъ врагами, вродѣ Зубова, Моркова, Пушкина, Вяземскаго и другихъ. О, онъ знаетъ ихъ всѣхъ хорошо! Конечно, самъ не подмѣчаетъ, не видитъ цесаревичъ такихъ взоровъ. Но онъ чувствуетъ ихъ на себѣ... Онъ многое чувствуетъ, о чемъ не подозрѣваютъ другіе, никто въ мірѣ! Пожалуй, его бы тогда родная мать назвала сумасшедшимъ и еще при жизни заключила, радуясь облегченію въ затѣянныхъ ею планахъ... Про нихъ тоже многое знаетъ Павелъ. Но молчить... Онъ молча, самъ въ себѣ, готовится къ чему-то...

И только порою, случайно встрѣчаясь на ходу съ Александромъ, со своимъ первенцомъ, — сразу пристально взглядывается въ лицо, въ глаза юноши... И сейчасъ же проходить мимо. Онъ еще не видитъ ничего въ этихъ глазахъ, чего надо бояться ему, отцу своего первенца... А остального онъ не боится... когда придетъ часъ... Онъ близокъ, это чувствуетъ Павелъ. И хотѣлъ бы запрыгать, запѣть.

Но еще сумрачнѣе и строже становится его лицо. Онъ словно видитъ большой залъ во дворцѣ. Свою дочь, себя... Свою мать... Слышитъ, какъ ненавистный фаворитъ подходитъ и тихо говорить ей:

— Король не придетъ!

Проклятая минута!

Нѣтъ, святая минута! Она приближаетъ что-то, прекрасное, великое... И забываетъ о перенесенномъ стыдѣ Павелъ, о годахъ гнета и мученій... Но тутъ-же послѣшню отходить ото всѣхъ, чтобы кто-нибудь не прочиталъ за-таенныхъ думъ Павла на его лицѣ. Изъ дальняго угла окидываетъ окружающихъ взоромъ хозяинъ. И только на одно лицо хочетъ и боится поглядѣть: на лицо матери.

Онъ поглядѣлъ разъ, что - то прочелъ на немъ, обрадовался... И боится поглядѣть снова, чтобы не испытать разочарованія, не прочесть иной вѣсти... Не такой радостной для него, для наслѣдника, но болѣе желанной для самой государыни, матери его.

Какъ даровитая, прирожденная комедіантка, Екатерина чувствуетъ упадокъ настроенія у своей блестящей „публики“. Она желаетъ красиво доиграть роль до конца. Она умѣетъ оживлять большія толпы, забавлять пустяками и веселить сквозь слезы.

Преодолѣвъ свою грусть и слабость, обходитъ она ужинающихъ, останавливается у разныхъ группъ... Всѣмъ находитъ ласковое, милостивое слово, въ то же время даетъ явное доказательство, что императрица не пала духомъ, что она спокойна и здорова, а не собирается умирать отъ огорченія, какъ шепчутъ ея нѣкоторые „друзья“...

И понемногу мѣняется видъ и настроеніе похороннаго пира. Звучать кое-гдѣ шутки, смѣхъ... Звенять бокалы, края которыхъ сталкиваются другъ съ другомъ, орошая пѣной цвѣты, брошенные на роскошно убранный столъ...

Все было бы хорошо. Но отчего такъ блѣдна Александра? Отчего суровъ и неулыбчивъ ея отецъ? Отчего такъ медленно движется впередъ грузная фигура императрицы? И даже словно меньше ростомъ стала она, хотя старается такъ же высоко, гордо нести свою красивую еще голову, какъ это дѣлаетъ всегда...

Варвара Головина, сидя рядомъ съ молодой графиней Толстой, негромко говоритъ ей:

— Я видѣла твоего мужа у великаго князя... Вчера, ночью... Я знаю кое-что.. Побереги его.. И надо побережь Александра...

— О, пустое... Тутъ нѣтъ ничего... Такъ, вздоръ...

Дѣла по службѣ... Ты ошибаешься, Варге. Но какъ блѣдна Александрина...

— Ничего, все пройдетъ. Я даже рада за нее, что такъ вышло. Какой злой, бездушный человѣкъ. Она не была бы съ нимъ счастлива...

— И я такъ думаю, — говоритъ Толстая. Тарелка почти пуста передъ нею. Она не пужна. Молодая женщина беретъ тарелку, поднимаетъ надъ плечомъ, чтобы лакей, стоящій сзади, перемѣнилъ приборъ.

Но вмѣсто руки въ перчаткѣ, — чья-то женская прекрасная блѣлая рука съ крупнымъ брилліантомъ на пальцѣ беретъ тарелку.

Толстая оглянулась, вскочила, вспыхнула, какъ огонь. Дрожить смущенный, испуганный голосъ...

— Ахъ!.. Ваше... — Голосъ дальше оборвался.

— Вы испугались меня, графиня? Вы меня боитесь? Что во мнѣ нынче такое страшное?..

— Я смущена, ваше величество, что не взглянула назадъ... Отдала вамъ тарелку...

— Что же? Я стояла недалеко.. говорила съ Львомъ Александрычемъ... Вотъ онъ сидитъ. И пришла вамъ на помощь... О чемъ толковали, сударыни?

— Да такъ, пустяки... Много чудачковъ еще есть у насъ... Вотъ, этотъ князь Вѣлосельскій... Чванный какой, страхъ... А, надо бы думать, понимать долженъ кое-что. Побывалъ повсюду, въ чужихъ краяхъ. Видѣлъ, какъ люди живутъ...

— Дорога дурака не красить... Только рака красить горе, — съ легкимъ невольнымъ вздохомъ произнесла государыня. — Ну, веселитесь... Ай, батюшки, пудры сколько съ прически на платьѣ насыпано... На черномъ выдаетъ. Не то, что на цвѣтныхъ туалетахъ. Да, въ слову: Малюшкинъ нашъ, князекъ, какъ потѣшилъ меня... Тоже во Франціи

побываль. Видѣль, что тамъ пудра у франтовъ на спинѣ бѣлѣть. Не поняль, что осыпалась съ парика. Пріѣхаль, спину пудрить себѣ велить. „Такая“, — моль, — „последняя мода въ Парижѣ!“ Забавный...

— Спину пудрить... Ну, это стоитъ смѣху!

И обѣ молодья собесѣдницы государыни громко за-смѣялись отъ души.

Дальше идетъ императрица, сыплеть ласки, шутки...

Она рѣшила съ блескомъ доиграть свою роль до конца.

* * *

Слабо освѣщена уютная, обширная спальня.

Марія Федоровна уже въ постели. Но она не спитъ.

Павель въ шлафрокѣ, въ туфляхъ, съ колпакомъ на головѣ, — рассказываетъ по комнатѣ, вродѣ своей матери. Но въ наружности, въ движеніяхъ сына нѣтъ той силы и законченности, какъ у матери.

На ходу онъ и здѣсь, въ туфляхъ, маршируетъ, какъ на плацу, вытягиваетъ носомъ, ставитъ сразу, по птичьи, на мягкій коверъ большія, не по росту, ступни своихъ слабыхъ, тоненькихъ ногъ... Такія же, несоразмѣрно большія кисти рукъ взлетаютъ почти при каждомъ шагѣ, и забавная тѣнь рисуется на ближней стѣнѣ. Порою одна рука хватаетъ разлетѣвшіяся полы халата, запахнетъ ихъ, упадетъ — и полы опять разлетаются, какъ повисшія, трепетныя крылья большой водяной птицы, пеликана, бредущаго на тонкихъ ногахъ и присѣдающаго слегка на ходу, движеніемъ крыльевъ сохраняющаго равновѣсіе...

— Когда же это кончится, наконецъ? — на высокихъ нотахъ, визгливо и въ то же время хриплымъ, срывающимся часто голосомъ выкрикиваетъ Павель: силъ моихъ нѣтъ! Столько лѣтъ терплю... Съ самаго дня рожденія! За что

судьба потѣшается надо мною? Кто проклялъ меня? Всѣ живутъ какъ люди... Одинъ я... Вотъ ужъ полвѣка скоро маюсь... И нѣтъ конца... За что? Почему? Васъ спрашиваю, Марія Федоровна: почему?

Молчитъ она. Отвѣчать нѣтъ смысла. Весь день хорошо прошелъ. Но среди вечера подулъ южный вѣтеръ, и сразу нервы разошлись у цесаревича. Едва могъ онъ вѣжливо проводить императрицу и гостей... Но здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ отводить душу, клянетъ судьбу и мѣръ, и людей... И негодуетъ и проклинаятъ. Плачетъ порой, пока усталость не охватитъ взмятенную душу, больное тѣло, и онъ уснетъ тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Слушаетъ молча жена и ждетъ, скоро ли смолкнетъ Павелъ.

А онъ опять заговорилъ:

— У меня, въ моемъ дому—насмѣшки, глумленье надо мною! Думаютъ, я не замѣчаю ничего? И другіе говорятъ мнѣ... Много говорятъ. Вотъ, теперь сына противъ отца поднимать вздумали. „Бабушка-де скоро умереть! Готовься царствовать. Тебѣ завѣщанъ тронъ, не отцу... Партію собирай! Отца чтобы не допустить, если онъ...“ Да-съ, вотъ что вашему сыну толкуютъ. Добро, что еще молодъ, неиспорченъ... и робокъ мой сынъ... Ошибутся... Ни на что не осмѣлится нашъ сынъ! Я буду царствовать, я! И почему бы нѣтъ? Почему онъ? Почему—всѣ, да не я? Проклятъ! Не нравлюсь... Матушкѣ родной не нравлюсь... Никому не нравлюсь... Вамъ тоже не нравлюсь... А? Говорить извольте, если спрашиваетъ мужъ... Почему? За что? Я ли виновенъ, что вышелъ такимъ? Я другимъ могъ быть... Ростъ развѣ мой? Вотъ рука моя! Мужчины рука! Нога тоже настоящая! Большая, широкая... А тутъ!..

Онъ ударилъ себя по бокамъ, по груди.

— Задушили, заморили... Въ пуховикахъ томила ба-

бушка, императрица покойная. Отчего мать не вступилась? Выростила же моихъ сыновей?.. Вонъ какіе... Мои вѣдь они! А? Я вамъ говорю! Или не мои? Вонъ, носъ у Константина—мой совѣтъ... Александръ—онъ на васъ, но и на меня походить... Мой онъ сынъ, я спрашиваю?..

— Мой другъ!..

— Не слезы-ль снова? Не терплю! Не обижаю васъ, не сомнѣваюсь. Подтвержденія словамъ моимъ хочу... Только и всего-съ!.. Мой сынъ?

— Ну, можешь-ли ты...

— Мой, значить! Какой большой, красивый... И я такимъ бы могъ быть... Заморили, задавили съ колыбели... Потомъ Панинъ калѣчилъ... Душу извратилъ, тѣло засушилъ... Виды были на то... Политическіе виды у матушки моей!.. Хе-хе-хе!.. И потомъ душили... И теперь... Сорокъ два года давятъ, дышать не даютъ... И говорятъ, что золь я... Что причуды у меня... Развѣ я не былъ бы добрымъ? Развѣ жаденъ, завистливъ я? Людей не люблю? Бога не боюсь? Не жалѣю всѣхъ... Жалѣю. Да себя больше всѣхъ жалѣю... Нищій счастливѣе меня: у него мать была, семья... У него сыновей не отымали... Его не тѣснили, не давили. Онъ могъ смѣяться, когда весело, плакать, когда скука... А я не могу. Долженъ по чужой флейтѣ плясать... Оттого и сталъ такимъ... Вотъ, вотъ...

Онъ подошелъ къ зеркалу и пальцемъ сталъ тыкать въ стекло, въ свое изображеніе, которое неясно отражалось тамъ при свѣтѣ шандала на ближнемъ столѣ.

Вдругъ произошло что-то странное.

Павель схватилъ тяжелый бронзовый шандаль и съ размаху ударилъ въ то мѣсто, гдѣ отражалось его смѣшное, теперь искаженное гнѣвомъ, лицо.

Гулко пронесся ударъ, звукъ котораго отраженъ былъ доской подъ стекломъ.

Звоня, посыпались осколки.

Въ ужасѣ вскочила великая княгиня, кинулась къ мужу:
— Что ты сдѣлалъ, другъ мой?

— Ничего, смотри... Какая рожа!.. Души моей не видно!.. Вотъ, рожа... Ее видать!

Онъ, какъ зачарованный, продолжалъ глядѣть въ зеркало.

Что-то странное случилось тамъ.

Куски выпали, но небольшіе. Слабая рука выкрошила рану въ гладкомъ стеклѣ. И зеркало отражало лицо Павла, но вмѣсто носа чернѣла выбоина. Другая темнѣла на вискѣ, словно глубокой проломъ. Трещина пришлась тамъ, гдѣ отражался ротъ, и искривила его въ странную улыбку.

Потомъ, четыре года спустя, увидя мертваго мужа, Марія Федоровна вспомнила эту минуту. Но сейчасъ, другая мысль охватила ее безотчетнымъ, леденящимъ страхомъ.

— Зеркало разбилъ... Мертвецъ... покойникъ будетъ въ домѣ...

— Не въ этомъ, нѣтъ, не въ этомъ! Я такъ хочу!.. И заставлю самую судьбу измѣнить свои рѣшенія!.. Я знаю ея волю... Нынче вечеромъ я читалъ ее...

— Гдѣ, другъ мой? Дорогой мой мужъ, успокойтесь... Вы больны... Гдѣ вы читали? Что?

— Смерть!.. Я прочелъ слово: „смерть“... Гдѣ?.. На лицѣ императрицы... у матушки моей... Тс... молчите... Никому ни слова, пока... Тс... Хе-хе-хе... Я прочелъ! Какъ весело... Какъ тяжело мнѣ! Проклятья я!.. Прокляты! Прокляты всѣ!.. Прокляты злобой судьбою!..

Смѣнная рыданія смѣхомъ, упалъ онъ къ себѣ на кровать и умолкъ понемногу...

Полтора мѣсяца прошло.

Самыя глубокія раны если и не заживаютъ порой, то люди перестаютъ чувствовать невыносимое жженіе, острую боль первыхъ дней.

Все притупляетъ незримое, ласковое время, все мертвить своей холодной, прохладю вѣющей въ душу, все-сильной рукой!..

Не плачетъ такъ часто и сильно юная княжна. Даже снова стала улыбаться порою... Поправилась и бабушка ея, императрица.

Заботы по царству, придворныя печали и радости, бездѣлье и дѣла снова наполняютъ умъ, привычный къ неустанной дѣятельности.

До конца октября еще сильно недомогала императрица, но дѣлъ набралось столько, самыхъ важныхъ, неотложныхъ, что пришлось пересилить себя и недугъ.

Когда Роджерсонъ уговаривалъ ее полежать, побережъ себя, она отвѣчала съ оттѣнкомъ раздраженія:

— Столько лѣтъ знаете свою больную, и все одно поете. Стоитъ мнѣ переломить болѣзнь, она и пройдетъ. Не въ первый разъ!

А тутъ добрыя вѣсти стали приходять, какъ-будто удача снова улыбнулась. 60 тысячъ штыковъ съ Суворовымъ во главѣ, посланныхъ на помощь рухнувшему трону Бурбоновъ, поддержали старую славу.

Принуждая къ отступленію передовые отряды республиканскихъ войскъ, шли впередъ Суворовскіе „дѣтки“, чудо-богатыри, которыхъ умѣлъ вести къ побѣдамъ и къ смерти вдохновенный старикъ, полубезумецъ, и полугерой...

Они рвали на себѣ въ клочки мундиры и трепали знамена непріятеля, разбивали обувь и съ босыми ногами били и отбрасывали за Рейнь отряды генерала Моро.

Только Бонапарту, гению революціи, ставшему послѣ ея злымъ гениемъ, на Аркольскомъ мосту, 6 ноября 1796 г. удалось остановить движеніе этой русской лавины, катящейся по кровавымъ нивамъ Европы для охраны кучки Бурбоновъ, отверженныхъ своимъ народомъ, осужденныхъ исторіей и Судьбой.

Но это случилось въ минуту, когда Екатерина не могла ни радоваться, ни печалиться ничѣмъ земнымъ...

А пока пришли пріятныя для императрицы вѣсти. И снова воспрянула духомъ, даже тѣлесно окрѣпла эта сильная, неугомонная женщина, словно рѣшившая упорно бороться и противъ старости, и противъ неудачъ, противъ Рока, которому подчинялись даже безсмертные боги Олимпа.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось людямъ.

Никто не зналъ, какія страданія душевныя и тѣлесныя выносила она, стараясь не выдать чѣмъ-нибудь своей мучительной тайны.

Екатерина сама слишкомъ хорошо извѣдала жизнь, сама въ себѣ носила всѣ зачатки хорошаго и дурного, чтобы не знать людей, особенно свой собственный дворъ, свой народъ.

Какъ ни странно, но самообольщенія не было у этой умной правительницы людей.

Она доказала это всею своею жизнью. Никто до нея и послѣ, занимая тронъ, не заботился столько о прославленіи себя всякими мѣрами, какъ эта „Великая Екатерина“...

Она сыпала золотомъ философамъ и поэтамъ, книги которыхъ читались, въ словамъ которыхъ прислушивался весь міръ. И, какъ благодарное эхо, звонъ червонцевъ русской императрицы превращался въ потокъ восхваленій „Семирамидѣ Сѣвера“...

Не жалѣя народныхъ денегъ и крови своихъ подданныхъ, начинала она военныя авантюры, завершеніе кото-

рыхъ приносило только рядъ реляцій о побѣдахъ войскъ императрицы на сушѣ и на водѣ. Но народу, государству— мало пользы было отъ тѣхъ побѣдъ.

Только безкровныя завоеванія Крыма и Польши округляли владѣнія. Но эти именно „завоеванія“, сдѣланныя подъ шумокъ, на счетъ безсильныхъ, слабыхъ сосѣдей, — они не много славы прибавили къ имени „побѣдительницы“ и въ глазахъ потомства, на страницахъ исторіи, и даже во мнѣніи современниковъ.

Правда, генераль Тутолминъ въ полномъ собраніи сената рѣшился нагло возгласить, обращаясь къ Платону Зубову:

— О, сколь не походите вы на нѣкоего „злоторнаго генія“, который присоединилъ къ Россіи дальнія степи казацкія, гнѣзда гибельной чумы, тогда какъ вы завоевали въ Польшѣ области плодоноснѣйшія, на рубежѣ лежащія съ сердцемъ образованныхъ странъ и жертвуете неустанно счастіемъ, здоровьемъ, лучшими годами жизни для славы государыни.

Но даже здѣсь, въ этомъ залитомъ золотомъ и милостями императрицы раболѣпномъ сенатѣ, и здѣсь низкая лесть прихлебателя была встрѣчена гробовымъ молчаніемъ, отъ котораго поблѣднѣлъ и льстецъ, и самъ фаворитъ, которому курели такой грубый ойміамъ.

Екатерина также осудила Тутолмина за плевокъ на могилу Потемкина.

А столицы, новая и старая, долго еще потѣшались надъ рѣчью, острили по поводу тѣхъ „неусыпныхъ трудовъ“, тѣхъ „безкровныхъ жертвъ“, какія фаворитъ приноситъ своей покровительницѣ, „не щадя жизни, здоровья и живота“...

А про Польшу общій говоръ выразился въ словахъ:

— Ловко урвали кусокъ отъ загнаннаго оленя, когда

столько сильныхъ, когтистыхъ лапъ тянулось къ даровому блюду...

Понимаетъ это Екатерина. И страхъ охватываетъ ее:

— Нельзя показать своей слабости. Стоитъ согнуться, — тебя толкнутъ, совѣмъ повалить постараются... И протянутся десятки когтистыхъ лапъ, будутъ рвать еще живое, трепещущее, но безсильное уже тѣло!..

Этого не хотѣла старая умная правительница.

Лучше умереть на ходу, на ногахъ... А тамъ, что будетъ, — ей дѣла нѣтъ..

Пока Екатерина жива, — она останется хотя бы по виду, хотя бы цѣной муки тяжелой, — прежней, удачливой, непоколебимой въ бѣдѣ и въ радости...

Такъ и поступаетъ она.

Встаетъ почти такъ же рано, какъ и всегда. Топить свой каминъ, садится за работу...

Правда, порою очень долго перо не опускается на чистый листокъ бумаги... А если и заскользитъ, то тяжело, медленно движется, поскрипывая, по бумагѣ...

Почеркъ даже измѣнился у государыни...

Сидитъ она больше, думаетъ... вспоминаетъ...

Почему - то стала прошлое очень вспоминать императрица.

Какъ будто утѣшить себя хочетъ блестящими картинами былого за сѣрую тоску настоящаго, за пугающій мракъ грядущаго дня...

Вотъ, вотъ они, юныя, прекрасныя, полупозабытыя, ушедшія давно изъ круга зрѣнія, ушедшія даже изъ жизни, милыя лица... Цѣлые рои, вереницы, толпы знакомыхъ, близкихъ лицъ, блестящихъ, незабвенныхъ картинъ и минутъ!..

Вотъ бѣдный замокъ, гдѣ прошло ея дѣтство... Сестры Кардель. Первая быстро ушла. Осталась вторая, веселая,

легкомысленная немного, живая француженка, но такая ласковая, терпѣливая. И умная. Она научила дѣвочку быть ровной, любезной со всѣми. „Никого не обижай. Тебя меньше обидятъ“! твердила наставница.

Это пригодилось и потомъ бѣдной принцессѣ.

А вотъ, ласковый, важный аббатъ Менгденъ, извѣстный своимъ даромъ прорицанія. Онъ глядитъ въ глаза худенькой дѣвочкѣ, касается ея высокаго, гладкаго лба и говорить:

— Я вижу здѣсь не одну, а три короны!..

Считаетъ въ умѣ императрица: „россійская, крымская и польская“! Вѣрно. Предсказаніе сбылось. Значить, кругъ завершень? Или еще нѣтъ? А Византія для Константина? А корона Индіи, а персидская митра? Или ими не придется увѣнчать старое чело.

Горько улыбается императрица...

А воспоминанія бѣгутъ своей чередой. Вотъ тотъ, которому тоже въ дѣтствѣ пророчили нѣсколько коронъ... Ея кузень, потомъ мужъ... Красивый сначала. Изуродованный оспой потомъ...

Ей больше повезло. Въ ожиданіи трона она жила среди простыхъ людей, далеко отъ этого трона, вокругъ котораго самый воздухъ всегда ядовитъ... И научилась оставаться человѣкомъ, женщиной со всѣми слабостями чловѣка и женщины на самой высотѣ... Но живымъ чловѣкомъ оставалась она. А онъ?.. Идея величія помрачила въ немъ чловѣческую душу, послѣдній разумъ и разнуздавала всѣ грубыя, животныя страсти... И онъ погибъ...

Прочь, прочь это воспоминаніе... Правда, она думала въ тайнѣ, желала невольню.

Но не такъ ужасно... не руками людей... Такихъ близкихъ ей, съ которыми она дѣлила думы, радость и страсть юнаго женскаго тѣла...

Алексѣй Орловъ... Онъ еще живъ.. Но теперь онъ не тотъ, какимъ былъ тогда... Прекрасный, мощный, какъ древній борецъ...

А братъ его, Григорій, который еще дороже былъ юной Екатеринѣ... И покинутой женѣ, и торжествующей царицѣ... Сильно любила она его за его силу, за рѣшимость...

Все прошло... А вотъ, и очаровательный красавецъ Понятовскій... Теперь—тоже старый, развѣнчанный король той Польши, которую она раздробила безъ пощады...

А еще въ болѣе глубокой тѣни прошлаго выплываетъ обликъ, красивый и лукавый.

Ея первая любовь: Салтыковъ...

Странно, самыя важныя событія жизни этой женщины, ведущія къ успѣху и власти, переплетены съ сердечными переживаніями, очень глубокими порою... Она не умѣла распутничать по расчету, какъ большинство женщинъ, окружавшихъ ее при дворѣ Елисаветы... И не тѣшилась грубой чувственностію, какъ другія. Струю чувствительности вносила она во все свои связи, даже мимолетныя... Отзвуки нѣмецкой родины, страны женскихъ вздоховъ и голубыхъ незабудокъ...

Вотъ дни переворота... Ряды войскъ... Толпы народа... Тогда народъ любилъ ее. Она умѣла обвужающихъ, по крайней мѣрѣ, привязать къ себѣ: гвардію, жителей столицы... Она сумѣла покорить и Москву, которая сначала холодно отнеслась къ „царицѣ-нѣмкѣ“. А теперь? Блеску—безъ конца... Но, какъ мало любви... Почему?..

Вотъ начало царствованія... Бецкій, Потемкинъ... Тоже широко одаренный человекъ съ искалѣченной, полубезумной душой...

И все же, онъ былъ лучше многихъ, такихъ выдержанныхъ, лощеныхъ, вотъ, какъ Васильчиковъ, Мамоновъ, Зоричъ, Зубовъ...

Да, да, лучше этого баловня. Хотя тотъ мертвъ, а этотъ живъ!

Но старая опытная женщина умѣетъ быть справедливой.

Единственное преимущество за этимъ то, что онъ живъ...

Не мало ихъ было... И всѣ ушли.

Этотъ-же здѣсь...

Давно оцѣнила она своего послѣдняго фаворита.

Вотъ онъ стоитъ передъ нею, залитый блескомъ, женоподобной, кошачьей какой-то наружностью и манерами.. Она любитъ кошекъ. Но мушкетѣ не надо бы походить на нихъ... Она знаетъ, какъ и отчего покрываются влагою и масломъ красивые глаза любимца, такіе откровенно-жадные, наглые порой, когда онъ не стѣсняясь выпрашиваетъ новыхъ даровъ. Онъ, украшенный всѣми первыми отличіями имперіи, орденами, съ ея портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, на груди.

Да, ему, какъ Орловымъ, какъ Потемкину, какъ еще двумъ - тремъ, самымъ дорогимъ людямъ, подарила Екатерина такой портретъ, высшее отличіе, какое въ ея власти.

Этимъ она какъ бы возвышала въ глазахъ у всѣхъ подданнаго до положенія гражданскаго, морганатическаго супруга своего...

А ему все мало. Послѣ смерти хануги-отца, вся фамильная жадность, все скряжничество словно переселилось въ Платона Зубова.

Невольно поморщилась при этой мысли Екатерина... Но, что дѣлать.

Мелкій онъ... духомъ и тѣломъ... Продажный, какъ содержанка... Пресыщенная женщина не закрываетъ своихъ глазъ ни на что... Но онъ продается весь, безъ остатка,

именно ей! Ею всецѣло онъ созданъ, понимаетъ, что не нуженъ больше никому, ни для чего. За позорную должность получаетъ щедрюю плату... И потому не измѣнить до конца... Вѣренъ, какъ умѣть, служить, какъ знаетъ... Пускай. Она дастъ свой опытъ, онъ — свою юную силу. Склеится что-нибудь до конца... А тамъ?... Ея не будетъ, когда начнется что-нибудь иное. Такъ, не все ли равно?... Этотъ—вѣренъ. Она знаетъ! Не даромъ старикъ Захаръ не разъ по ночамъ слѣдилъ, и днемъ вызывалъ: гдѣ, у кого бываетъ фаворитъ.

Потомъ приходитъ, докладываетъ. Не ищетъ женскихъ ласкъ этотъ холодный фаворитъ. Стараются только разогрѣть себя, чтобы она была довольна. Такъ надо и его баловать всеѣмъ, чѣмъ еще можетъ она, „Семирамида Сѣвера“...

Отвернувшись отъ прошлаго, окидываетъ взглядомъ настоящее усталая, старая императрица.

Тутъ мало радостей... Замолели бои... Желтѣютъ побѣдные трофеи, знамена... Что развѣ донесется еще съ береговъ Рейна, съ полей Франціи?

Почему спѣшить Екатерина не думать объ этомъ? Слово предчувствіе дурное начинаетъ тревожить ее. Но и вокругъ—мало утѣшенія...

Въ зеркало боится поглядѣть эта сильная, неуывадавшая столько лѣтъ, женщина.

Все, что по царству за долгіе годы было затѣяно ею, что начиналось такъ красиво, съ шумомъ и блескомъ, — стоитъ недодѣлано, недовершено, рушится, еще не получивъ законченныхъ очертаній...

Воспитательные дома Бецкаго, корпуса его и Зорича, Смольное общежитіе простыхъ и благородныхъ дѣвицъ, сводъ установленій и законовъ, населеніе украинскихъ степей, Крыма, Сибири, казна, дороги... Литература, просвѣщеніе, художества...

Какъ порывисто шло дѣло вначалѣ... и теперь остановилась работа почти вездѣ. Нѣтъ людей, нѣтъ охоты ни у кого безкорыстно служить начинаніямъ, въ которыхъ скрытъ залогъ новой будущей жизни общества...

Отчего это?

И, словно отвѣтъ неумолимой, безпристрастной Судьбы, передъ нею начинаютъ выступать какія-то темныя, неясныя картины...

Порою слова правды попадались государынѣ въ лощеныхъ отчетахъ сатраповъ, которые на мѣстахъ, по глухимъ угламъ правили отъ ея имени многомилліоннымъ, терпѣливымъ народомъ... И видитъ она то, чего не хотѣла видѣть всю жизнь...

Покосившіяся, жалкія избы глухихъ деревень... Бездорожье, милліоны людей, живущихъ впроголодь, несущихъ тяжелое тягло безгласныхъ рабовъ... Вотъ тотъ фонъ, то основаніе, тотъ слой земли, на которомъ пышно красуется хрупкое растеніе, слава міровая Екатерины Великой...

Вмѣсто навоза — грязью, кровью и потомъ удобренъ слой черной земли...

И чудится „Семирамидѣ Сѣвера“, что такъ же быстро можетъ увянуть блестящій цвѣтокъ, какъ вызвала она его къ жизни цѣною многолѣтнихъ думъ, напряженій, труда...

Уйдетъ она, — и рухнетъ многое... И многихъ погребетъ подъ своими развалинами...

А, не все ли ей равно! Ея тогда не будетъ...

И только устало склоня старую, сѣдую голову, повторяетъ эта великая артистка на сценѣ всемірной исторіи:

— Только бы не упасть, не свалиться самой, раньше времени... А упасть и умереть!

— Да, и скорѣй бы ужъ это... я такъ устала! — со всѣмъ тихо добавляетъ она.

Какъ будто боится, что Судьба подслушаетъ это невольное желаніе души и исполнить его.

Судьба подслушала...

* * *

4 сентября было собраніе въ Эрмитажѣ.

Довольная извѣстіями, полученными отъ Суворова, императрица казалась очень весела.

Подъ конецъ вечера, вставъ изъ-за картъ, она обходила гостей, а за ней ковыляла дура-шутиха, Матрена Даниловна, несмотря на свою показную глупость, хорошо умѣвшая уловить, что толкуютъ въ простомъ народѣ. Успѣвавшая собирать всѣ столичныя сплетни и подносить ихъ Еккатеринѣ, которая очень чутко прислушивалась и къ дворцовымъ „коммеражамъ“, и къ говору народной толпы.

— Вотъ, потасцили угодника, — сюсюкала Даниловна по поводу перенесенія новыхъ мощей: — потасцили, словно утопленника, волокомъ... А надо было на головускахъ понести, какъ по старинкѣ, по закону... Илоды нѣмецкіе!.. Все не понасему дѣлають, Кателинуска!..

— Правда твоя, Даниловна. А что про грозу говорятъ, не слыхала?

— Пло глазу, что была по осени? Глозное, говолятъ, царство будетъ...

— Какое грозное царство? Чье?

— Бозье... Богъ судить царей и псарей станетъ... И будетъ Ево глозное царство!

— Глупости ты болтаешь...

— Ну, Кателинуска, ты очень умна... Узъ больно возносься... Гляди, носъ разсибесь, какъ давеца съ лѣсеньки: цубулахъ... гоп-гоп-гоп.. Покатилась-поѣхала наса кума съ олѣхами...

— Ну, поди, ты надоѣла мнѣ...

— Пойду, пойду... И то не ладно... Баиньки поидеть Даниловна... Пласчай, Кателинуска...

— Что прощаться вздумала, дура? Никогда того не было... — съ неудовольствіемъ кинула ей государыня и дальше прошла.

Вдругъ, изъ боковыхъ дверей показался ряженный, коробейникъ.

— Съ товарами, съ ситцами... Съ разными товарами заморскими, диковинными! Къ намъ, къ намъ жалуйте... Вотъ я съ товарами!

— Ну, пожаловаль! — узнавъ голосъ вѣчнаго затѣйника, Льва Нарышкина, радостно отозвалась императрица: — Иди, иди сюда! Показывай, вотъ, молодымъ особамъ, какія у тебя новиночки?.. Да не дорожись, смотри...

— Съ пальцемъ — девять, съ огурцомъ — дюжина! — По своей цѣнѣ отдаю, совсѣмъ даромъ продаю. Чего самой не жаль, то у дѣвицы я и взялъ... А дамы, что дадутъ, я тоже тутъ, какъ тутъ! Атласъ, канифасъ, сюрма, бѣлила у насъ, покупали прошлый разъ... Вотъ, вы, сударыня! — указаль на Екатерину старый балагуръ.

— Врешь... Эй, велите подать льду... Сейчасъ докажу, что не нужно мнѣ такого товару. Себѣ лицо обмою, тебѣ носъ приморожу, старый обманщикъ, клеветникъ... Неправдой не торгуй! И безъ тебя ея много...

— Пожалуйте, молодки, нѣтъ лучше находки, какъ мои товары... — зазываль Нарышкинъ съ манерами заправскаго коробейника.

Его окружили. Онъ сыпаль шутки и остроты.

Всѣ смѣялись, и государыня чуть ли не больше всѣхъ.

Подошелъ Андрей Шуваловъ.

— А, вотъ и вы, графъ, — пожалуйста, пожалуйста, — дѣлая глубокой реверансъ, пригласила его императрица.

— Жалую, жалую. Всегда радъ жаловать, къ веселью, ваше величество, матушка ты моя!

И глубокимъ, низкимъ реверансомъ, по-женски, отвѣтилъ на реверансъ государыни.

Хохотъ раздался вокругъ.

— Но, господа, напрасно смѣтаетесь. Мы съ графомъ старые друзья... Сколько?... Лѣтъ... или не говорить количества... Не скажу... Много лѣтъ съ нимъ знакомы... Можно намъ и пошутить другъ съ другомъ... Однако,—вдругъ блѣднѣя и сводя брови, сказала она:—отъ хохоту, видно, снова колика вступила въ меня... Генераль, дайте руку... На покой пора... Веселитесь, друзья мои... Покупайте, торгуйтесь только съ этимъ старымъ плутомъ... Онъ васъ надуетъ, гниль продастъ втридорога,—шутя на прощаньи, погрозила Екатерина Нарышкину концомъ своей трости...

— Я со старшихъ примѣръ беру, матушка,—на колкость—колкостью отвѣтилъ куртизанъ.

Екатерина ушла. А смѣхъ и веселье долго еще не умолкало въ покояхъ ярко освѣщеннаго Эрмитажа.

Фаворитъ далеко за полночь ушелъ отъ государыни и послалъ къ ней Перекусихину.

— Подежурьте ужъ при матушкѣ, Марья Саввишна. Все неможется. ей, — попросилъ встревоженный фаворитъ, не сумѣвшій совершенно облегчить нездоровья своей покровительницы.

Тревожно спала императрица, но утромъ проснулась въ обычный свой часъ.

Никого не призывая, затопила каминъ, сѣла къ столу, но работать ей не хотѣлось. Она подвинула большой энциклопедическій словарь, изъ котораго выбирала матеріалы для историческихъ своихъ сочиненій, и стала просматривать его. И задумалась.

Захаръ неслышно внесъ кофе, поставилъ его на обычное мѣсто.

Отъ неожиданности, слышала шорохъ, Екатерина вздрогнула, но сейчасъ же сдержалась.

— Съ добрымъ утромъ. Какъ почивать изволили, матушка? — участливо спросилъ старый Захаръ: — ночью-то, сказываютъ, недужилось?

— Нѣтъ, пустое. Видишь, совсѣмъ весела... Только... что это, мухи, что ли летаютъ у насъ въ комнатѣ? Мелькаютъ они у меня въ глазахъ.

— Мухи? Матушка, и лѣтомъ мало ихъ пускаемъ къ тебѣ... А теперь и вовсе не пора... Такъ, въ глазкахъ отъ устали, мельканіе... Бросила бы ты все это... Хоть малый отдыхъ дала бы себѣ, матушка, ваше величество.

— Нельзя, Захаръ. Сейчасъ особливо... Дѣла столько... Стой, кто тамъ говоритъ въ передней у тебя?

Оба стали прислушиваться.

— Да, никого, матушка... Тихо. Развѣ пустятъ теперь кого къ тебѣ, въ необычную пору? Въ ранній такой часъ? Кромѣ генерала, такъ онъ свою дверь знаетъ... Никого тамъ...

— Значить и въ ушахъ у меня что-то... Правда, устала... Кофе какой-то... совсѣмъ невкусный сегодня... И слабый. Я же приказывала теперь покрѣпче мнѣ... Силь надо. Ступай, еще чашку принеси...

— Матушка, личико-то, вонъ, у тебя и такъ пятнами зардѣлося. Кофе, какъ всегда. Въ головку бы кровь не вступила...

— Пожалуйста, ступай и принеси... Работать надо мнѣ, слышалъ? И времени нѣтъ больше болтать съ тобой. Въ другой разъ... Придутъ секретари, — пускай ихъ по порядку... Да, постой... Не слышалъ, что въ городѣ гово-

рять о нашей побѣдѣ надъ французиками, надъ мартинистами безбожными? И про меня? Про мое здоровье?

— А что-же про твое здоровье? Одно слышалъ: всѣ Бога молятъ: долго бы тебѣ еще жить. Боятся, послѣ тебя, матушка, — хуже будетъ... Не знаютъ вѣрно, что ваше величество на счетъ внука полагаете... Опасаются Павла Петровича многіе. А другіе — ничего. Говорятъ: „сынъ долженъ за матерью царствовать“. Разно толкуютъ, матушка. А что на счетъ французовъ? Такъ, какъ сказать? Далекое-де, моль, дѣло... Стоить-ли ради чужихъ королей своихъ ребятъ далеко угонять?.. Извѣстно, глупый народъ. Не понимаютъ высокой политики твоей... Да, и слушать ихъ нечего, матушка...

— Ты думаешь?.. Ну, иди, пожалуйста... Кофе еще... И... воды холодной стаканъ... Жарко какъ натоплено нынче... Опять мухи. Или, нѣтъ ихъ, ты говоришь? Иди... Старикъ ушелъ.

Старуха-государыня, совѣмъ усталая, съ краснымъ лицомъ, опустила голову на руки и задумалась.

Опять нынче ночью видѣла она эту загадочную черную тѣнь...

Кто это такой?!... Кого-же нибудь во снѣ вызываетъ тревожная память... Сны — отраженіе жизни... Кто эта тѣнь?

Глядитъ въ уголь — и вдрогнула, затряслась...

Вотъ она, стоитъ... Мухи чаще замелькали въ глазахъ... Лицо открылось у тѣни... Отъ мухъ оно рябое все... Нѣтъ. Оно рябое, это лицо... Лицо Петра... Блѣдное, залитое кровью, изсиня-блѣдное. Глаза закрыты, но они глядятъ...

Что это, галлюцинація? Но она здорова. Вотъ, встала, прошлась.

И сразу двинулась въ уголь, гдѣ видѣла тѣнь.

Конечно, никого.

Обманъ зрѣнія.

Опять сѣла. И вдругъ громко крикнула:

— Я здѣсь, мама.....

Какъ это случилось? Почему она крикнула?

Да, просто. Она сильно задумалась, совсѣмъ позабыла, гдѣ сидитъ?

И ясно услышала, какъ изъ сосѣдней комнаты громко позвала ее покойная мать:

— Фикхенъ! Софи!

Вотъ, и отделинулась на зовъ, такъ же громко. А при этомъ — очнулась.

Нѣтъ Фикхенъ... Больше нѣтъ Софи.

Новую вѣру, новое имя дали той дѣвочкѣ. Екатерина теперь она... Великой ее зовутъ въ глаза и за глаза.

Отчего-же эти слезы на глазахъ? Дѣтскія, горькія, безпричинныя слезы?

Нездорова она, на самомъ дѣлѣ. Надо снова кровь пустить. Подлѣчиться и отдохнуть. Поѣхать опять по царству. И дѣло, и отдыхъ разомъ.

Вотъ, въ Москву надо. Рапорты оттуда не нравятся императрицѣ.

Въ обществѣ вышемъ — волненіе. Власти или бездѣйствуютъ, или продаютъ себя и служебную свою честь за деньги... Народъ волнуется глухо...

Можетъ и сильнѣе заговорить, если подвернется случай.

— Да, надо въ Москву поѣхать... Пожить тамъ, — снова вслухъ, проговорила государыня.

— Ваше величество, съ кѣмъ это вы? — въ тревогѣ спросилъ неслышно вошедшій фаворитъ, которому Захаръ сообщилъ о нездоровьи императрицы.

— Ни съ кѣмъ, дружокъ. Такъ, про себя сказала: въ Москву намъ съѣздить съ тобою надо на малый срокъ.

Подтянемъ тамъ, кого слѣдуетъ... Какъ почиваль, дружокъ?—весело, ласково, стараясь казаться бодрѣ, спросила она у фаворита.

— Благодарю, ваше величество. И вы изволите такъ нынче, благодареніе Господу, свѣжо выглядѣть. А Захаръ толкуетъ...

— Дуракъ твой Захаръ. Я его прочь погоню. Зажился, зажирѣлъ. Суется, куда не надо.

— Ну, сказывай, если дѣла есть?

— Сейчасъ никакихъ, ваше величество. Вотъ, что потомъ...

— Ну, такъ, сиди, слушай, какъ я съ моими людьми работать стану. А не хочешь, погуляй, ступай по Эрмитажу... Тамъ просторно. Воздухъ свѣжій... Съ Богомъ. Жду тебя потомъ.

Зубовъ, цѣлуя руку государынѣ, удивился, какъ сильно пульсируетъ она и подумалъ:

— Ну, поправляется государыня. Какъ крѣпко выглядить.

Откланялся и вышелъ, радостный, довольный. Напрасны тревоги. Поживетъ еще Екатерина, поцарствуетъ онъ, Зубовъ, на зло всѣмъ недругамъ, завистникамъ своимъ!

Обычнымъ порядкомъ идутъ занятія у государыни съ секретаремъ ея, Грибовскимъ.

Вотъ, начала она писать резолюцію на одномъ докладѣ, остановилась на полу-словѣ, подняла голову:

— Пойди, голубчикъ, рядомъ подожди минутку. Я скоро вернусь, позову тебя...

Онъ удалился.

Скрылась Екатерина за небольшой дверью особаго покоя, куда кромѣ нея никому не было входа.

По странной прихоти престарѣлой государыни сюда

былъ поставленъ древній польскій тронъ, привезенный послѣ разгрома Варшавы.

Какъ-будто видомъ его хотѣла питать свое величіе „Семирамида сѣвера“...

Третій тронъ, третья корона...

Пусть и въ неподходящемъ мѣстѣ поставленъ этотъ тронъ... Но такъ онъ постоянно на глазахъ, какъ залогъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ ей судьбою и сдержанныхъ до конца...

Вдругъ, снова позвали Екатерину.

Разные голоса зовутъ...

Черныя мухи все крупнѣе и крупнѣе, летаютъ, мечутся въ глазахъ...

Красныя мухи летать стали... Пересохло въ горлѣ сразу. Языкъ большимъ, сухимъ кажется. Какъ ноги отяжелѣли. Свинцовыя, не двинуть ими... Подняться не можетъ. И руки тоже... Встать-бы... сдѣлать шагъ, позвать... Подымутъ, спасутъ... Это ударъ... Да... Это можно спасти... Голоса... круги, звѣзды... Цѣлое море огней... Хаосъ звѣздъ, звоны, крики, набатъ... Зовутъ издалека... И черная тѣнь съ изрытымъ осною лицомъ...

Онъ, опять...

Со стономъ рванулась съ своего сидѣнья Екатерина и повалилась, глухо хрипя, у самыхъ дверей тихого, недоступнаго для другихъ, покоя...

Долго ждалъ секретарь. Онъ догадался, куда удалилась Екатерина. Но долго слишкомъ длится отсутствіе.

Ни Захаръ, никто изъ ближней прислуги, тоже потревоженные, не смѣютъ все-таки безъ зова войти въ запретную комнату.

— Зубовъ... генераль въ Эрмитажѣ... За нимъ сходите, — говоритъ секретарю Захаръ.

Напуганный, блѣдный подбѣжалъ Зубовъ къ запретной

двери, слушаетъ: словно какое-то невнятное хрипѣніе долетаетъ изъ-за тяжелой, толстой двери.

Нажавъ ручку, съ трудомъ поддается дверь; сильнѣе нажалъ—и увидѣлъ Екатерину, лежащую на полу.

Кровавая пѣна влѣбится на губахъ, удушливое хрипѣніе вылетаетъ изъ нихъ...

— Доктора, доктора скорѣе, — крикнулъ Зубовъ.

Но уже нѣсколько человѣкъ безъ приказанія кинулись за Роджерсономъ...

Лежить на кровати больная.

Пѣна влѣбится, хрипѣніе то затихаетъ, то снова оглашаетъ спальню, нагоняя страхъ на окружающихъ...

— Кровь надо пустить, — говоритъ Роджерсонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, боюсь я, — вскрикиваетъ Зубовъ: — вдругъ умереть... Спасите, помогите...

Пожимаетъ плечами старый врачъ. Голову потерялъ фаворитъ. Но ничего сдѣлать нельзя...

Оттираютъ больную, припарки ставятъ, оттираютъ кровавую пѣну на губахъ...

Осторожно подошелъ къ нему Алексѣй Орловъ, большой, сумрачный, съ кровавымъ старымъ шрамомъ на щекѣ.

Онъ за дѣломъ пріѣхалъ сюда, тайно говорилъ съ Александромъ Павловичемъ... Думалъ новый поворотъ дать судьбѣ, въ виду скорой смерти императрицы, которой всѣ ожидали...

Но уклончивый, осторожный Александръ только сказалъ:

— Если есть завѣщаніе, если признаютъ меня, — значитъ—воля Божья. А самъ я ни въ какія авантюры ни съ кѣмъ не войду...

Вотъ почему явился немедленно во дворецъ Орловъ, какъ только услышалъ черную вѣсть.

Подошелъ онъ къ фавориту, нагнулся и шепчетъ:

— Вы растерялись. Мнѣ жаль васъ... Пошлите брата какого-нибудь къ цесаревичу... на всякій случай, понимаете? Дайте ему скорѣе знать, что тутъ дѣлается.

Посмотрѣлъ широкими глазами, словно не понимая, фаворитъ, сообразилъ, крѣпко пожалъ руку Орлову и пошелъ къ брату, Николаю, стоящему съ другими, въ сосѣднемъ покоѣ.

Выслушавъ брата, Николай Zubovъ поскакалъ въ Гатчино. Павелъ быстро явился во дворецъ.

Встрѣтя сыновей въ первомъ покоѣ, онъ сказалъ:

— Александръ, поѣзжай въ Таврическій. Тамъ прими бумаги, какія есть... Ты, Константинъ, съ княземъ, указывая на Безбородко, продолжалъ Павелъ, — опечатаешь бумаги, какія найдутся у Zubova... И потомъ будь на готовѣ...

Блѣденъ цесаревичъ, но спокоенъ. И даже, какъ-будто очень веселъ, но глубоко скрываетъ эту радость, которая слишкомъ не кстати теперь, здѣсь.

Осторожно войдя въ покой, гдѣ лежитъ умирающая, онъ долгимъ взглядомъ изучаетъ ея лицо...

А Роджерсонъ шепчетъ:

— Плохо, ваше величество... До утра, врядъ-ли продлится агонія...

— Агонія?.. Такъ это — агонія! — про себя думаетъ Павелъ. И вдругъ, вздрогнулъ. Какое-то мягкое, тяжелое тѣло мѣшкомъ рухнуло къ его ногамъ.

Это — Платонъ Zubovъ. Тотъ, кто далъ ему знать о радостной минутѣ... Тотъ, кто много мучительныхъ минутъ доставилъ цесаревичу...

Что скажетъ этотъ человѣкъ, такой надменный, чванный всегда? А теперь — постарѣлый сразу, съ красными, напухшими отъ слезъ, глазами, съ дрожащими руками, которые ловятъ ботфорты цесаревича...

— Простите! Помилуите грѣшнаго! — слезливо, по-бабьи какъ-то молить фаворитъ, припадая грудью, увѣшанной всѣми орденами и звѣздами къ пыльнымъ ботфортамъ Павла, лоя его руки:—Пощадите...

Онъ по рабски цѣлуетъ узловатя руки, сухіе пальцы цесаревича... Трость, знакъ дежурнаго флигель-адъютанта, — упала, лежитъ рядомъ съ Зубовымъ...

Первымъ движеніемъ цесаревича было — пнуть носкомъ въ лицо низкаго вельможу.

Но онъ удержался. Кругомъ, — такая толпа. Мужчины, старые воины, — плачутъ, глядятъ на Павла, какъ на чужого. И не думаютъ даже, что въ эту минуту онъ сталъ ихъ господиномъ, какъ раньше была эта умирающая женщина...

Нельзи начинать искреннимъ порывомъ. Надо надѣть маску.

Знакомъ велитъ онъ подать ему трость Зубова. Вѣжливо трогаетъ за плечо фаворита, ползающаго червякомъ у его ногъ.

— Подымитесь, встаньте... Не надо этого. Берите свою трость. Исполняйте свой долгъ, правьте служебныя обязанности... Другъ моей матери — будетъ и моимъ другомъ. Надѣюсь, вы станете также вѣрно служить мнѣ, какъ и ей служили...

— О, ваше величество...

— Вѣрю...

Давъ знакъ сыновьямъ, онъ вышелъ съ ними въ кабинетъ, заперъ за собой дверь.

Одинъ Безбородко послѣдовалъ за ними.

— Ну, вы идите, какъ я сказалъ... Къ Зубову и въ Таврической. А я тутъ погляжу съ княземъ.

Цесаревичи ушли.

Быстро нашелъ въ одномъ изъ столовъ Павелъ то,

что искалъ: большой пакетъ, перевязанный черной лентой, съ надписью:

— „Вскрыть послѣ моей смерти въ Сенатѣ“...

Дрожить развернутый листъ въ рукахъ Павла. Немного тамъ написано. Но такое ужасное для него... Стиснулъ зубы, стоитъ, блѣдный, въ раздумьи... На Безбородку кидаетъ растерянные взгляды.

Старый дипломатъ негромко замѣчаетъ:

— Какъ холодно нынче... Вонъ, и каминъ зажженъ...

— Погрѣйтесь, ваше величество... Удъ васъ будто лихорадка...

Указалъ на огонь, а самъ подошелъ къ окну, глядитъ: что дѣлается передъ дворцомъ?

Павель у камина... Дрожить рука... Мигъ...

И затлѣлъ плотный листъ... загорѣлся крѣпкой, атласистый конвертъ, въ которомъ лежала роковая бумага... Горить... Вотъ—тлѣть стала зола... свернулась... Золотыя искорки улетѣли въ трубу камина...

— Пойдемте, князь, разберемъ дальше бумаги,—хриплымъ голосомъ зоветъ Безбородку Павель и вѣжливо пропускаетъ впередъ стараго, умнаго вельможу...

Старое царство минуло.

Воцарился новый императоръ, — Павель I...

К о н е ц ъ .

Л. ЖДАНОВ
ПОСЛЕДНИЙ ФАВОРИТ
КНИГА 2
репринтное издание

Подписано в печать 19.01.90. Формат 60×
×90¹/₁₆. Бумага кн. журн. для офсет. печ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0. Усл.
кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 10,18. Тираж
100 000 экз. Заказ № 435. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена
Трудового Красного Знамени МПО «Первая
Образцовая типография» Государственного
комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.



2p 90K